Начало рабочего движения и распространение марксизма в России

/1883-1894 годы/

ДОКУМЕНТЫ
и
МАТЕРИАЛЫ

МОСКВА
Государственное Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1960

В состав сборника входят материалы и документы, освещающие начальный период истории нашей партии (1883—1894 годы), «период,— по характеристике, данной В. И. Лениным,— возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии», когда она, как политическая партия, переживала процесс утробного развития.

Материалы сборника помогают выяснить, как вместе с развитием капитализма и ростом пролетариата в России начали различными путями распространяться идеи научного социализма, марксизма, захватывая своим влиянием все большие и большие слои революционной интеллигенции и рабочего класса. Документы сборника показывают, какой вклад внесли предшественники русской социал-демократии и первые марксистские кружки и группы в дело создания пролетарской партии, какую при этом ожесточенную борьбу пришлось выдержать первым марксистам с народничеством, как с идеологией, враждебной рабочему классу.

Марксистские кружки и группы, созданные в ходе этой борьбы, были неизбежным этапом рабочего движения и развития социал-демократии. В условиях жестокого полицейского режима в России, по замечанию В. И. Ленина, «социалистическая рабочая партия *не могла* развиться иначе, как из кружков».

Эти кружки и группы, опираясь на опыт революционеров-демократов и революционных народников, участвовали в теоретическом и практическом подготовлении российской социал-демократии.

В этот период начал свою революционную деятельность В. И. Ленин, который завершил идейный разгром народничества и подготовил условия для объединения всех социал-демократических сил России в единую партию.

Наряду с руководящими произведениями классиков марксизма-ленинизма в сборник вошли материалы, принадлежащие первым рабочим организациям, марксистским кружкам и социал-демократическим группам, воспоминания участников событий, а также документы царской администрации, раскрывающие тяжелое положение рабочих и отражающие их борьбу за свои права.

Сборник рассчитан на студенческий и преподавательский состав высших учебных заведений, на пропагандистов и слушателей сети партийного просвещения, а также на самостоятельно изучающих историю КПСС.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Период с 1883 по 1894 г., который освещают документы и материалы предлагаемого читателю сборника, является важным этапом в истории рабочего и социал-демократического движения в России. Характеризуя его, В. И. Ленин писал: «Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884—1894 гг. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития» (стр. 24 сборника).

В это время на базе возникающего рабочего движения зарождались первые марксистские кружки и группы, начинала развертываться систематическая пропаганда марксизма. Однако связь этих кружков с рабочим движением была эпизодической. В условиях полицейских преследований трудно было установить более тесную связь еще слабых в теоретическом и организационном отношении групп с практической борьбой рабочих.

Деятельность первых марксистских организаций была направлена на формирование революционной идеологии рабочего класса и на дальнейшее развитие рабочего движения в различных его формах. Социал-демократы указывали на необходимость объединения разрозненной и распыленной экономической борьбы и превращения ее в общеклассовую борьбу пролетариата против самодержавия и буржуазии.

Распространение марксизма в России опровергало ошибочное утверждение народников о бесперспективности рабочего движения, говорило о том, что в России новая революционная теория находит благодатную почву и пускает крепкие корни.

Народничество в этот период вырождалось в либеральное течение, становясь выразителем интересов кулачества. Марксизм в России пробивал себе дорогу к рабочему классу в ожесточенной борьбе с либеральным народничеством.

КРИТИКА Ф. ЭНГЕЛЬСОМ НАРОДНИЧЕСТВА

Ф. Энгельс

ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РОССИИ[69]

Г-н Ткачев [70] мимоходом сообщает немецким рабочим, что у меня относительно России нет ни «малейших сведений», что, наоборот, я проявляю одно лишь «невежество»; он чувствует себя поэтому вынужденным разъяснить им истинное положение дел, а в особенности — те причины, вследствие которых именно теперь социальная революция в России может быть осуществлена легко и шутя, гораздо легче, чем в Западной Европе.

«У нас нет городского пролетариата, это правда; но зато у нас нет и буржуазии... Нашим рабочим предстоит борьба лишь *с политической властью: власть капитала* у нас еще в зародыше. А вам, милостивый государь, небезызвестно, что борьба с первой гораздо легче, чем борьба с последней».

Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. У дикарей и у полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти уже по одному тому, что из этого состояния, с развитием общественных производительных сил, необходимо возникают классовые различия. Только на известной, для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Такой степени развития производительные силы

достигли лишь в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но *зато* нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма.

Итак, русским рабочим — а эти рабочие, как говорит сам г. Ткачев, «земледельцы и в качестве таковых не пролетарии, а *собственники*»,— сделать это легче, потому что им предстоит бороться не с властью капитала, а «только с политической властью», с русским государством. А это государство «только издали кажется силой... Оно не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов никакого сословия... У вас государство вовсе не мнимая сила. Оно обеими ногами опирается на капитал; оно воплощает в себе (!) известные экономические интересы... У нас в этом отношении дело обстоит как раз наоборот; наша общественная форма обязана своим существованием государству, которое, так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим общественным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем».

Не будем останавливаться на путаном представлении, будто экономические интересы нуждаются для своего *воплощения* в ими же создаваемом государстве. Оставим также в стороне смелое утверждение, будто русская «общественная форма (к которой принадлежит ведь и общинная собственность крестьян) обязана своим существованием государству», а также и противоречивое утверждение, что это государство «не имеет ничего общего» с существующим общественным строем, который якобы является его созданием. Присмотримся лучше сразу к этому «висящему в воздухе государству», которое не представляет интересов решительно ни одного сословия.

В Европейской России крестьяне владеют 105 миллионами десятин земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15 000 дворян, имеющих, таким образом, в среднем по 3 300 десятин каждый. Крестьянской земли, следовательно, только чуть-чуть больше, чем земли дворянской. Как видите, у дворян нет ни малейшей заинтересованности в том, чтобы существовало русское государство, обеспечивающее им владение половиной страны! Далее. Крестьяне со своей половины платят в год 195 миллионов рублей земельного налога, дворяне — 13 миллионов! Дворянские земли в среднем вдвое плодороднее крестьянских, так как при разделе, последовавшем в связи с выкупом барщины, государство отняло у крестьян и передало дворянам не только больше земли, но и лучшую землю, причем крестьяне вынуждены были за свою худшую землю платить дворянству по цене самой лучшей. И русское дворянство совсем не заинтересовано в существовании русского государства!

Крестьяне — в массе своей — в результате выкупа оказались в чрезвычайно бедственном, совершенно невыносимом положении. У них не только отняли бо́льшую и лучшую часть их земель, так что даже в самых плодородных областях империи крестьянские наделы слишком малы, чтобы — при русских земледельческих условиях—на них можно было прокормиться. С крестьян не только взяли за эту землю непомерно высокую цену, которую выплатило за них вперед государство и которую они вынуждены теперь постепенно выплачивать государству вместе с процентами. На них не только взвалена почти вся тяжесть земельного налога, в то время как дворянство от него почти вовсе освобождено; — этот налог один поглощает и даже превосходит всю стоимость ренты с крестьянской земли, так что все остальные платежи, которые должен вносить крестьянин, о них мы скажем ниже, составляют уже прямой вычет из той части его дохода, которая представляет собой его заработную плату. Мало того. К земельному налогу, к выкупным платежам и процентам за предварительную их выплату государством со времени введения местного управления прибавились еще губернские и уездные сборы. Существеннейшим следствием этой «реформы» были новые податные тяготы для крестьян. Государство целиком сохранило свои доходы, но значительную часть расходов оно свалило на губернии и уезды, которые ввели для их покрытия новые налоги, а в России является правилом, что высшие сословия почти свободны от налогов, а крестьянин платит почти все.

Такое положение будто нарочно создано для ростовщика, а в ростовщике там нигде нет недостатка при почти беспримерной способности русских к торговле в ее низших формах, к использованию благоприятных обстоятельств и к неразрывно связанному с этим надувательству: недаром ведь еще Петр I говорил, что один русский справится с тремя евреями. Как только приближается время взыскания податей, является ростовщик, кулак — часто богатый крестьянин той же общины — и предлагает свои наличные деньги. Крестьянину деньги нужны во что бы то ни стало, и он вынужден принимать условия ростовщика беспрекословно. Тем самым он лишь еще глубже попадает в тиски, нуждается в наличных деньгах все больше и больше. Ко времени жатвы появляется хлеботорговец; нужда в деньгах заставляет крестьянина сбыть часть зерна, необходимого для пропитания собственной семьи. Торговец хлебом распространяет ложные слухи, снижающие цены, платит низкую цену, да и ту подчас уплачивает частично всяческими товарами по высокой расценке, ибо система оплаты товарами (trucksystem) в России очень развита. Большой вывоз русского хлеба основан, таким образом, прямо на голоде крестьянского населения.— Другой способ эксплуатации крестьян заключается в том, что спекулянт арендует у правительства на продолжительный срок участок казенной земли, обрабатывает его сам, пока земля приносит хороший урожай без удобрения, а затем делит этот участок на мелкие клочки и сдает истощенную землю за высокую ренту соседним малоземельным

крестьянам. Если выше мы видели английскую систему оплаты товарами, то здесь мы имеем точную копию ирландских посредников (middlemen). Словом, нет другой такой страны, в которой при всей первобытной дикости буржуазного общества был бы так развит капиталистический паразитизм, как именно в России, где вся страна, вся народная масса подавлена и опутана его сетями. И все эти кровопийцы, сосущие крестьян, все они нисколько не заинтересованы в существовании русского государства, законы и суды которого охраняют их ловкие и прибыльные делишки!

Крупная буржуазия Петербурга, Москвы, Одессы, развивающаяся с неслыханной быстротой за последние десять лет, в особенности благодаря строительству железных дорог и задетая последним кризисом самым живейшим образом, все эти экспортеры зерна, пеньки, льна и сала, все дела которых целиком строятся на нищете крестьян, вся русская крупная промышленность, существующая только благодаря пожалованным ей государством охранительным пошлинам,— разве все эти влиятельные и быстро растущие элементы населения не заинтересованы в существовании русского государства? Нечего уж и говорить о бесчисленной армии чиновников, наводняющей и обворовывающей Россию и образующей там настоящее сословие. И когда после этого г. Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов никакого сословия», что оно «висит в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г. Ткачев висит в воздухе.

Что положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости стало невыносимым, что долго это удержаться не может, что уже по этой причине революция в России приближается,— это ясно. Вопрос лишь в том, каков может быть, каков будет результат этой революции? Г-н Ткачев говорит, что она будет социальной революцией. Это чистая тавтология. Всякая действительная революция есть социальная революция, поскольку она приводит к господству новый класс и дает ему возможность преобразовать общество по своему образу и подобию. Но г. Ткачев хочет сказать, что революция будет социалистической, что она введет в России, прежде еще чем мы достигнем этого на Западе, ту общественную форму, к которой стремится западноевропейский социализм,— и это при таком состоянии общества, когда и пролетариат и буржуазия встречаются пока лишь спорадически и находятся на низшей ступени развития! И это возможно, мол, потому, что русские являются, так сказать, избранным народом социализма, обладая артелью и общинной собственностью на землю!

Об артели г. Ткачев упоминает лишь вскользь, но мы здесь на ней остановимся, так как уже со времени Герцена многие русские приписывают ей таинственную роль. Артель — это широко распространенная в России форма товарищества, простейшая форма свободной кооперации, подобно той, которая существует у охотничьих племен во время охоты. И по названию и по существу она татарского,

а не славянского происхождения. И то и другое встречается у киргизов, якутов и т. д., с одной стороны, и у саамов, ненцев и других финских народов — с другой*. Поэтому артель развивается первоначально не на юго-западе России, а на севере и востоке, в местах соприкосновения с финнами и татарами. Суровый климат требует разнородной промышленной деятельности, а недостаточное развитие городов и нехватка капитала возмещается по мере возможности этой формой кооперации. — Один из важнейших отличительных признаков артели, круговая порука ее членов друг за друга перед третьими лицами, покоится первоначально на узах кровного родства, как взаимная порука (Gewere) у древних германцев, кровная месть и тому подобное.— Впрочем, слово артель применяется в России не только ко всякого рода совместной деятельности, но и к общим учреждениям.— В рабочих артелях всегда избирается начальник (староста, старшина), который исполняет обязанности казначея, счетовода и т. п., по мере надобности — управляющего и получает особое жалованье. Подобные артели возникают:

1) для временных предприятий, по окончании которых они распадаются;

2) среди лиц, занимающихся каким-нибудь одним промыслом, например, среди носильщиков и т. п.;

3) для постоянных предприятий, промышленных в собственном смысле слова.

Они учреждаются на основе договора, подписываемого всеми членами. Если же эти члены не могут сами собрать необходимый капитал, как это часто бывает, например, в сыроварении и в рыболовстве (для покупки сетей, судов и пр.), то артель попадает в лапы ростовщика, который ссужает за высокие проценты недостающую сумму и с этого момента кладет себе в карман бóльшую часть трудового дохода. Но еще более гнусно эксплуатируются те артели, которые целиком нанимаются к предпринимателю в качестве наемных рабочих. Они сами управляют своей собственной промышленной деятельностью и тем сберегают капиталисту издержки надзора. Он сдает им лачуги для жилья и предоставляет в кредит пропитание, причем опять развивается самым гнусным образом система оплаты товарами. Так обстоит у лесорубов и смолокуров Архангельской губернии, во многих промыслах в Сибири и др. (ср. Флеровский, «Положение рабочего класса в России». С.-Петербург, 1869 г.). Таким образом, артель является здесь средством, *облегчающим* капиталисту эксплуатацию наемных рабочих. С другой стороны, однако, есть и такие артели, которые сами имеют наемных рабочих, *не* состоящих членами товарищества.

Итак, артель есть первобытная и потому еще очень неразвитая форма кооперативного товарищества и как таковая не представляет собой ничего исключительно русского или же славянского. Подобные товарищества образуются повсюду, где в них есть нужда:

* Об артели см., между прочим, «Сборник материалов об артелях в России», выпуск 1, С.-Петербург, 1873 г. *(Примечание Энгельса.)*

в Швейцарии в молочном деле, в Англии в рыболовстве, где они даже очень разнообразны. Силезские землекопы (немцы, отнюдь не поляки), построившие в 40-х годах столько немецких железных дорог, были организованы в настоящие артели. Преобладание этой формы в России доказывает, конечно, наличие в русском народе сильного стремления к ассоциации, но вовсе еще не доказывает, что этот народ способен с помощью этого стремления прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй. Для такого перехода нужно было бы прежде всего, чтобы сама артель стала способной к развитию, чтобы она отбросила свою первобытную форму, в которой она, как мы видели, служит больше капиталу, чем рабочим, и поднялась *по меньшей мере* до уровня западноевропейских кооперативных товариществ. Но, если на сей раз поверить г. Ткачеву (что после всего предыдущего все же более чем рискованно),— до этого еще очень далеко. Напротив, с чрезвычайно характерным для его точки зрения высокомерием он уверяет нас: «Что касается кооперативных и кредитных товариществ по немецкому(!) образцу, которые с недавних пор искусственно насаждаются в России, то большинство наших рабочих встречает их с полнейшим равнодушием, и они почти везде потерпели полный провал». Современное кооперативное товарищество доказало, по крайней мере, свою способность самостоятельно вести с выгодой крупные промышленные предприятия (прядильные и ткацкие в Ланкашире). Артель же до сих пор не только неспособна к этому, но она неизбежно должна погибнуть при столкновении с крупной промышленностью, если не вступит на путь дальнейшего развития.

Общинная собственность русских крестьян была открыта в 1845 г. прусским правительственным советником Гакстгаузеном, и он раструбил о ней на весь мир как о чем-то совершенно изумительном, хотя в своем вестфальском отечестве Гакстгаузен мог бы еще найти не мало ее остатков, а в качестве правительственного чиновника он даже обязан был знать о них в точности. Герцен, сам русский помещик, впервые от Гакстгаузена узнал, что его крестьяне владели землей сообща, и воспользовался этим для того, чтобы изобразить русских крестьян как истинных носителей социализма, прирожденных коммунистов в противоположность рабочим стареющего, загнивающего европейского Запада, которым приходится лишь искусственно вымучивать из себя социализм. От Герцена эти сведения перешли к Бакунину, а от Бакунина к г. Ткачеву. Послушаем же последнего.

«Наш народ... в своем огромном большинстве... проникнут принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции. Идея коллективной собственности так глубоко срослась со всем миросозерцанием русского народа (мы дальше увидим, сколь обширен мир русского крестьянина), что теперь, когда правительство начинает понимать, что эта идея несовместима с принципами «благоустроенного» общества и во имя этих принципов старается привить народному сознанию

и народной жизни идею частной собственности,— оно может достичь этого лишь при помощи штыков и кнута. Отсюда ясно, что наш народ, несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя они более образованны».

В действительности общинная собственность на землю представляет собой такой институт, который мы находим на низкой ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Ирландии и даже у развивающихся под индийским влиянием малайцев, например, на Яве. Еще в 1608 г. существование общинной собственности на землю на только что завоеванном севере Ирландии послужило для англичан предлогом объявить землю бесхозяйной и как таковую конфисковать в пользу короны. В Индии до сих пор существует целый ряд форм общинной собственности. В Германии она была общим явлением; встречающиеся кое-где еще и теперь общинные земли являются ее остатками; часто, особенно в горах, встречаются еще ее отчетливые следы: периодические переделы общинных земель и тому подобное. Более точные указания и подробности относительно древнегерманского общинного землевладения можно найти в ряде сочинений *Маурера*, которые по этому вопросу являются классическими. В Западной Европе, включая сюда Польшу и Малороссию, эта общинная собственность превратилась, на известной ступени общественного развития, в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства и была мало-помалу устранена. Напротив, в Великороссии (т. е. собственно России) она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле. Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово *мир* означает, с одной стороны, «вселенную», а с другой — «крестьянскую общину». *Весь мир* означает на языке крестьянина собрание членов общины. Следовательно, если г. Ткачев говорит о *«миросозерцании»* русского крестьянина, то он явно неправильно перевел русское слово *мир*. Подобная полная изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для *восточного деспотизма*; от Индии до России, везде, где преобладала эта общественная форма, она всегда порождала его, всегда находила в нем свое дополнение. Не только русское государство вообще, но и даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий, с которыми он, по словам г. Ткачева, «не имеет ничего общего»! — Дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-помалу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства «штыков и

кнута» русского правительства. И это тем более, что общинную землю крестьяне в России не обрабатывают сообща, с тем чтобы делить только продукты, как это происходит еще в некоторых областях Индии. Напротив, в России земля периодически переделяется между отдельными главами семей, и каждый обрабатывает свой участок для себя. Это создает возможность очень большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины, и это неравенство действительно существует. Почти повсюду среди членов общины бывает несколько богатых крестьян, иногда миллионеров, которые занимаются ростовщичеством и высасывают соки из крестьянской массы. Никто не знает этого лучше г. Ткачева. Уверяя немецких рабочих в том, что только кнут и штык могут заставить русского крестьянина, этого коммуниста по инстинкту, по традиции, отказаться от «идеи коллективной собственности», он рассказывает в то же время в своей русской брошюре [71] на стр. 15: «В среде крестьянства вырабатывается класс *кулаков*, *покупщиков* и *съемщиков* крестьянских и помещичьих земель — мужицкая аристократия». Это именно того типа кровопийцы, о которых мы писали выше.

Сильнейший удар общинной собственности нанес опять-таки выкуп барщины. Помещик получил большую и лучшую часть земли; крестьянам осталось едва достаточно, а сплошь да рядом даже недостаточно земли, для того чтобы прокормиться. При этом леса отошли к помещикам; дрова, поделочный и строевой лес, которые прежде крестьянин мог брать даром, он вынужден теперь покупать. Таким образом, у крестьянина нет теперь ничего, кроме избы и голого клочка земли, без средств для его обработки; не хватает обычно и земли, чтобы просуществовать с семьей от жатвы до жатвы. При таких условиях и под гнетом податей и ростовщиков общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она превращается в оковы. Крестьяне часто бегут из общины, с семьями или без семей, бросают свою землю и ищут источник существования в отхожих промыслах*.

Из всего этого ясно, что общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению. Тем не менее нельзя отрицать наличие возможности перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно**; причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без

* О положении крестьян см., между прочим, официальный отчет правительственной сельскохозяйственной комиссии (1873 г.), далее — *Скалдин*, В захолустье и в столице. С.-Петербург, 1870 г. Эта последняя работа принадлежит перу умеренного консерватора. (*Примечание Энгельса.*)

** В Польше, в особенности в Гродненской губернии, где помещики в результате восстания 1863 г. по большей части разорены, крестьяне теперь часто покупают или арендуют помещичьи усадьбы и обрабатывают их совместно и *в общую пользу*. А эти крестьяне уже веками не имеют никакой общинной собственности и притом это не великороссы, а поляки, литовцы и белорусы. (*Примечание Энгельса.*)

того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода,— в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия. Таким образом, г. Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и «собственники», «стоят ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе.

С такой же легкостью, как с экономической революцией, разделывается г. Ткачев и с политической. Русский народ, рассказывает он, «неустанно протестует» против рабства в форме «религиозных сект... отказа от уплаты податей... разбойничьих шаек (немецкие рабочие могут себя поздравить с тем, что Ганс-живодер[72] оказывается отцом германской социал-демократии)... поджогов... бунтов... и поэтому русский народ можно назвать революционером по инстинкту». Все это убеждает г. Ткачева, что «нужно только разбудить одновременно в нескольких местностях накопленное чувство озлобления и недовольства... всегда кипящие в груди нашего народа». Тогда «объединение революционных сил произойдет уже *само собой*, а борьба... должна будет окончиться благоприятно для дела народа. Практическая необходимость, инстинкт самосохранения» создадут уже сами собой «тесную и неразрывную связь между протестующими общинами».

Более легкой и приятной революции нельзя себе и представить. Стоит только в трех-четырех местах одновременно начать восстание, а там уж «революционер по инстинкту», «практическая необходимость», «инстинкт самосохранения» сделают все остальное «уже сами собой». Просто понять нельзя, как же это при такой неимоверной легкости революция давно уже не произведена, народ не освобожден и Россия не превращена в образцовую социалистическую страну.

В действительности дело обстоит совсем не так. Русский народ, этот «революционер по инстинкту», устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против *дворянства* и против отдельных чиновников, но *против царя — никогда*, кроме тех случаев, когда во главе народа становился *самозванец* и требовал себе трона. Последнее крупное крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого женой, а только лишенного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал. Наоборот, царь представляется крестьянину

земным богом: до бога высоко, до царя далеко, восклицает он в отчаянии. Что масса крестьянского населения, в особенности со времени выкупа барщины, поставлена в положение, которое все более и более принуждает ее к борьбе с правительством и с царем,— это не подлежит никакому сомнению; но сказки о «революционере по инстинкту» пусть уж г. Ткачев рассказывает кому-нибудь другому.

А кроме того, *если бы* даже масса русских крестьян была как нельзя более революционна по инстинкту; *если бы* даже мы представили себе, что революции можно делать по заказу, как кусок узорчатого ситца или самовар,— даже тогда позвольте спросить: подобает ли человеку, вышедшему уже из двенадцатилетнего возраста, иметь такое сверхребяческое представление о ходе революции, какое мы здесь видим? И подумать только, что это написано уже после блистательного провала в Испании в 1873 г. первой изготовленной по этому бакунистскому образцу революции[73]. Там тоже восстание начали сразу в нескольких местах. Там тоже рассчитывали на то, что практическая необходимость, инстинкт самосохранения уж сами собой установят крепкую и неразрывную связь между протестующими общинами. И что же получилось? Каждая община, каждый город защищали только самих себя, о взаимной поддержке не было и речи, и Павиа, имея только 3000 солдат, в две недели покорил один город за другим и положил конец всему этому анархистскому величию (см. мою статью «Бакунисты за работой»[74], где это описано подробно).

Россия, несомненно, находится накануне революции. Финансы расстроены до последней степени. Налоговый пресс отказывается служить, проценты по старым государственным долгам уплачиваются путем новых займов, а каждый новый заем встречает все больше затруднений; только под предлогом постройки железных дорог удается еще доставать деньги! Администрация давно развращена до мозга костей; чиновники живут больше воровством, взятками и вымогательством, чем жалованьем. Все сельскохозяйственное производство — наиболее важное в России —приведено в полный беспорядок выкупом 1861 г.; крупному землевладению не хватает рабочей силы, крестьянам не хватает земли, они придавлены налогами, обобраны ростовщиками; сельскохозяйственная продукция из года в год сокращается. Все это в целом сдерживается с большим трудом и лишь внешним образом, посредством такого азиатского деспотизма, такого произвола, о котором мы на Западе даже не можем составить себе никакого представления. Это деспотизм, который не только с каждым днем вступает во все более вопиющее противоречие со взглядами просвещенных классов, в особенности со взглядами быстро растущей столичной буржуазии, но который в лице нынешнего своего носителя сам запутался: сегодня он делает уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более и более подрывает всякое к себе доверие. При этом среди концентрирующихся в столице более просвещенных слоев нации укрепляется сознание, что такое

положение невыносимо, что близок переворот, но в то же время возникает и иллюзия, будто этот переворот можно направить в спокойное конституционное русло. Здесь сочетаются все условия революции; эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса; эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы уже по одному тому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции. Революция эта несомненно приближается. Только два события могли бы надолго отсрочить ее: либо удачная война против Турции или против Австрии, для чего нужны деньги и надежные союзники, либо же... преждевременная попытка восстания, которая снова толкнет имущие классы в объятия правительства.

Печатается по тексту книги «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 195—207

КРИТИКА Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ НАРОДНИЧЕСТВА

Г. В. Плеханов

СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

III

В первой главе мы старались исторически объяснить возникновение того убеждения, что социализм несовместим ни с какой «политикой». Мы видели, что в основе этого убеждения лежало прудоновско-бакунинское учение о государстве — с одной стороны — и некоторая непоследовательность наших социал-демократов семидесятых годов — с другой. Кроме того, оно встречало поддержку в общем колорите того фона, на котором выделялись оба вышеназванных направления. Фон этот состоял, как мы сказали словами Энгельса, из смеси различных учений различных основателей социалистических сект. Известно, что социалисты-утописты относились совершенно отрицательно к политическим движениям рабочего класса, в которых они видели «лишь слепое неверие в новое Евангелие». Этот отрицательный взгляд на «политику» был занесен к нам вместе с учениями утопистов. Задолго до начала сколько-нибудь сильного революционного движения в России наши социалисты готовы были — подобно «истинным» социалистам[75] Германии конца сороковых годов (см. «Коммун. Ман.», стр. 32) — «расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе слова, буржуазному праву, буржуазной свободе и равенству», совершенно забывая, что все эти нападки «имеют в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией»[76], т. е. именно те условия, о завоевании которых только еще должна была пойти речь в нашем отечестве *.

В результате всех этих влияний получилась такая твердая уверенность в неуместности всякой политической борьбы, помимо борьбы

* Сказанное не относится, впрочем, к группе, издававшей «Народное Дело» в Женеве, группе, неоднократно заявлявшей свое отрицательное отношение к «теории политического невмешательства».

было, то быльем поросло, а что будет, то будет не по-старому, а по-новому», как говорит народная песня. Дискредитированный в семидесятых годах, бакунизм не оживет в восьмидесятых. Воскресить его не удастся «витиям» и более «громким», чем г. Тихомиров.

Те из читателей, которым покажется убедительным этот вывод, могут сделать нам новое и последнее возражение. Они могут сказать нам, что вся наша аргументация основывается на том предположении, что г. Тихомиров только *подержит* власть в своих руках, а не *удержит* ее на более долгое время. Что будет, если революционеры последуют указаниям Ткачева, а не Тихомирова, если оправдается мнение П. Л. Лаврова, который уже десять лет тому назад говорил, что «диктатуру вырывает из рук диктаторов только новая революция»?

Печатается по тексту «Избранных философских произведений», т. I, М.. 1956, стр. 255—259, 334—345

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ СОЮЗ РАБОЧИХ

(1875 г.)

УСТАВ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ

I. Сознавая:

что установившийся ныне порядок не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих;

что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния;

что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении, — мы, рабочие Южно-российского края, соединяемся в один союз под названием «Южно-российского союза рабочих», поставляя себе целью:

во-первых: пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов;

во-вторых: объединение рабочих Южно-российского края;

в-третьих: для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком.

II. При союзе находится касса, суммы которой в первое время предназначаются для пропаганды идеи освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею.

III. Членом союза может быть каждый трудящийся человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами, и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих — борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения.

IV. Обязанности личности каждого члена к союзу и союза к личности обусловливаются следующим: один за всех и все за одного.

V. Член союза, проговорившийся постороннему лицу о существовании союза или не исполняющий в точности своих обязанностей к союзу, считается изменником.

VI. Каждый член должен быть готовым на всякую жертву, если эта жертва требуется для спасения союза.

VII. Каждый член должен распространять между своими товарищами основные идеи нашего союза и побуждать их присоединиться к нашему делу освобождения рабочих.

VIII. Каждый член обязан вносить в кассу еженедельно по 25 копеек (в продолжение года).

IX. Член, не вносивший в продолжение пяти недель никакого взноса и не представивший никаких уважительных причин, должен быть исключен из союза.

X. Каждый кружок имеет право давать разные льготы своим членам относительно взносов в кассу.

XI. Внесенные деньги делаются принадлежностью целого общества. Ни один член не имеет права взять свои деньги обратно.

XII. Распределение денег и расход их может быть производим с согласия всех членов союза.

XIII. Для хранения денег общество избирает из своей среды кассира, который по требованию общества обязан давать подробный отчет о деньгах.

XIV. Первые шесть месяцев со дня устройства кассы деньги не должны быть расходуемы.

XV. Союз разделяется на общества, которых теперь два: Одесское и Ростовское; общества — на кружки; каждый кружок имеет своего депутата (представителя), который избирается на один месяц. Обязанности депутата — следить за взносами в кассу, заботиться, чтобы все правила союза были в точности исполняемы в его кружке, заботиться о нуждах союза и присутствовать каждое воскресенье при собрании депутатов.

XVI. Устав этот может быть изменяем и дополняем с согласия всех членов союза.

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, М., 1950, стр. 104—106

М. П. Сквери[95]

ПЕРВАЯ РАБОЧАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ОДЕССЕ (1875 г.)

(ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

... Е. О. Заславский*, вступив в нашу ссудо-сберегательную кассу и записав членом свою жену, которой рабочие устроили овацию, как первой женщине, вступившей в рабочую кассу, стал еженедельно по воскресеньям приходить вместе с нею к нам на сходки. Он просто и естественно, не вызывая к себе внимания и не поднимая никаких новых вопросов, вошел в знакомую и близкую ему среду рабочих и вместе с ними пошел дальнейшим естественным путем.

---

* *Заславский Е. О.* (1847—1878)—организатор и руководитель «Южно-российского союза рабочих», возникшего в 1875 г. в Одессе. В 1872 г. вел социалистическую пропаганду среди рабочих Одессы. По его инициативе были организованы касса взаимопомощи, библиотека и типография. В декабре 1875 г. был арестован и в 1877 г. приговорен к 10 годам каторги. Умер в тюрьме от туберкулеза.— *Ред.*

На сходках и по внешнему виду и по поведению он ничем не отличался от других. Никогда не произносил речей, у него не было никаких ораторских способностей и поползновений. Обыкновенно он вел простую беседу; начинал разговор с ближайшим соседом каким-либо житейским вопросом или просто знакомился с ним. К этому разговору прислушивались другие, вмешивались, бросали свои замечания, приводили случаи и примеры из своей личной или фабричной жизни; тема сама собою ширилась, переходила незаметно к общим вопросам. Никогда он не обращался с речью ко всей сходке; казалось, что у него не было заготовленных тем, намеченных к обсуждению вопросов — все шло само собою, как в беседе случайно сошедшихся людей, и, уходя со сходки, никто не сказал бы, что он узнал что-нибудь новое и необычайное. Каждому казалось, что только оформилось, ярче осветилось, стало важным то, что раньше смутно чувствовалось и подразумевалось. По крайней мере, я всегда выносил такое впечатление. Не знаю, способствовали ли эти беседы усвоению социалистических идей; Е. О. сам от себя никогда не говорил о будущей революции и не пытался рисовать картин будущего общества, если ему по поводу прочитанной брошюры или книжки не задавали прямого вопроса, на который он отвечал в смысле объяснения прочитанного и непонятного места в книге. Но, во всяком случае, эти беседы выясняли общее положение рабочего, сплачивали участников общностью интересов, будили мысль и сознание.

«Литература» входила постепенно, а потом появилась в изобилии, но она шла как-то помимо Е. О. Заславского; доставкою ее ведали, кажется, Кравченко и Наумов. Я даже не знаю, имел ли он какое-либо касательство к этой «литературе» и к распространению ее. По-видимому, он только указал или знал ее источник. Наибольшим успехом пользовались номера газеты «Работник», которые зачитывались до дыр, и «Хитрая механика»; охотно читалась «Сказка о копейке». Из легальной литературы пользовались романами Швейцера «Эмма», Омулевского «Шаг за шагом», Шпильгагена «Один в поле не воин», рассказами Нефедова «Безоброчный», Наумова «Сила солому ломит» и др. Касса постепенно отходила на второй план, никто уже не думал об легализации ее, не думали о займах и сбережениях, лишь иногда упоминали и прибегали к товарищеской помощи из кассы. Взносы, однако же, продолжали поступать довольно исправно, и касса, можно сказать, была формальным объединяющим центром. Об уставе рабочие, впрочем, напоминали, и Е. О. Заславский набросал проект устава «Братской кассы», включив в него некоторые из прежних правил. Но этот устав не был принят, потому что цели кассы, вероятно преднамеренно, были намечены весьма неопределенно.

Месяца через три, когда число участников возросло и образовалось несколько групп, Е. О. Заславский, сообщив об образовании в Ростове-на-Дону такой же организации, предложил нам присоединиться к ней и образовать «Южно-российский союз рабочих».

После этого был выработан устав. Интересно отметить, что при обсуждении его Е. О. Заславский предложил исключить слово «политический» при определении целей Союза. Меня это удивило и до сих пор не ясно: склонялся ли он к аполитизму, довольно распространенному в то время в народничестве или же им руководила просто осторожность на случай провала и преследований. Возражали Я. Рыбицкий и я, а Е. О. Заславский не настаивал на своей поправке.

Как шло дело в Ростове, у меня никаких сведений нет. В Одессе же образовалось 6 или 7 групп: группа прежних учеников Е. О. Заславского на заводе Белино Фендрих, на Пересыпи, группа нашего завода, две городские группы (группа наборщиков и группа позолотчиков); одна или две группы железнодорожных мастерских, особенно многолюдные и деятельные под руководством Рыбицкого и Кравченко, и группа рабочих на слободке-Романовке. Число членов трудно поддавалось учету. В каждой группе было 5—6 преданных делу рабочих, принимавших деятельное участие в делах Союза, посещавших все собрания и сходки, читавших и распространявших «литературу» и находившихся в постоянном взаимном общении. Таких в Союзе было, вероятно, 50—60 человек, составлявших устойчивое ядро Союза, около которого было во всяком случае не менее 150—200 человек, которые считались членами Союза, но манкировали взносами и посещениями сходок, хотя и пользовались «литературой» и разделяли наши убеждения. По развитию и настроению эти рабочие мало чем отличались от участников профсоюзов последующего времени; та же относительная умеренность и сдержанность, склонность придавать большее значение формам и правилам внутреннего распорядка и материальной стороне дела, чем теоретическим и программным вопросам. Классовое сознание пробуждалось, но было довольно смутно и неопределенно. Фабричный режим был тогда более патриархален, личный элемент играл большую роль и затемнял остроту экономических противоречий. Большинство рабочих прошло через ремесленную мастерскую, в которой нажим хозяйчика был ощутительнее и тяжелее, чем на заводах, и этот нажим всецело приписывался личным качествам хозяев и мастеров. На заводах также, за исключением немногих англичан и французов, главные мастера тоже прошли через мелкое ремесло и переносили на завод доморощенные навыки, заимствованные от мелких хозяйчиков; поэтому и конфликты, если случались на заводах, имели большею частью частный, личный характер, а не общий, и разрешались доморощенными способами вывоза мастера на «тачке» или закулисной потасовкой. Кроме того, рабочий класс еще не дифференцировался достаточно и был тесно и родственно связан с мелким мещанством, и узы мелкобуржуазных идеалов и мещанского быта были в нем еще крепки. И если тем не менее они шли в Союз, то в этом было много товарищеского чувства, смутного протеста и, быть может, бескорыстного порыва к добру и правде человеческих отношений. Не много было среди них людей, из которых могли бы выработаться такие убежденные борцы за свой класс, как Ян Рыбицкий и Кравченко, один из прежних учеников Заславского, ставший неизменным другом Рыбицкого. Пожилые рабочие, как Лущенко, Наумов (наборщик в типографии Заславского) и другие, сдавленные нуждой, семейные, не видевшие выхода и просвета из своего положения, были более сознательны и стойки; они трогательно верили в Союз, но в то же время были умеренны в своих требованиях и осторожны.

В общем, рабочие были так же утопично и оптимистически настроены, как и интеллигенция. Царство труда и правды представлялось им близким, возможным в недалеком будущем, через 10—15 лет, по утверждению Рыбицкого, например, и путь к нему рисовался более мирным и не таким бурно революционным и кровавым, какой изображался в народнических революционных книжках и прокламациях.

Пропаганду вели сами рабочие, у нас не было особых пропагандистов,— и дело у них спорилось; не может быть никакого сравнения с неумелыми попытками интеллигентной молодежи, поступавшей тогда на фабрики для пропаганды. Сыск еще не был так усовершенствован, как впоследствии; в своей среде рабочие действовали свободно, и пропаганда в короткое время захватила большие круги, в особенности в железнодорожных мастерских, куда перешел Рыбицкий. Он не ограничивался мастерской; где бы он ни был, с кем бы он ни встречался, везде и во всякое время он был прежде всего агитатором. Особенно по душе, казалось, была ему летучая пропаганда в незнакомой среде, в случайных встречах, без установления прочной связи. Он посещал трактиры, заводил разговоры со случайными соседями и раздавал книжки и листки. Одна из таких случайных встреч и повела к провалу. Большинство же рабочих и не смотрело на дело как на пропаганду; они просто делились с товарищами по работе своими мыслями о Союзе рабочих, заинтересовывали их, давали книжки и приводили на сходки, которые становились все многолюднее. Таким образом, вокруг Союза толпилась рабочая масса, вбиравшая в себя идеи Союза и считавшая его своим делом. Союз, несомненно, был бы рано или поздно ликвидирован, даже если бы ему и не повредила летучая пропаганда посредством книжек и листков, не вполне соответствовавших его целям, но если предположить возможность его независимого и спокойного развития, то, судя по составу рабочих и по умеренной и осторожной тактике Е. О. Заславского, всегда старавшегося идти в уровень со средой, Союз, вероятно, постепенно пришел бы к целям и задачам профсоюзов. Союз рос и видоизменялся с сознанием рабочей массы.

Приведу один интересный случай из деятельности Союза. Наш завод имел большие срочные заказы, почему введена была сверхурочная 2-часовая работа, т. е. день удлинен на два часа, причем администрация не только не уплатила за эти два часа по полуторной расценке, а просто ничего не заплатила, превратив день из 10-часового в 12-часовой. К нашему удивлению, рабочие не заявили неудовольствия и спокойно после получки разошлись по домам. Наша

группа решила действовать. Мы составили воззвание, указывали на неправильный расчет, призывали к протесту и предлагали присоединиться к объединяющему рабочих для борьбы Союзу. Воззвание напечатал Заславский в своей типографии, и мы в понедельник разбросали его по мастерским. Для рабочих это было чем-то диковинным, они с удивлением подбирали и рассматривали прокламации. Грамотеев было немного, и вокруг них собрались группы и на глазах мастеров слушали чтение. Скоро прокламации были отобраны и уничтожены. Понедельник прошел спокойно, но во вторник началось брожение, и в 6 часов без звонка часть рабочих бросила работу и направилась к выходу. Переговоры с администрацией привели к соглашению, за сверхурочные часы было уплачено, хотя и не по полуторной расценке.

Я не могу подробно остановиться на жизни и деятельности нашего Союза, хотя эта жизнь первой в России рабочей организации имеет большой интерес и должна бы быть возможно полнее освещена. Вся деятельность Союза сконцентрировалась около Заславского и еженедельных совещаний выборных от групп, а я, не будучи выборным, в последнее время довольно редко посещал эти совещания. Расскажу два-три интересных эпизода.

Е. О. Заславский поручил однажды нашей группе скрыть следы какой-то провалившейся типографии. Мы должны были части станков и др. ночью выбросить в запущенный, старый глубокий колодец, находившийся за городом, недалеко от нашего завода. По нашей просьбе Заславский отобрал те части, какие могли быть утилизированы для небольшой ручной типографии, которую мы намерены были завести у себя. Мы получили шрифты, щетки, рамки и др. Сделали маленькую, вроде чемодана, типографскую походную кассу, в полу между дверьми в моей комнате устроили тайник, куда прятали кассу и неразобранный шрифт, и по вечерам разбирали этот шрифт. Дело подвигалось очень медленно, но мы упорно работали. Перед ожидаемым обыском рабочие очистили мою квартиру от всего нелегального, и таким образом наша типография не осуществилась, а могла бы сохраниться, так как наш тайник между дверьми жандармы не открыли. Впрочем, часть шрифта и до сих пор сохранилась в другом месте и является для нас своего рода реликвией.

По группам, так как общих собраний вследствие их многочисленности собирать было в последнее время невозможно, обсуждались общие вопросы, а сводка решений производилась на собрании «депутатов». Таких вопросов, между прочим, помню два: о пропаганде в деревне и о шпионах и предателях. До сих пор ярко помню сценку в душной маленькой, тускло освещенной комнатке, переполненной рабочим народом. Сидели у стола, на кровати, на внесенных из кухни скамьях; сидели на полу, стояли, опираясь на стены, и толпились у дверей. Из группы у двери отделился высокий стройный рабочий-украинец, лет тридцати, вышел на середину комнаты с палкой в руке и приподнятым, громким голосом заговорил: «В деревню, к народу надо идти по-апостольски... Посох в руки, котомку

за плечи и — геть в деревню, из села в село... Книжки читать там не будут, не умеют, грамотеев нема... Словом проповедовать надо!»

Вышло очень картинно и внушительно, но после долгого шумного обсуждения склонились к другому методу, более соответствовавшему духу и характеру Союза. Предполагалось переселять на постоянное жительство в деревню тех из рабочих, которые сохранили связь с деревней или имеют склонность к крестьянской жизни. На переселение и обзаведение хозяйством средства должен дать Союз. Переселяющийся в деревню прочно оседает там и ведет чисто крестьянскую жизнь. Около него должны постепенно образовываться группы, тесно связанные между собой и Союзом. Первым пионером должен был поехать Лущенко, который вообще рвался в деревню. Этот план был потом одобрен Союзом.

В вопросе о шпионах и предателях рабочие пришли к самым крайним решениям вплоть до смертных приговоров. Когда мы начали чувствовать и замечать тревожные признаки провала, а некоторые из рабочих прямо указывали с уверенностью на предателя, я помню жуткую сходку у меня на квартире. Мы долго и придирчиво требовали ясных и верных доказательств, и когда эти доказательства были даны и решено было, что спасение Союза зависит от того, чтобы быстро устранить предателя, и надо было приступить к жеребьевке для выбора исполнителей смертного приговора, я, чувствуя себя совершенно неспособным к кровавому делу, заявил, что не смогу его выполнить, и просил освободить меня от баллотировки,— меня поразил один рабочий из городской группы. Среднего роста, плотный и ширококостный, он широким, круглым, благообразным лицом, обросшим широкой густой черной бородой, гладко причесанными волосами и ровным и спокойным взглядом больших глаз почему-то напоминал мне дьякона или вообще духовное лицо *. «Чего же тут не умею?!» — обратился он ко мне уверенно и спокойно. «Намылил веревку...— и он провел согнутой широкой ладонью правой руки от сжатого кулака левой, как бы намыливая воображаемую веревку,— и петлей... Чего тут страшного?» С жутким удивлением смотрел я на эту спокойную и уверенную решимость, но в себе я ее не нашел. Не нашли и другие. Мы были преданы и пострадали, но до сих пор я не могу себя винить в недостатке решимости.

Е. О. Заславский имел, по-видимому, большие связи и знакомства в революционных и интеллигентских кругах, но он ревниво не допускал их к своему Союзу и проявлял в этом отношении энергию и настойчивость, совершенно, казалось, не свойственную его характеру и немало удивлявшую меня. Если кто-либо из интеллигентов случайно попадал к нам на сходку, он начинал волноваться, утрачивал свое обычное спокойствие, и сходка каким-то непонятным и неожиданным образом наполнялась шумным и горячим спором. Он

* Как впоследствии оказалось, это был Ляхович, сын священника, ездивший на пароходе кочегаром с письмом и корреспонденцией в Лондон и выбросивший в море из опасения обыска на пароходе полученный им там тючок книг и письма к Заславскому.

обвинял интеллигентную молодежь в ребяческой склонности к ненужной конспирации и таинственности.

— Они своими переряживаниями только обращают на себя внимание, — говорил он возмущенно. — Снуют без надобности с квартиры на квартиру, с явки на явку, и всегда не просто, а с предосторожностями, с оглядкой, переряживаясь несколько раз в день, и тем только выдают себя и других!

Не говоря уже о несомненном принципиальном и программном расхождении, причины этого разлада лежали, полагаю, в характере и личных качествах Е. О. Заславского и той молодежи, которую он так недолюбливал. Он был человеком уравновешенным, обладал большим опытом и знанием и находил их необходимыми для дела; в нем разум не только руководил чувствами, но как бы совершенно исключал их из жизненного обихода. К делу он относился с величайшею осторожностью и обдуманностью, трезво и уверенно; он упорно держался реальной почвы, не только прислушивался внимательно к тому, что говорили и чего желали рабочие, но старался идти с ними в ногу, часто поступаясь своими мнениями. Такому человеку было трудно мириться с порывами и увлечениями молодых энтузиастов, часто наивно-непрактичных, знавших жизнь только по книжке, но юношески самоуверенных и задорных, революционно-романтичных. Всего этого было очень много в молодежи того времени, это было совершенно естественно и, быть может, даже находило свое оправдание в обстоятельствах дела: ведь если в то время можно было надеяться на успех революции, то только в плаще героя с беззаветной верой в стихийный порыв масс, в величие необходимой жертвы и в силу личного подвига. Здесь сталкивались не только два разных направления, но и разные общественные характеры и темпераменты, разные мировоззрения. История показала, что ошибались и те и другие, но даже теперь мы не можем сказать, кто ошибался более.

Такое же расхождение проникло и в Союз. С одной стороны, был Союз с его чисто рабочей программой, по самому своему существу стремившийся к устойчивому объединению и организации массы, что предполагалось продвинуть и в деревню, а с другой — агитационная литература, задача которой была в пробуждении народного сознания и воли постольку, поскольку это было нужно для немедленного революционного подъема этих масс. Естественно, что в недрах Союза началось брожение и нашлись рабочие, которые во главе с Рыбицким и Кравченко не могли примириться с недопущением в Союз людей, несших с собой идеи этой литературы и протестовавших против умеренной и осторожной тактики Е. О. Заславского.

Быть может, разногласие было еще глубже. Изверившись в целесообразности использованных до сих пор методов пропаганды, сомневаясь, быть может, даже в полезности углубленной просветительной работы, рекомендованной П. Л. Лавровым (неудача Заславского с первыми учениками), не пытался ли он уже тогда противопоставить этим испытанным и не удовлетворившим его приемам планомерную тактику западноевропейского рабочего движения. Это

предположение совершенно естественно напрашивается, если принять во внимание, что он был серьезно углублен в изучение общественно-экономических вопросов и знал хорошо положение рабочего дела на Западе. В нас он имел благоприятную почву для эксперимента; быть может, мы же натолкнули его на эту мысль,— не даром же так усердно штудировали книжку Бехера. Наконец, если обратить внимание на конструкцию Союза, на строгое проведение выборного начала, на еженедельные совещания выборных, на которых Е. О. Заславский старался не выходить из роли советчика и осведомленного лица, легко и охотно отступавшего от своих мнений в случаях разногласий с рабочими, то естественно возникает вопрос: не стремился ли он уже тогда осуществлять принцип, ставший в последующее и в настоящее время законом для рабочего класса: освобождение рабочих есть дело самих рабочих? К этому положению ведь вел его весь ход дела от ссудо-сберегательной кассы до Союза.

Разногласие все усиливалось, и настойчивость с обеих сторон переходила в озлобление. Рыбицкий и Кравченко стали горячими и страстными сторонниками присоединения к Союзу революционной интеллигентной молодежи; они решительно агитировали в пользу ее и даже приглашали их в свои кружки в железнодорожных мастерских. Спор осложнился личными нападками и недоразумениями. Против Заславского поднято было обвинение в «генеральстве», ставили в вину его влияние на рабочих, утверждали, что он противится вступлению в Союз интеллигенции из опасения утратить это влияние. Рыбицкий и Кравченко не посещали сходок, на которых присутствовал Заславский. Наконец назначен был суд и собрана общая сходка.

За городом, за Тираспольской заставой, кажется, где ныне расположен хлебный городок, на уединенной полянке, скрытой со всех сторон деревьями и кустарником, собралось около двухсот рабочих. Это была самая многолюдная и в то же время последняя общая сходка. Был солнечный день в конце сентября или в начале октября. Все рабочие принимали живейшее участие в споре Заславского с его оппонентами. Они то расходились по группам и обменивались мнениями между собой, то снова толпились около центра. Заславский в течение двух часов, стоя в толпе, обливаясь пòтом, задыхаясь от возбуждения и усталости, последовательно и настойчиво опровергал обвинения. Рабочие были почти все на его стороне, и Рыбицкий и Кравченко кончили тем, что вышли из Союза.

Сходка окончилась триумфом Е. О. Заславского и превратилась почти в демонстрацию. Чтобы не привлекать внимание полиции, решено было расходиться небольшими группами в разные стороны, но рабочие не могли оставить своего любимого учителя и сопровождали его большой толпой. Заславский, казалось, забыл свою осторожность. Толпа прошла по одной из главных улиц предместья (Дальницкая), затягивая песни, и заполнила встрѐтившийся по пути чайный трактир, где долго сидели за чаем в дружной беседе, переходя от одного столика к другому и толпясь там, где сидел Заславский.

Часто потом они с особенным удовольствием вспоминали эту «демонстрацию».

Летучая пропаганда в трактирах с раздачей листков и книжек, практиковавшаяся Рыбицким, повела к провалу Союза. В октябре он встретил в трактире Толстоносова, слесаря или помощника машиниста на железной дороге, познакомился с ним и дал ему какую-то брошюру; тот отправился с нею в жандармское управление, а так как у него не имелось достаточных сведений, то его инструктировали поближе познакомиться с участниками Союза и достать книг при уличающих обстоятельствах. Толстоносов действительно познакомился с нашими товарищами из железнодорожной группы и устроил засаду. Он попросил достать для него побольше книг и листков, объясняя, что он уезжает с поездом по линии и постарается распространить их среди железнодорожников. Встреча и передача книг назначена была на станции. Но поведение Толстоносова и его скоропалительная готовность принять участие в деле возбудили подозрение в товарищах, и они, захватив с собою книги, стали издали высматривать Толстоносова. Они заметили, что его сопровождали какие-то для них подозрительные два индивида, которые подходили к дежурному жандарму. Разумеется, товарищи незаметно скрылись и уже стали наблюдать за Толстоносовым, что привело к их полному убеждению в его предательстве. Тем не менее ему удалось все-таки добыть другим путем от Петра Силенки, из железнодорожной группы, значительное количество литературы.

Тем временем у нас началась тревога и собрана была упомянутая раньше сходка, на которой и было решено разделаться с Толстоносовым. Охотников выполнить эту задачу, как я уже говорил, не оказалось.

Так как сведения, доставленные Толстоносовым, были для жандармов недостаточны, они снарядили свою слежку. Вокруг нашего завода появились какие-то новые лица, расспрашивавшие рабочих и вступавшие с ними в разговоры. Так, мне передавали, что у подворотного допытывались, кто такой «Мишель», где живет и т. п. Под этим именем на заводе известен был я. Это не было прозвищем: меня так называли французы-мастера, так же звали меня и рабочие на сходках и на заводе.

Таким образом, почти за месяц или полтора мы знали о нависшей над Союзом опасности и приготовились. Мы притаились, почистили свои квартиры от всего компрометирующего, сходки совсем почти прекратили и ограничились только индивидуальными встречами. Этим объясняется, что почти ни у кого из нас при обысках не было найдено каких-либо уличающих материалов, не была обнаружена ни одна сходка.

Аресты начались почти одновременно в промежутке между праздниками рождества и Новым годом. Впрочем, кажется, раньше других и именно до праздника был обыскан и арестован Заславский...

Печатается по тексту книги М. П. Скври «Первая рабочая социалистическая организация в Одессе (1875 год)», Одесса, 1921, стр. 32—49

СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ РУССКИХ РАБОЧИХ

ПРОГРАММА «СЕВЕРНОГО СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ»

«К РУССКИМ РАБОЧИМ»

Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всей силой своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализацией духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23 и 30 декабря 1878 г. пришли к мысли об организации общерусского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация «Северного союза русских рабочих» должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого Союза избираются исключительно только рабочие и через лиц более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и с сущностью социального учения.

Все члены Союза должны сохранять между собой полную солидарность, и нарушивший ее подвергается немедленному исключению. Член же, навлекший на себя подозрение, изобличающее его в измене Союзу, подвергается особому суду выборных.

Каждый член обязан вносить в общую кассу Союза известную сумму, определяемую на общем собрании членов.

Делами Союза заведует комитет выборных, состоящий из 10 членов, на попечении которого лежат также обязанности по кассе

и библиотеке. Общие собрания членов происходят раз в месяц, где контролируется деятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собрание уполномочивает комитет только в действиях, являющихся непосредственно в интересах всего Союза.

На обязанности комитета лежит также право сношения с представителями провинциальных кружков и фракций рабочих России, принявших программу Северного союза.

Провинциальные фракции Союза удерживают за собой автономное значение в сфере деятельности, определяемой общей программой, и подчиняются только решениям общих представительных собраний.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения планов Союза и на поддержку рабочих во время стачек.

Библиотека имеет целью бесплатно удовлетворять потребности столичных рабочих, даже и не принадлежащих к Союзу.

Расходы на ее содержание и на выписку книг идут из кассы Союза и из сумм, жертвуемых рабочими.

«Северный союз русских рабочих», тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программой:

1. Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства как строя, крайне несправедливого.

2. Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3. Уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением.

4. Правильную ассоциационную организацию труда, представляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность убеждений и действий и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраний и сходок.
2) Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.
3) Уничтожение сословных прав и преимуществ.
4) Обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.
5) Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.
6) Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7) Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.
8) Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.
9) Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.
10) Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какой постановило себе задачей общее собрание петербургских рабочих от 23 и 30 декабря.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев Северный союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена этого Союза лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе. Услуга его не останется забытой потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории.

Рабочие! вас мы зовем теперь, к вашему голосу совести и сознанию обращаемся мы!

Великая социальная борьба уже началась — и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу...

На нас, рабочие, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы,— и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир? — простые поселяне... Мы тоже зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но в сущности только непонятного и позабытого учения Христа. Нас будут гнать, как гнали первых христиан, нас будут бить и издеваться над нами, но будем неустрашимы и не постыдимся их поруганий, так как одно это озлобление против нас покажет нам их бессилие в борьбе с нравственным величием идей, в борьбе с той силой, какую мы представим собой.

«Вы развращаете мир,— скажут нам,— вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религию».

Нет, будем отвечать им, не мы развращаем мир, а вы, не мы причиной зла, а вы. Напротив, мы идем обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве...

Рабочие! Становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную, братскую семью и, опоясавшись

духовным мечом истины, идите проповедовать свое учение по городам и селам!

Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей; с ней мощны вы, с ней вы покорите мир. Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы — плоть и кровь государства и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой бы вы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врагу. Но мы, рабочие-организаторы Северного союза, даем вам эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России!

«Петербургская вольная типография» 12 января 1879 г. печатала по просьбе рабочих.

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, М., 1950, стр. 239—242

ПИСЬМО «СЕВЕРНОГО СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ» В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»[96] ПО ПОВОДУ ЗАМЕЧАНИЙ О ПРОГРАММЕ СОЮЗА

1879 г.

С выражением крайнего сочувствия и одобрения прочли мы ваши краткие, немногословные, но искренние и честные замечания, помещенные в № 4 «Земля и Воля» по поводу нашей программы. После того, что многим из нас пришлось слышать, эти замечания, эта искренность тона, с какой вы обращаетесь к нам, были, признаться, довольно неожиданны. Действительно, нас называли выскочками, упрекали в недомыслии, противоречиях, порицали за слог, а многие даже прямо относились с недоверием, видя в нашей программе произведение интеллигентных рук, написанное больше для «острастки» и посему ничего не выражающее собой (до того еще не доверяют нашим силам, до того еще привычка смотреть на нас, как на неспособную скотину, вкоренена во многих).

Здесь мы не намерены особенно касаться тех или других отзывов, слышанных нами, не намерены также подробно распространяться по поводу нашей программы; скажем только то, что без ошибок и прорех ничего не удается сначала, и это особенно относится до кудреватости слога, за каковую вы справедливо и досадуете на нас. Действительно, кудреватость слога — наш грех, и мы его берем на себя. Поговорим теперь о тех упреках, которые посыпались на наши головы тотчас по выходе «программы рабочих». Главное обвинение сводилось к тому, что в нашей программе замечается путаница понятий и воззрений на различные оттенки революционной партии Запада и в особенности (что-де очень странно) замечается смешение социалистических требований с конституционными. Мы верим, что наша программа действительно должна была вызвать порицания именно этой стороной, но только мы со своей стороны ничего в ней нелогичного не видим. Ведь, собственно говоря, если мы разбираем какое-нибудь суждение, то нам должно обратить внимание только на то, что есть ли в нем логика, а не на то, из чьих мыслей и слов это суждение. Между тем многие, как видно, именно и обращают свое внимание только на последнее и посему в своих замечаниях доходили до того, что требование политической свободы нами, рабочими, считали просто нелепым и не вяжущимся с вопросом об удовлетворении желудка.

Вот здесь-то, признаться, мы и не видим никакой логики, ничего, кроме недомыслия. Ведь высказывать подобные соображения — значит прямо отказывать нам даже в малейшем понимании окружающих явлений, значит прямо глумиться над нашими мозгами и приписывать разрешение социального вопроса исключительно только одним желудкам. Боимся, чтобы при таком узком разрешении мы не пожрали друг друга... Разве мы сами не знаем, что лучше быть сытым и мечтать о свободе, чем, сидя на пище св. Антония, добиваться свободы. Но что же делать, если логика желаний и помыслов уступает перед нелогичностью истории и если политическая свобода является прежде социального удовлетворения. Нас можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою программу где-нибудь в Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни да назойливого попа соседнего селения ничего не ведают. В этом случае наша программа кроме усмешки, конечно, ничего бы не вызвала, так как представление о Сысойке[97], умеющем хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободе как-то не вяжется. Но в том-то и сила, что мы уже вышли из условий этой жизни, начинаем сознавать происходящее вокруг нас, а главное, что и заставило особенно нас выставить, по-видимому, чуждые нам требования, мы составляем организацию не ради ее самой, а ради дальнейшей пропаганды и активной борьбы. Наша логика в данном случае коротка и проста. Нам нечего есть, негде жить — и мы требуем себе пищи и жилища; нас ничему не учат, кроме ругательств и подпалочного подчинения,— и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы, сложив руки, будем взирать с умилением, как наши «державные» и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских собратьев по миру. И вот мы сплачиваемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу

знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,— и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных «положений» и «уложений». Такое требование тем более удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунам — этим деятелям будущей всероссийской говорильни,— следовательно, на осуществление его рассчитывать не так трудно. Да не подумают, чтобы и в самом деле политическая свобода входила в наши особенные планы и расчеты и для нее мы отводили столь же почетное место, как и для основного нашего требования. Нет, мы только говорим, что так было бы лучше, что эта свобода — все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса; а осмысленность в движении, как и сами знаете, есть в свою очередь опять весьма важное условие для желанного исхода революции. Этим мы вовсе не хотим сказать, что ради осмысленности социальной революции мы желали бы ее оттянуть на бесконечно длинные времена. Вовсе нет; мы только говорим, что нужно пользоваться всем, что можно достать, нужно обращать внимание на все, что окажет услугу в нашем деле.

Гораздо важнее для нас ваши замечания относительно наших недостатков и пробелов по аграрному вопросу. Действительно, мы уже чересчур увлеклись рассмотрением своего городского положения, чересчур пропитались духом различных программ Запада, и вот оказалось, что для нашей деревни в своей программе мы отвели очень немного места. Но, да извинят нам за этот промах, тем более, что забывать деревню не есть дело нашего ума и чувства. Для нас столько же дорог мужичок с его родными лесами, как и фабричный; а улучшение быта первого даже важнее, потому что тогда ни один кулак не вызвал бы нас с своих полей служить его ненасытному брюху. Не место, конечно, толковать здесь, в чем бы мы полагали разрешение аграрного вопроса и улучшение быта крестьянина. Мы знаем, что с него дерут все, что можно содрать, отнимают все, что можно отнять, в виде податей, повинностей, сборов и поборов, в «пользу» да «на пользу». И все это, конечно, взимается, как и следует по закону. Знаем также, что у нашего крестьянина нет ни порядочных школ, ни училищ, ничего такого, чтобы хоть мало-мальски могло развить его духовную сторону. И это также в порядке вещей, потому что если на христолюбивое воинство и на различные затеи царских потешников и скоморохов издерживаются сотни миллионов, то на образование и неоткуда брать более 13. Но самое главное, что гнетет нашего мужика, так это недостаток земли. Дадут ему две десятины, много — три-четыре песку, пожелают при сем всех благ и оставят на произвол судьбы. «На, мол, хоть виноград сей; вмешиваться в хозяйство не станем, лишь бы денежки к сроку». Ну вот и сеет он виноград в поте лица, чтобы потом «для

вкуса» пересыпать его мякиной или древесной корой. И платит за этот подарок крестьянская семья 18—25 руб., а на помещичьих землях — так и все 40 руб. И это за какие-нибудь 7—10 десятин песку да несколько десятин лесных и луговых угодий. Хорошо, если еще какая скотина есть, а то хоть «взвой да беги». Посему увеличение наделов сообразно необходимым потребностям семьи насчет незанятых и помещичьих земель, узаконение только тех повинностей, которые прямо идут на удовлетворение нужд и потребностей крестьянской общины и на устройство школ и сельскохозяйственных училищ,— вот что в общих чертах можем добавить к своей программе и выставить с своей стороны необходимыми требованиями.

Теперь скажем несколько слов по поводу ваших искренних опасений за целость и сохранность наших членов и нашей молодой организации. Смеем вас уверить, что эти опасения неосновательны и нам едва ли может угрожать что-нибудь больше, чем и вам. Если 10 лет тому назад нашей полиции не удалось покончить с горстью социалистов, то тем более теперь. Нет, у нас не родилось такой синей чуйки, которая бы имела смелость перевешать нас всех на одной осине, нет ни одного еще такого жандармского глаза, который мог бы отличить социалиста от простого смертного. Важен был только почин; но он сделан, и теперь едва ли что способно заглушить ту идею, которая соединила нас воедино, и это тем более вероятно, что уже теперь мы насчитываем членов Союза только в Питере около 200 чел., не говоря о других 200 чел., на которых вполне можно положиться и которые не сегодня, так завтра сделаются нашими сочленами.

Точно то же можем сказать и относительно решения выдавать книги всем рабочим без исключения как решения, не противоречащего чувству самосохранения. В библиотеку вхожи только люди вполне испытанные и надежные, и потому про место нахождения ее знают сравнительно очень немногие. На этих немногих уже и лежит ответственность перед библиотекой и самими собой. Книги, передаваемые членами в руки знакомых и далее, весьма мало могут сказать любопытному ищейке. Скорее такая передача будет носить на себе характер частного пользования. Правда, от этого библиотека терпит иногда значительный ущерб, книги теряются, но что же делать? Со временем, когда подробнее определятся условия выдачи книг, можно будет избежать и этого недостатка.

Выше мы сказали, что число членов Союза достигает в настоящее время до 200 чел., т. е. в состав организации вошли все наиболее деятельные, наиболее выдающиеся рабочие-социалисты Петербурга. Избрание в члены никаким особенным «искусом» не обусловливается, и исключительное внимание обращается только на то, чтобы оно удовлетворяло основным пожеланиям программы о принятии в члены. Правда, при значительном количестве членов не так-то легко достается сближение, не так ясно для многих представляются самые цели, к которым решено стремиться (о чем говорите и вы), не так,

наконец, дружно может приводиться в исполнение известное решение, но наши воззрения на организацию таковы, что количественное превосходство не должно мешать качеству энергичных и деятельных членов и что, напротив, решающее значение этих последних будет воспитательным образом отражаться на всех. Первоосновная цель наша — организовать рабочие силы и отвести им надлежащее поле для деятельности; посему различные оттенки мнений, а также характер и направление социалистической деятельности, клонящейся в конечном результате к одному и тому же, для нас не должны иметь особенного значения.

Как думаем мы вести борьбу, в чем проявлять свою силу и какой именно программы придерживаться в окончательной форме — обо всем этом надеемся поговорить в свое время, когда будем иметь возможность вернее наметить свой путь и обстоятельнее определить свои непосредственные цели. Теперь же скажем только, что при слабости еще организации, при недостатке энергичных боевых сил наша деятельность в массе будет носить на себе характер пропаганды и мирной агитации в среде рабочего и крестьянского люда. Но этим мы вовсе не хотим сказать, что более или менее открытая борьба, как активное участие и агитация во время стачек, исключается пока из нашей программы действий. Напротив, мы должны пользоваться всеми удобными моментами, всеми случаями, где бы только открыто проявлять свою силу, как единичную, так и массовую. Если вы понимаете нас и если сознаете всю важность правильной постановки и решения вопросов в деле нашей организации, то и не будете слишком требовательны к нам, как, по-видимому, желалось бы многим. Все эти и тому подобные вопросы, в которых весь Союз заинтересован так близко, мы намеревались разобрать на столбцах своей газеты, где, между прочим, постарались бы развить и сущность нашей программы. Но, к сожалению, это желание, близкое было уже к осуществлению, по обстоятельствам, от нас не зависящим, так и осталось пока желанием. Мы лишились посему на время одного из самых важных рычагов нашей агитационной деятельности — печатного слова — и лишили в то же время рабочую и крестьянскую массу той пищи, в какой она теперь наиболее нуждается.

Сотоварищи! вы знаете, насколько важна в настоящее время эта пища, о какой мы говорим, но вы знаете также, что ваш орган «Земля и Воля» не может служить ею для массы. Поэтому с искренним сочувствием мы отнеслись к дошедшему до нас слуху, что вы намерены в скором времени выпустить в свет народную социалистическую газету.

Пожелаем же вам от лица всего Союза полного успеха в этом благородном и дорогом для нас всех начинании.

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, М., 1950, стр. 243—247

ПРОКЛАМАЦИЯ «ОТ ТКАЧЕЙ НОВОЙ БУМАГОПРЯДИЛЬНИ, ЧТО НА НОВОЙ КАНАВЕ, К РАБОЧИМ ВСЕХ ФАБРИК И ЗАВОДОВ»*

16 ЯНВАРЯ 1879 г.

БРАТЬЯ!

У нас на Новой Канаве назначили выгнать 44 человека.

Их называют бунтовщиками, заводчиками ко всем стачкам.

А мы так понимаем, что они стояли за наши права, не хотели покоряться фабричным шишкам.

Мы бросили работу и не пойдем на фабрику, покуда не согласятся оставить их на месте.

Рассудите сами вы, справедливы ли наши требования.

Рассудите вы также сами, по правде ли мы поступаем, требуя:

1. Чтобы не работать больше по 14 часов в день, а чтобы начиналась работа в 6 час. утра и кончалась в 7 час. вечера; чтобы из этого был час на обед и полчаса на завтрак.
2. Чтобы нам прибавили по 5 коп. на кусок.
3. Чтобы прогнали с фабрики не наших товарищей, а тех мастеровых и подмастерьев, которые фискалят за нами. Имена их нам известны, мы составим их списки и подадим начальству; пусть выгоняют или дадут расчет всем нам, а мы с ними работать не согласны.
4. Чтобы при браковщике были выборные из наших же рабочих; тогда нельзя будет мошенничать и вымогать магарычи.
5. Чтобы не было больше штрафов, а больше всего за поломку вилок в машине — ведь без поломки работать нельзя.
6. Чтобы, когда случится не работать по хозяйской вине — материалу нет или с хозяином неудовольствие,— нам платили как за полное рабочее время. И теперь, сколько бы ни прогуляли, должен он заплатить, как будто мы все время работали — сам он виноват, что довел нас до стачки.

БРАТЬЯ!

У нас на Новой Канаве стачка уже не первый раз.

Недавно также стачка была у Кенига, за Нарвской заставой.

Каждый раз мы писали просьбы, обивали пороги у всякого начальства,— теперь мы видим, что начальство стоит за хозяев, а не за рабочих и никогда хозяина на рабочих не сменяет!

Что же нам делать? Неужели же позволять хозяевам мудрить над нами, как им вздумается?

Оттого над нами и брали верх, что не дружно мы стояли.

Не только с разных мастерских, а с разных фабрик должны помогать друг другу.

Многие из нас есть семейные: будет длиться долго стачка — не станут выдавать из лавок в долг, им нельзя будет держаться.

---

* Прокламации «От ткачей Новой бумагопрядильни...» и «От рабочих фабрики Шау...» написаны группой рабочих и изданы по их просьбе народниками; по содержанию они тесно примыкают к следующей за ними прокламации «Северного союза русских рабочих».— *Ред.*

Поддержите нас — соберите у себя сбор, кто что может; мы назначим у себя выборных и раздадим кому победней.

Если все мы будем дружно держаться, хозяева должны будут уважить наши требования; ведь они от наших трудов только и живут, нашею кровью богатеют, каждый день, что мы не работаем,— им несколько тысяч убытку.

Когда до вас коснется, мы поддержим вас, и ваши требования будут уважены!

Так и будет всегда!

Все за одного, один за всех!

Печатано в «Петербургской вольной типографии» 16 января 1879 г.

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, М., 1950, стр. 306—307

ПРОКЛАМАЦИЯ «ОТ РАБОЧИХ ФАБРИКИ ШАУ ВСЕМ ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ»

17 ЯНВАРЯ 1879 г.

БРАТЬЯ!

15-го числа вышла забастовка на Новой Канаве.

Теперь мы, рабочие от Шау, пристали к ним и не пойдем на фабрику, покуда хозяин не уважит всех наших требований.

А требуем мы вот что:

1) Чтобы на каждый вытканный кусок прибавили платы по 5 коп.

2) Чтобы прогульные дни не считались, если сам хозяин виноват в прогуле.

3) Чтобы основы выдавали хорошие и чтобы материал выдавался при наших выборных.

4) Чтобы товар не браковали зря; чтобы за этим тоже наблюдали наши выборные.

5) Чтобы не штрафовали за полом инструмента, за отсутствие из фабрики по болезни или надобности и пр.

6) Чтобы за харчи платить не в конторе, как теперь, а в лавке, по получке денег на руки.

7) Чтобы на больницу платилось не по $1^{1}/_{4}$ коп. с рубля, как теперь, а по 10 коп. с человека в месяц.

8) Чтобы за кипяток на фабрике рабочие не платили.

9) Чтобы утром давалось время от $8^{1}/_{2}$ до 9 час. на завтрак.

10) Чтобы накануне праздников работа кончалась не в 6 час. утра, как теперь, а в 9 вечера.

11) Чтобы газовые горелки расположить, как лучше для работы; мы сами укажем места для них, а то теперь в иных местах вовсе свету нет.

12) Чтобы прогнать с фабрики подмастерьев Никифора Арсентьева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Нам от них житья нет, и мы с ними не хотим работать.

13) За время стачки денег с нас не вычитать, потому что мы не работаем не по своей вине, а по упорству хозяев.

14) Чтобы никого из нас не брали в полицию за то, что не работаем, а тех, что теперь забрали, пусть выпустят.

У каждого много неудовольствий на хозяина; много раз пытались мы действовать поодиночке. Редко когда выходило на нашу сторону, а чаще мы же кланялись хозяевам, чтобы опять приняли к себе.

Да врозь нам и тягаться нечего. У них деньги, за них все начальство; каждый раз, чуть что заговорят рабочие,— сейчас: «Вы бунтовщики, вас за это туда, сюда!»

Теперь надо попробовать действовать дружно, вместе.

Верьте, братья, так лучше будет.

Ведь нас здесь одних фабричных — сила, пусть-ка они попробуют одолеть нас всех.

Теперь мы так и будем делать.

Когда где бросили работу, другие — чтобы помогать; самим нельзя пристать, так хоть деньгами помочь. Особенно теперь у нас: лавочка хозяйская не станет давать в долг, исхарчим деньги — что тут делать?

Всех вас мы просим: помогите нам. Будет у вас нужда — не оставим и мы вас.

Мы так с новоканавскими и порешили: покуда будем вместе страдать, а чей хозяин прежде уступит, тем помогать другим.

Поддержите нас, не дайте в обиду хозяевам.

Долго терпели мы всякие неправды, долго ждали, не заступится ли за нас кто повыше. Теперь пускай от нас потерпят: плохо придется им всем, когда мы возьмемся за ум, когда все будем стоять друг за друга и отвечать:

«ВСЕ ЗА ОДНОГО — ОДИН ЗА ВСЕХ»

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, М., 1950, стр. 308—310

ПРОКЛАМАЦИЯ «РАБОЧИМ ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА «СЕВЕРНОГО СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ»»

24 ЯНВАРЯ 1879 г.

БРАТЬЯ!

Вам уже известно, что на днях в Петербурге было две стачки рабочих: на фабрике Шау и на Новой бумагопрядильне. Эти стачки были вызваны тем бедственным положением, которое испытывают рабочие, при ничтожном вознаграждении за труд. Но одна стачка должна была прекратиться, потому что все рабочие были объявлены бунтовщиками и рассчитаны. 250 человек оказались совсем без работы, пищи и крова. Стачка на Новой бумагопрядильне продолжает держаться; но неизвестно, как долго продлится, если мы не употребим с своей стороны всех усилий. Рабочие ходили к башибузуку Зурову заявить о своих требованиях, но по дороге были разогнаны жандармами и жестоко избиты: 11 человек отправлены в больницу;

десятки наших товарищей сидят по разным частям и в пересыльной тюрьме.

Остается только надеяться на себя и на своих братьев-рабочих.

Рабочие! Наше одинаково бедственное положение требует, чтобы мы стояли и, насколько можно, помогали друг другу. Вы знаете, что у нас, рабочих Северного союза, существует касса, деньги из которой идут главным образом на поддержку стачечников. Наша цель— помогать без исключения рабочим во время тяжких невзгод. Наши интересы есть ваши, и наш успех в борьбе с кровопийцами-хозяевами зависит от дружного действия.

Окажем же посильную поддержку своим братьям и будем жертвовать всем, чем только можем, для правого дела. Поэтому мы приглашаем всех сочувствующих доставлять пожертвования в нашу кассу откуда они пойдут немедленно по назначению.

Еще остается сказать нам братское слово к бывшим рабочим Шау и рабочим Новой бумагопрядильни.

Братья, боритесь и стойте за свое дело, насколько хватит ваших и наших сил. Этим вы покажете свою силу, и наши притеснители побоятся потом поступать с рабочими, как с собаками.

Знайте, что мы, рабочие Союза, готовы помочь вам всем, чем можем, и до последней крайности. Вы не одни — мы с вами и всегда за вас, а нас здесь теперь уже целые сотни. Кликните только клич, и мы всегда первые отзовемся на ваши слова и первые встанем на вашу защиту.

Полного успеха желаем вам от всех наших братских сердец.

Напечатано в «Петербургской вольной типографии».

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, М., 1950, стр. 328—329

«РАБОЧАЯ ЗАРЯ» № 1 — ОРГАН «СЕВЕРНОГО СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ»[98]

ПЕТЕРБУРГ, 15 ФЕВРАЛЯ 1880 г.

Слыхали вы, верно, братцы, что недавно здесь, в Петербурге, были арестованы две тайные типографии; меж нами правительственные шпионы хотели распустить и распускали слухи, что издатели этих тайных изданий — злодеи, губители, что они нарочно хотят бунтовать народ, — были только беспорядки, — чтобы самим было легче наживаться при этих беспорядках. Не верьте этому, братцы. Правительство хочет только затуманить нам глаза, хочет скрыть от нас правду; это наши единственные друзья, единственные борцы за нас; они хотели нам показать наше положение, они хотели выяснить нам и всему русскому народу, почему мы так бедствуем,— хотели нас научить, каким путем можем мы добиться лучшего положения; и что мы видели от них худого? Они хотели, видно, нам говорить правду, хотели нам помочь, и за это правительство их гонит, арестует, вешает, мучает в тюрьмах и на каторге; и каково наше положение, братцы, вышедшие из народа, сотворенные его нищетой, бескровные и безземельные, подавляемые правительством, замучиваемые на фабриках и заводах, презираемые своими хозяевами, что взамен за свой непосильный труд, за свои страдания получаем мы, рабочие, с раннего утра до позднего вечера на фабрике, на ночь в сырых и вонючих подвалах, с полуголодной семьей, без надежды на лучшее — коротаем мы свой век, и тот скудный заработок, на который мы живем, и тот может быть легко отнят расчетом хозяина или нашей болезнью,— и тогда смерть или жизнь с милостыни, и так придется нам жить в вечной работе и в бедности; если мы сами не постоим, кто за нас заступится, от кого нам ждать помощи, не от правительства ли, которое во всем поддерживает наших хозяев, безнаказанно дозволяет им обирать нас, подавляет всякое наше противодействие, всякое желание хоть немного улучшить свое положение, запрещает нам стачки, запрещает вступление в союзы и за участие в стачках и союзах и по одному только подозрению заключает нас в тюрьмы и ссылает в каторгу, выдумывает паспорта, чтобы нас еще легче можно было закрепостить хозяину. Вспомните, братцы, забастовку на Новой бумагопрядильне прошлого года, за что там сослали сорок лучших людей из наших товарищей, а в апреле того же года за что выслали больше семисот рабочих; не надеяться ли нам на фабрикантов, которые на наши трудовые копейки наживаются, нашим потом питаются, нашей кровью напиваются, в интересах которых лежит как можно меньше нам дать и как можно больше с нас содрать, и не хуже ли все становится нам, братцы! Не так давно еще, лет десять — пятнадцать тому назад, наш брат, пошедший на заработок иногда и его и больше*, заработать в месяц, а в семидесятом году нередко и по 200 рублей зарабатывал, а теперь еле тридцать на заводах и шестнадцать на фабриках, а иногда и того меньше, а подати увеличились, и жизнь вздорожала, и не всегда теперь работу найдешь; нет, братцы, ни от правительства, ни от хозяев не ждать нам помощи; и для правительства, и для хозяев-фабрикантов, и для всех, кому вольготно и привольно живется на Руси, для тех, которые отняли у нас и всего русского народа нашу землю, закабалили нашу волю, важно, чтобы мы были подавлены, чтобы мы всегда оставались вьючной скотиной, на которой можно было бы работать сколько угодно, чтоб мы никогда не могли сознать всей несправедливости и тяжести нашего положения, чтобы мы никогда не додумались сбросить с себя свое долговечное рабство, заявить свои справедливые права, не ждать нам от них помощи, мы сами должны себе помочь, мы сами должны себе устроить и обеспечить свое положение, на нашей стороне право, на нашей — сила. Сначала не было ни панов, ни хозяев, ни чиновников: вся земля русская принадлежала мирам вольного русского народа; у нас эту землю отняли, но за

* Так в тексте.— *Ред.*

нами осталось право владеть ею. На подати, которые мы сами платим, на труд наш содержится все государство, все различные учреждения, школы и университеты, банки и железные дороги, на наши трудовые деньги сооружены фабрики и заводы. Из наших рядов и опять на наши же деньги создана семисоттысячная армия, мы дали возможность всем, за исключением самих себя, жить и пользоваться всеми радостями жизни, мы и только мы выработали себе право на существование; кругом себя мы видим хищность правительства, продажность чиновничества, алчность, роскошь и распутство других классов общества, на нашей стороне нравственная сила, наши интересы как обнимающие интересы всего народа, должны поглотить все сословия, должны уничтожить все то, что было и есть несправедливого, мы вместо существующей ныне в человеческих отношениях борьбы всех противу всех провозглашаем братство, равенство и свободу для всех, теперь мы бесправны, но мы должны вместе со всем народом русским получить в общее пользование ту землю, которой владеют теперь паны правительства, мы, сообща работавшие [на] фабриках и заводах, на которых так нагло и подло воровали и воруют наш труд, мы должны сделаться обладателями этих фабрик и заводов, мы, теперь угнетенные, должны сделаться свободными, мы должны отвоевать себе свои порабощенные права, но против нас все, которым хорошо живется при нашем рабстве и ничтожестве, в которых корыстолюбие заглушило всякие человеческие чувства, все они восстанут отстаивать свои несправедливые права против нас до тех пор, пока мы разобщены, пока мы не соединены все одним общим делом, мы ничего не в состоянии будем сделать, мы не в состоянии пока даже защищаться, подать голоса жалобы, когда нас будут давить, когда мы будем погибать от чрезмерной работы и нищеты, но сила наша в нашем единодушии, в нашей сплоченности, когда мы будем идти сообща за одно — тогда никакая сила не устоит против нас. Посмотрите на наших братьев [в] Англии, во Франции, Америке, Германии и других государствах, несмотря на все гонения, на все препятствия со стороны правительств, их союзы насчитывают миллионы членов; как мы, и они были слабы, пока были разобщены, но теперь они — грозная сила; они близки к победе. Итак, приготовимся к борьбе, братцы, будем соединяться во имя равенства, братства и своего освобождения, призовем всех в наши союзы, обсудим сообща свое положение, прищем средства к успешной борьбе, дружно будем защищать свои права, восставать против всякого насилия, нечего нам страшиться, если нескольких из наших товарищей засадят в тюрьму или сошлют на каторгу, этого требует всякая борьба, будущее в наших руках, оно нам принадлежит, не выпустим же его. Смело вперед в борьбу с правительством и хозяевами, с нынешним обществом за свои права, за новую жизнь.

Типография Северного рабочего союза

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, М., 1950, стр. 272—274

Г. В. Плеханов

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

(ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ)

VI

Степан Халтурин родился в Вятке. Его родители, бедные мещане, посылали его в детстве в какую-то школу, а затем отдали в учение к столяру. В начале 70-х годов он приехал в Петербург, где скоро нашел место на заводе. Не знаю, когда именно и при каких обстоятельствах захватило его революционной волной, но в 1875—1876 гг. он был уже деятельным пропагандистом. Если не ошибаюсь, в первый раз я встретился с ним дня за два до описанных в первой статье похорон убитых взрывом рабочих патронного завода. Я был в числе «бунтарей», приглашенных принять участие в задуманной по этому поводу демонстрации, он — в числе рабочих, подготовлявших демонстрацию. Он был из тех людей, наружность которых не дает даже приблизительно верного понятия об их характере. Молодой, высокий и стройный, с хорошим цветом лица и выразительными глазами, он производил впечатление очень красивого парня; но этим дело и ограничивалось. Ни о силе характера, ни о выдающемся уме не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. В его манерах прежде всего бросалась в глаза какая-то застенчивая и почти женственная мягкость. Говоря с вами, он как будто и конфузился, и боялся обидеть вас некстати сказанным словом, резко выраженным мнением. С его губ не сходила несколько смущенная улыбка, которою он как бы заранее хотел сказать вам: «я так думаю, но если это вам не нравится, прошу извинить». Такими манерами отличались иногда в доброе старое время молодые, благовоспитанные провинциалы на первых шагах своей светской карьеры. Но к рабочему она мало подходила, и во всяком случае не она могла убедить вас в том, что вы имеете дело с человеком, который далеко не грешил излишней мягкостью характера и недостатком самоуверенности.

Близко сойтись с ним можно было только на деле. Рабочему вообще некогда вдаваться в те бесконечные собеседования, которыми любит услаждаться «за чаем» «интеллигентная» публика и в которых собеседники выворачивают друг перед другом всю свою душу. Степан же в особенности не любил душевных излияний. Хотя во внешнем обращении застенчивость его исчезала при более близком знакомстве с человеком, однако она всегда держала его настороже, делая для него совершенно невозможным то нравственное состояние, которое обозначается словами: «душа на распашку». Побеседовать и он был не прочь, и притом не только со своим братом рабочим, но и с «интеллигентами». Пока он был легальным, он даже охотно селился по соседству со студентами и искал их знакомства, заимствуясь у них книгами и всякого рода сведениями. Нередко за полночь засиживался он у таких соседей. Но и там он мало высказывался. Придет и поднимет разговор на какую-нибудь теоретическую

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Г. В. Плеханов

ПРОГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Группа «*Освобождение труда*» задается целью пропаганды социалистических идей в России и выработки элементов для организации русской рабочей *социалистической партии*.

Сущность ее воззрений может быть выражена в следующих немногих положениях*:

I. Экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации всех функций социально-экономической жизни.

II. Современное развитие техники в цивилизованных обществах не только дает *материальную возможность* такой организации, но и делает *ее необходимою и неизбежною* для разрешения противоречий, препятствующих спокойному и всестороннему развитию этих обществ.

III. Эта радикальная экономическая революция повлечет за собою самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Устраняя борьбу классов путем уничтожения самих классов; делая невозможной и ненужной экономическую борьбу индивидуумов путем устранения товарного производства и связанной с ним конкуренции; короче, устраняя борьбу за существование между личностями, классами и целыми обществами, она делает излишними все те общественные органы, которые развились в многовековый период этой борьбы за существование в качестве ее орудий.

---

* *Примечание I.* Предлагаемая нами на суд товарищей программа отнюдь не рассматривается нами как нечто совершенно законченное, не подлежащее никаким частным изменениям и дополнениям. Напротив, мы готовы внести в нее всякие поправки, если только они не противоречат основным понятиям научного социализма и соответствуют практическим выводам, вытекающим из этих понятий по отношению к деятельности социалистов в России.

Не вдаваясь в утопические фантазии относительно общественной и международной организации будущего, можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ — именно *государства, как политической организации, противостоящей обществу* и охраняющей главным образом интересы его господствующей части. Точно так же и теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. Современное развитие международного обмена продуктов делает необходимым участие в этой революции всех цивилизованных обществ.

Поэтому социалистические партии всех стран признают международный характер современного рабочего движения и провозглашают принципы международной солидарности производителей.

Группа *«Освобождение труда»* также признает великие принципы бывшей *«Международной Ассоциации Рабочих»* и тождество интересов трудящихся всего цивилизованного мира.

IV. Внося *сознательность* туда, где господствует ныне *слепая экономическая необходимость*, заменяя современное господство *продукта* над *производителем* господством *производителя* над *продуктом*, социалистическая революция упрощает и осмысливает все общественные отношения, предоставляя вместе с тем каждому гражданину реальную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведовании всеми общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее *прямым народным законодательством*.

В своей современной борьбе социалисты должны иметь в виду эту необходимую политическую реформу и всеми зависящими от них средствами добиваться ее осуществления.

Это тем более необходимо, что политическое самовоспитание и господство рабочего класса составляют необходимое предварительное условие его экономического освобождения. Только вполне *демократическое* государство может свершить экономический переворот, сообразный с интересами производителей и требующий разумного участия их в организации и регулировании производства.

В настоящее время рабочий класс передовых стран все более и более выясняет себе необходимость указанного социально-политического переворота и организуется в особую партию труда, враждебную всем партиям эксплуататоров.

Совершаясь на началах *«Международной Ассоциации Рабочих»*, организация эта имеет, однако, прежде всего в виду завоевание рабочими политического господства внутри каждого из соответствующих государств. «Пролетариат каждой страны, естественно, должен прежде всего покончить с своей собственной буржуазией».

Это вносит элемент разнообразия в программы социалистических партий различных государств, заставляя каждую из них сообразоваться с общественными условиями своей страны.

Само собою понятно, что практические задачи, а следовательно, и программы социалистов должны иметь более своеобразный и сложный характер в тех странах, в которых капиталистическое производство не сделалось еще господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом — развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства.

В этих странах социалистам приходится одновременно организовывать рабочий класс для борьбы с буржуазией и вести войну против вредных — как для развития рабочего класса, так и для благосостояния всего народа — остатков старых, добуржуазных общественных отношений.

Русские социалисты находятся именно в таком положении. Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического *накопления*, а местами — в наших промышленных центрах — оно испытывает уже гнет капиталистического *производства*, не ограниченный еще ни сколько-нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодействием самих рабочих. Современная Россия страдает,— как говорил когда-то Маркс о западе европейского континента,— не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития.

Одним из вреднейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который не способен у нас взять на себя *инициативу* борьбы с абсолютизмом.

Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты с своей стороны должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.

Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом *позорные* действия к потере политической правоспособности*.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

* *Примечание 2.* К числу таких действий могут быть отнесены, например, *подкупы при выборах*, вопиющие притеснения нанимателем своих работников и т. п.

3) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

5) Свободу передвижения и занятий.

6) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения*.

7) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместных с достоинством человека.

Но цель эта останется недостигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной *подготовки* их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями.

Она должна *немедленно взяться за организацию* рабочих наших промышленных центров,— как передовых представителей всего трудящегося населения России,— в связанные между собою тайные кружки с определенной социально-политической программой, соответствующей современным нуждам всего русского производительного класса и основным задачам социализма.

Понимая, что подробности такой программы могут быть выработаны лишь в будущем и притом самим рабочим классом, призванным к участию в политической жизни и сплотившимся в особую партию, группа *«Освобождение труда»* полагает, что главнейшими пунктами *экономического отдела* рабочей программы должны быть *требования:*

1) Радикального пересмотра наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставления права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.

2) Устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей *инспекции с представительством от рабочих.*

4) Государственной помощи производительным *ассоциациям*, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Группа *«Освобождение труда»* убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы интеллигенции в его среде.

* *Примечание 3.* Этот пункт логически заключается в 4 §, требующем, между прочим, полной свободы совести; но мы считаем нужным оттенить его ввиду того, что теперь существуют у нас целые слои населения, как, например, *евреи*, не пользующиеся даже теми жалкими «правами», которые предоставлены другим «обывателям».

Но названная группа полагает, что сама интеллигенция должна предварительно стать на точку зрения современного научного социализма, лишь постольку удерживая народнические традиции, поскольку они не противоречат его положениям.

Ввиду этого, группа «Освобождение труда» задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению; этой цели она и посвящает все свои силы, призывая нашу революционную молодежь к помощи и содействию.

Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа «Освобождение труда» в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Нар. Воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о *задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса.*

Группа «Освобождение труда» *нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России.* Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой этого населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большею надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собою, впрочем, разумеется, что распределение сил наших социалистов *должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение*, и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа «Освобождение труда» не только не оттолкнет от себя таких людей, но приложит все старание, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы.

Женева, 1884 г.

Печатается по тексту «Избранных философских произведений», т. I, М., 1956, стр. 371—376

Г. В. Плеханов

ВТОРОЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в

общественную собственность всех *средств и предметов* производства, перехода, который повлечет за собою:

а) устранение современного товарного производства (т.е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану ввиду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время.

Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Заменяя современное господство продукта над производителем господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведовании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее *прямым народным законодательством*.

Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает *солидарность интересов производителей всех стран*, признанная и провозглашенная еще Международным Товариществом Рабочих.

Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплуататоров и так как поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений,—то неизбежным предварительным его условием является *захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран*. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контрреволюционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

Практические задачи, а следовательно, и программы социал-демократов, естественно, должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом — развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться как переходных ступеней таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в

передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени отмены крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным, умственным и нравственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда — неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем как идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он и может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему, решительному на него нападению, причем не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом позорные действия к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, причем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

6) Свободу передвижения и занятий.

7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

8) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как, например:

1) Радикального пересмотра наших аграрных отношений, т.е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставления права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.

2) Устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей *инспекции с представительством от рабочих.*

4) Государственной помощи производительным *ассоциациям*, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

Примечание. Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности.

Печатается по тексту «Избранных философских произведений», т. I, М., 1956, стр. 377—381

Г. В. Плеханов

РЕЧЬ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В ПАРИЖЕ [111]

(14 — 21 июля 1889 г.)

Вам, может быть, странно видеть на этом рабочем конгрессе представителей России,— России, где рабочее движение до сих пор, к сожалению, слишком слабо. Но мы думаем, что революционная Россия во всяком случае не только не должна держаться в стороне от новейшего социалистического движения Европы, но что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним принесет большую пользу делу всемирного пролетариата. Вам всем знакома роль русского абсолютизма в истории Западной Европы. Русские цари были коронованными жандармами, считавшими своей священной обязанностью защищать и поддерживать европейскую реакцию от Пруссии до Италии и Испании. Было бы напрасной тратой слов говорить

здесь о той роли, которую, например, Николай играл в 1848 и 1849 гг.; ясно как день, что падение русского абсолютизма равносильно торжеству международного революционного движения во всей Европе. Спрашивается только, при каких условиях революционное движение в России может одержать победу над русским абсолютизмом?

Некоторые писатели, фантазия которых значительно превышает их социально-экономические сведения, рисуют Россию страной вроде Китая, которая по своей экономической структуре ничего не имеет общего с Западом. Это совершенно ложно. Старые хозяйственные основы России находятся в процессе полного разложения. Наша сельская община, столь любезная некогда даже некоторым социалистам, а на деле составлявшая главную опору нашего абсолютизма, все более и более делается в руках сельской буржуазии орудием для эксплуатации большинства земледельческого населения. Беднейшая часть крестьянства вынуждена переселяться в города и промышленные центры; а одновременно с этим крупная фабричная промышленность растет, поглощая процветавшую некогда кустарную промышленность в деревнях. Побуждаемое нуждой в деньгах, наше самодержавное правительство всеми силами содействует этому процессу развития капитализма в России. Нам, социалистам, эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие, потому что этим путем оно само копает себе яму. Пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию. Если оно, несмотря на героические усилия русских революционеров, до сих пор не побеждено в России, то это объясняется изолированностью революционеров от народной массы. Силы и самоотвержение наших революционных идеологов могут быть достаточны для борьбы против царей как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом как политической системой. Задача нашей революционной интеллигенции сводится поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может!

Печатается по тексту «Избранных философских произведений», т. I, М., 1956, стр. 418—419

ГРУППА ДИМИТРА БЛАГОЕВА [112]

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Объединение людей в общественные формы имеет целью подъем и развитие материальных и нравственных сил человека.

Наиболее сложною и наиболее могучею общественной формой является *государство*, т.е. общество, обладающее политической организацией наряду с экономической.

Государственный строй, в той или другой форме, всегда является воплощением известного нравственного принципа, но до сих пор государство, благодаря узости этих принципов, всегда служило интересам отдельных классов в ущерб народу.

Современное государство служит выражением принципа индивидуализма, который в политике требует свободы личности, в экономической сфере — свободной конкуренции.

Под влиянием конкуренции распределение продуктов при всяких политических формах идет путем неправильным: масса трудящегося населения остается при минимуме удовлетворения необходимых потребностей, весь избыток сосредоточивается в руках класса капиталистов.

Но конкуренция приводит индивидуализм неизбежно к отрицанию самого себя: под ее влиянием рабочее сословие организуется путем обобществления труда в крупные формы производства, как наиболее выгодные, и путем долгих страданий доходит до идеи социализма — равенства и братства.

Социализм является как логический вывод из исторического хода вещей. Он требует обобществления труда и равномерного распределения продуктов между всеми; это достижимо в полной мере лишь путем экспроприации земли и орудий производства (фабрик и заводов) в государственную собственность и организации труда на началах коллективизма. Только в этих формах возможно полное развитие сил человечества — материальных и нравственных.

Но процесс обобществления труда под властью капитала идет путем медленным и мучительным, и нельзя ждать сложа руки того

времени, когда железные законы конкуренции сорганизуют рабочее сословие и поставят его против кучки капиталистов того времени, когда будет возможен полный и радикальный переворот социальных отношений.

Необходимо устремить усилия на то, чтобы ускорить и облегчить этот процесс, подготовить путь грядущему воцарению социализма, что возможно лишь путем вмешательства государственной власти в экономические отношения.

Остановить развитие крупного производства и нет возможности, и незачем. Задача государства должна заключаться в том, чтобы заменить капитализм индивидуальный производительными ассоциациями рабочих, земледельческих и промышленных, оставляя за собой верховное право собственности на земли и орудия производства.

Но, для того чтобы государственная власть действительно послужила на пользу народа, необходимо, чтобы она являлась выражением народной воли, что достижимо лишь при всеобщей подаче голосов без различия пола, национальности и вероисповедания.

Русское государство с отменой крепостного права вступило на тот же путь экономической конкуренции, как и Западная Европа. Капитализм у нас уже зародился и растет.

Но благодаря тому, что Россия вступила на этот путь значительно позже, чем западные государства, ей трудно с ними конкурировать в борьбе за внешний рынок, а внутренний рынок весьма ограничен благодаря бедности населения. Развитие капитализма у нас встречает затруднений более, чем где-либо; процесс обобществления труда под знаками конкуренции пойдет у нас путем еще более медленным, еще более мучительным, чем на Западе. Отношения классов определились у нас слабее, интересы не отлились в формы достаточно определенные, крестьянское население разбросано на огромном протяжении и трудно доступно для организации, поэтому государственное вмешательство у нас является еще более необходимым для облегчения процесса формирования нового общественного строя.

Рассчитывать на единичный переворот, который бы сразу привел к переходу земли и орудий труда в руки народа, нет никаких оснований.

Единственно возможный путь заключается в постепенной демократизации и переходе экономического и политического влияния из рук привилегированных классов в руки народа, что возможно лишь при его активном содействии, путем целого ряда народных движений, которые коренным образом перестроят государственную власть и обратят ее в пользу народа, а не кучки привилегированных классов. Сообразно с этим развивается наша программа. Мы должны указать те требования, которые являются логическим приближением к нашему идеалу, а с другой стороны, указать значение

всех элементов русской жизни в борьбе за этот идеал и определить наше к ним отношение.

Основными требованиями для перехода к осуществлению социалистического строя являются:

1. Отмена частного землевладения и переход всей земли в государственную собственность; переход фабрик и заводов в руки рабочих ассоциаций.

2. Коренная реформа податного обложения — замена всех прямых налогов прогрессивным подоходным налогом.

3. Организация политических форм государства на федеративных началах.

4. Даровое начальное обучение. Для осуществления этих требований в полной мере необходима организация государственной власти на демократических началах, что достижимо лишь при следующих условиях:

5. Свобода совести, слова, печати, преподавания и сходок.

6. Передача государственной власти представительному собранию, члены которого избираются путем прямой и всеобщей подачи голосов, и организация по тому же типу местного самоуправления.

7. Перевод постоянной армии в милицию (земское ополчение).

Таковы задачи, которые мы ставим себе при достаточной зрелости народных революционных сил. Но и в подготовительный период, во время назревания, силы эти не могут молчать. Они будут необходимо заявлять себя в тех или других формах активного протеста; они будут оказывать давление на правительство, прежде чем окажутся в состоянии его низвергнуть вовсе. Результатом этого давления будут различные уступки со стороны правительства в смысле указанных требований, но их необходимо дополнить еще другими требованиями, которые имеют существенное значение для этого подготовительного периода и послужат наилучшим предметом агитации, как требования наиболее доступные и наглядные. Сюда относятся:

1. Гарантия личной неприкосновенности от правительственного произвола и подсудность политических преступлений общему суду присяжных.

2. Созвание земского собора с действительным представительством от крестьян и рабочих.

3. Расширение местного самоуправления и отмена имущественного ценза.

4. Уравнение прав подчиненных национальностей с преобладающей народностью.

5. Широкое применение долгосрочного государственного кредита крестьянским обществам и рабочим ассоциациям для приобретения в пользование земли, фабрик и заводов.

6. Организация дешевого государственного кредита для удовлетворения текущих потребностей и нужд народного хозяйства.

7. Государственная эксплуатация железных дорог и водных путей сообщения.

8. Государственная регуляция рынка, т. е. устройство складов для хлеба и продуктов кустарного производства.

9. Государственная организация переселений и отхожих промыслов.

10. Понижение платежей, лежащих на народном труде, и переложение их на капитал земельный и промышленный.

11. Сокращение срока военной службы.

В настоящее время в среде русского народа революционные элементы уже существуют и растут; это — безземельный пролетариат. Благодаря прогрессивному развитию кулачества и капитализма пролетариат будет необходимо расти и умножаться; с другой стороны, затруднения для развития русской промышленности, закрывая ему поле труда, будут вызывать в его среде постоянное брожение. Нельзя еще предсказать, в какие формы выльется это народное движение, но наше дело — урегулировать по мере возможности ход революции, направить ее материальную силу путем сочетания крестьянской революции с политическим движением рабочих и интеллигенции в центрах.

Главную массу населения составляет у нас крестьянство. В его среде существует взгляд на землю как на достояние государства (земля божья да царская) и идет аграрное движение в смысле борьбы с частным землевладением. Общая цель нашей работы в данной среде должна заключаться в том, чтобы внести свет и понимание в социальное движение народа, указать ему наиболее разумные и практичные формы требований, которые он должен предъявить государству, и те пути, которыми должна идти борьба.

Отрицая возможность широкой боевой организации в крестьянской среде, мы видим свою ближайшую задачу в том, чтобы упрочить связь интеллигенции социализма с народом. Это возможно лишь путем организации местных групп из интеллигенции и подготовленных к этому в городах рабочих с целью привлечения к себе наиболее подходящих элементов из крестьян и постановки на ноги самостоятельной народной пропаганды. В отдельных случаях крестьянских волнений или аграрного террора инициатива должна принадлежать самому населению; наше дело будет только указать наилучшие приемы и возможные результаты, содействовать осуществлению готового стремления, когда оно справедливо и потому имеет воспитательное значение.

В среде городских рабочих, проводя те же идеи, что и среди крестьян, мы должны обратить особенное внимание на их политическое воспитание, так как они представляют для этого элемент, наиболее подходящий. Та часть рабочих, которая возвращается в деревню, достаточно подготовленная и снабженная подходящей литературой, послужит лучшим проводником революционных идей и политического развития в крестьянскую среду. Те же рабочие, которые остаются в центрах, должны послужить ядром политической силы

народа. Атмосфера политических интересов, созданная в их среде, послужит им необходимою школою политического воспитания. Но активное их выступление на поприще политической борьбы желательно не ранее, чем будут подготовлены такие рабочие группы по всем крупным центрам, не ранее, чем они составят значительную силу; иначе все частные попытки будут легко раздавлены и поведут к деморализации и непроизводительной затрате сил. Поэтому в случае отдельных волнений среди рабочего населения, а также в случае стачек, проявлений фабричного террора и т. д. мы относимся, как и к подобным же явлениям в крестьянской среде.

В армии пропаганда среди солдат возможна лишь в ограниченных размерах, путем проникновения в их среду подготовленных рабочих и путем воздействия офицеров на отдельные приближенные личности из солдат. Но большое внимание должно быть обращено на самих офицеров в том расчете, что они своим нравственным влиянием и властью, даже без предварительной пропаганды, в момент действия окажут давление в желательную сторону.

В среде привилегированных классов и интеллигенции наше внимание должно быть обращено на пропаганду наших идей и привлечение новых сил. Силы свои мы не будем сосредоточивать воедино, в одном пункте, а будем стараться организовать их в местные провинциальные и городские центральные группы. Группы эти должны организоваться между собой в смысле взаимной поддержки, обмена сведений и постановки литературного дела. Для удобства этих сношений — регуляции свободных денежных средств, направления людей в желательные и доступные местности, редактирования руководящего органа — необходим известный центр с представителями от местных групп. Но он не должен являться принудительной властью; его функция только распределительная, местные группы сохраняют полную самостоятельность.

Остается еще сказать о нашем отношении к существующим направлениям и программам.

Признавая желательность и пользу требований либералов относительно ограничения всех форм правительственного произвола, мы относимся отрицательно к оборотной стороне либеральной конституции, к покровительству имущим классам в ущерб народу. Центральный захват власти, с нашей точки зрения, может иметь прочное значение только тогда, когда он является завершением общенародной революции крестьян и рабочих, но не тогда, если он совершается путем предварительного заговора военного или какого иного.

Относительно политического террора как системы вынуждения уступок у правительства мы должны сказать, что при настоящих условиях — при отсутствии прочной рабочей организации, могущей непосредственно поддерживать эффект террористического факта, — мы не признаем продуктивности террора в том смысле и будем его практиковать лишь в следующих случаях:

1. Когда само население намечает жертвы из среды администрации.

2. Когда жертвы намечаются партией из лиц высшей администрации и их гибель не может вооружить против себя общественное мнение и недовольство народа.

3. В случаях самозащиты от шпионов.

Печатается по тексту книги «Хрестоматия по истории пролетарской революции в России», т. I, М.— Пг., 1923, стр. 257—263

УСТАВ КАССЫ

Поставив своей ближайшей целью соединение возможно большего числа рабочих в одну «рабочую партию», которая могла бы изменить существующий порядок вещей в пользу рабочего класса, мы думаем, что успех дела будет только тогда обеспечен, когда рабочие будут сильны и знанием и сознанием нравственного единства и материально. Без этих 3 условий борьба за лучшее будущее если не невозможна совсем, то во всяком случае крайне тяжела. Каждый человек, стремящийся к лучшему будущему для всего народа, а не лично для себя одного, может отдаться делу народного освобождения с полным сознанием правоты его и с безграничной преданностью ему только тогда, когда он будет знать причины тяжелых условий жизни народа, когда он поймет всю ту неправду, на которой покоится современный строй, и те предрассудки, которые освещают эту неправду. Когда он, наконец, сможет ясно представить себе хотя в главных чертах, в чем должно состоять изменение современных условий народной жизни, как оно повлияет на нее и насколько легче будет житься тогда народу. Да, он должен ясно представить себе это, должен уверовать в возможность осуществления этой великой задачи и вложить всю свою жизнь в борьбу за нее. Вера в справедливость этой задачи и труд на пользу ее каждого честного человека должны соединить их всех воедино, заставить их поддерживать друг друга в тяжелой борьбе. Легче должно быть каждому жертвовать собой, когда знаешь, что ты не один, что тебя всегда поддержат твои товарищи, когда знаешь, что не останется твоя семья без пищи и крова, что всегда она найдет себе и ласку, и утешение, и поддержку у твоих товарищей. Только тогда, когда человек поймет это, он сделается настолько нравственно и умственно выше окружающих, что будет в состоянии влиять на них, привлекать лучших из них в ряды борцов за правду и способствовать их соединению в одну народную партию. Конечно, одного только нравственного влияния мало, нужно многое сделать, прежде чем достигнуть цели. Нужно употребить много усилий на мелкую подготовительную работу. Найти тех немногих сознательных людей, которые теперь идут вразброд, и соединить их, устроить кружки для занятий с рабочими,

в которых они могли бы выработаться в деятельных членов народной партии, образовать библиотеки, основать материальную помощь делу. Вот задачи, которым мы должны посвятить массу времени и труда, прежде чем из всего этого создастся могучая народная партия, которая в силах будет открыто потрясти основы современного строя и создать новый.

Пускай же каждый из нас принесет посильную лепту на народное дело, пускай же каждый из нас будет стараться работать сам, а не сваливать работу на других.

Как на одно из средств, с которого должно начать осуществление задачи объединения рабочих, мы укажем на кассы. Изложим же программу их.

Кассы, устраивающиеся теперь, должны носить кружковый характер, и только с большим развитием их и при тесной связи между отдельными кружками все эти кассы должны слиться в одну общую кассу — «кассу рабочей партии».

Главная цель кассы:

1) * Помощь лицам, пострадавшим за дело, и их семействам.

2) * Пособие лицам, зарекомендовавшим себя полезною деятельностью в пользу дела, в случае, если они лишатся работы.

3) Пособие лицам, снявшим квартиры, в которых должны будут происходить занятия или какие-либо другие собрания.

4) Устройство летучих библиотек.

5) Доставление средств для поездок и выдача вознаграждения лицам, не вышедшим на работу, если этого потребует дело.

Средства кассы получаются:

1) Из единовременных взносов в 1 руб., делаемых каждым членом при поступлении.

2) Из ежемесячных членских взносов, которые должны быть не менее 30 коп.

3) Из случайных доходов, пожертвований, лотерей и т. п.

Доходы кассы распределяются таким образом:

во-первых, удовлетворение текущих расходов,

во-вторых, часть откладывается в запасный капитал, который отдается в ссудо-сберегательную кассу и,

в-третьих, идет на поддержку «Коренной кассы».

Если расходы не могут быть удовлетворены средствами кассы, то недостаток пополняется из «Коренной кассы». Так как касса не является благотворительным учреждением, в программу которого входила бы выдача ссуды своим членам за известный %, а должна служить как одно из средств объединения рабочих для борьбы за лучшее будущее, то членами кружка могут быть только лица, стремящиеся к изменению современного строя; поэтому для поступления в кассу необходима рекомендация по крайней мере 3 человек. При выходе из кассы почему бы то ни было никто не может требовать

* Пособие выдается с тем, чтобы взявший при возможности возвратил в кассу деньги без %. (*Примечание подлинника.*)

возвращения своих взносов, т. к. они предназначаются на поддержку дела народного освобождения. Деньги, поступающие в кассу, передаются кассиру. Так как здесь все основывается на доверии, то кассиром может быть лицо, выбранное единогласно. При развитии кассы, когда членов будет много и сумма взносов увеличится, следует выбрать двух кассиров. Кассиры выбираются на время (на полгода) и сменяются по желанию членов. Члены кассы по очереди, по 2 человека, проверяют еженедельно кассира. Ежемесячно должны быть кассовые собрания для принятия отчета от кассира. На этих собраниях устанавливаются сметы расходов на будущий месяц, и остаток от предыдущего месяца делится на 2 части, как сказано выше. Вопросы решаются большинством голосов. При большем числе членов они разделяются на кружки, имеющие сношение через своих представителей, в каждой такой кружковой кассе должно быть по 10 человек.

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 1, 1952, стр. 372—374

Д. Благоев

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

(отрывки из книги)

...Нет сомнения, что деятельность нашей социал-демократической группы является продолжением социалистической деятельности среди рабочих со времени 70-х годов. Однако она внесла нечто совершенно новое. Прежде всего название социал-демократической, указывающее новое содержание революционной деятельности в России, было название, не встречавшееся до сих пор. Но самое главное, что внесла социал-демократическая группа,— это обоснование социализма в связи с развитием капитализма в России. В этом смысле наша группа была первой социал-демократической группой в России и появилась совсем самостоятельно и независимо от существующих социалистических групп в России, как и существующих в это же время групп за границей, как группа «Освобождение труда» Плеханова, Аксельрода и др.

На втором заседании нашей социал-демократической группы поднялся вопрос о необходимости письменного разглашения социал-демократических идей среди студенчества и рабочих, как и о выработке социал-демократической программы, которую необходимо популяризировать среди этих кругов. Однако группа решила не спешить с последним, пока не наладится связь с рабочими, но возложила на меня выработку проекта программы, которую я должен был представить в одно из ближайших заседаний группы. Относительно первого решили издавать коротенькие летучие листки для распространения среди студенчества на сходках, что должны были начать приводить в исполнение немедленно. Для издания таких листков,

как и приглашений на собрания, мы располагали только одним средством, которое соответствовало материальному состоянию группы. Это — очень распространенное в то время средство — был гектограф.

Его приготовление было очень простое: желатиновая расплавленная масса выливалась равномерно на жестяные листы, написанное химическими чернилами отпечатывалось на этой массе, и с нее перепечатывались ясные и хорошо читаемые приблизительно сто экземпляров. Гектограф имел еще то удобство, что в случае опасности его легко можно было разрушить и выбросить, легко уничтожая следы «преступной» деятельности.

Конец 1883 и начало 1884 г. группа употребила для организации собраний среди студенчества. Вначале собрания были малочисленными, после становились все многочисленнее, некоторые достигли даже 30 человек. На этих собраниях я излагал социалистические взгляды группы, отвечая на все, как говорили тогда, жизненные вопросы революционного характера, волновавшие студенчество.

Само собой понятно, что кроме этой публичной, так сказать, деятельности члены группы развивали и единичную пропаганду, распространяя летучие листки с коротеньким изложением принципиальных основ социал-демократических взглядов и воззвания, призывающие студенчество присоединиться к практической социал-демократической деятельности среди рабочего класса. Эта деятельность социал-демократической группы имела неожиданно большие успехи. Из этих собраний вышло много преданных социал-демократов и социал-демократок, некоторые из них были принуждены эмигрировать в Болгарию, оставаясь до настоящего времени преданными социализму.

Несмотря на то, что успехи группы среди студенчества были очень важны для дальнейшего развития ее работы, все же она не забывала, что главный объект ее пропаганды — рабочий класс. Сюда были устремлены все ее усилия, и здесь в течение 1884 г. она успела развить еще при мне довольно широко свою пропаганду и агитацию.

Первые рабочие, с которыми я познакомился, были старые рабочие, давно работающие на чугунолитейном заводе. Они произвели на меня сильное впечатление своей интеллигентностью. Оба жили вместе; комната, где вели беседы, была скромная, но чистая, аккуратная, свидетельствовала о некоторых культурных потребностях ее обитателей. Мы долго беседовали о положении рабочих, о причинах этого положения и какой выход из него. Вначале они как будто стеснялись говорить, но понемногу решились, и мы так сблизились, как будто были старыми приятелями. Оказалось известным им многое из рабочего вопроса, и они высказывали очень здоровые мысли. Мы решили встречаться почаще и на следующий раз пригласить и других хорошо им известных рабочих.

Из первой беседы с этими двумя рабочими я понял, что работа среди рабочих будет очень трудной. Оказалось, что между рабочими

было очень распространено шпионство. Печальнее всего было то, что многие из рабочих были правительственными шпионами. Правда, правительственная власть вербовала своих шпионов среди самых некультурных рабочих элементов, обыкновенно из пропойц и скандалистов, подвизающихся по шинкам и трактирам; поэтому при умелом ведении работы среди рабочих, польза от них властям и вред для работы не мог быть большим.

С другой стороны, самый состав рабочего класса являлся существенным препятствием для пропаганды социализма и для организации рабочих. За исключением металлургических фабрик, где уже отделился слой действительных пролетариев, давно порвавших все связи с прошлым своим положением, в других фабриках и мастерских большинство рабочего класса составляли неоформленные пролетарии, сельские и мелкобуржуазные элементы, не вполне порвавшие с деревней и ремеслом, с крестьянской и мелкобуржуазной идеологией. Сначала они входили в капиталистическое производство не в одиночку, а артелями, то есть группами, поэтому рабочий труд эксплуатировался вдвойне: собственниками капиталистических предприятий и вождями артелей. Само собой понятно, что культурный уровень этих рабочих был очень низким.

Несмотря на все сказанное, работа группы среди рабочих все более расширялась. Круг нашей пропаганды и агитации среди рабочих чугунолитейного завода все более разрастался. Во избежание шпионской слежки мы были вынуждены делать свои собрания летом за городом. Таким образом нам удалось положить начало рабочей организации, синдиката в среде этих рабочих. В то же время другие товарищи из группы успели связаться с рабочими металлургических фабрик по ту сторону Невы, на Васильевском острове и Выборгской стороне. Здесь группа решила воспользоваться сохранившимся остатком существовавшего рабочего общества взаимовспомогательной кассы, вдохнуть ему жизнь и дальше через него создать новые организации. С другой стороны, из молодых рабочих той же местности группа организовала и просветительный кружок, организовав и ряд маленьких библиотек, избрав самые подходящие рассказы и статьи из старых радикальнейших журналов.

Успех среди рабочих довольно сильно подбодрил группу, и у нее уже совсем естественно возникла идея дать своему делу более общий характер, дать толчок социалистической пропаганде, агитации и организации среди рабочих не только Петербурга, но вообще в России. Это она думала постичь только через свою печать, через свою рабочую газету, а таковая была возможна, только организовав подпольную типографию. С другой стороны, решая выступить своим органом, группа считала необходимым выставить также свою социал-демократическую программу, объединяющую в первое время всех социалистов, согласившихся с взглядами и деятельностью петроградской социал-демократической группы. По этим соображениям группа решила издавать свой орган «Рабочий», как только будет организована типография, а программу разработать

уже в следующем заседании, на будущей неделе, и отпечатать ее на гектографе. Действительно, на следующем собрании я прочитал программу. Она гласила:

I. КРАЙНИЕ ЦЕЛИ

1. Передача земли, фабрик, заводов, средств производства, т. е. машин и пр., в руки рабочих обществ.
2. Превращение труда, земли, фабрик и заводов в общественную собственность.
3. Передача государственной власти в руки народа.
4. Полная свобода распространения знаний и преподавания, свобода печати, слова и совести.
5. Бесплатное и общедоступное образование.
6. Международный союз для поддержки солидарности между всеми народами.

II. СРЕДСТВА

1. Широкое избирательное право для лиц обоего пола.
2. Общинное самоуправление.
3. Полная свобода преподавания наук и искусств, распространения знаний, свобода слова, печати и религии.
4. Уничтожение школьного религиозного воспитания и предоставление его семейству.
5. Организация обязательного и бесплатного образования, основанного в духе общественных и гражданских обязанностей.
6. Уничтожение постоянной армии и организация народной милиции.
7. Сокращение числа чиновников и организация выборной общинной службы.
8. Замена современного суда судом выборных судебных заседателей.
9. Соединение земледельческого и промышленного труда.
10. Централизация кредита в руках государства и употребление его для организации национального труда и национального производства на коллективных началах.
11. Организация обществ для эксплуатаций на коллективных началах общественных земель, земных богатств и средств производства *.

Итак, у нас была программа, оставалось создать типографию. Последнее было, конечно, очень трудным делом, но благодаря связям, которые у нас были среди типографских рабочих, наконец и эти трудности мы превозмогли.

Наша типография была маленькая и примитивная. Толстая гладкая дубовая доска с рамкой такого же дерева, размером среднего

* Эта программа напечатана в книге Туна «Русское революционное движение», русский перевод.

формата газеты, покрытая толстым гладким сукном, над ним толстое гладкое стекло, поверх которого клали набранные страницы газеты. Газета печаталась ручным цилиндром. Это была наша типографская машина. Другая ее часть состояла из наборной со всеми принадлежностями: необходимое количество букв, одна-две коробки, компасы, штеги, линейки, доски и пр. Типография помещалась в квартире, где мы жили, скрывали мы ее под полом части комнаты, для этой цели мы сделали так, что часть пола могла подыматься, ископав пространство, которое вмещало всю типографию.

Все это было зимою 1884 г. К концу зимы наша типография была готова, и мы, жившие в общей квартире, занялись изучением набора, в то же время подготавливая материал для первого номера «Рабочего».

Помню, что в передовой статье этого номера, написанной мною, настаивалось прежде всего на том, что рабочие в России должны бороться за конституционное управление — как ближайшая задача. Мы считали политическую свободу первым необходимым условием в дальнейшей борьбе за социалистический переворот. Последний мы представляли себе по Лассалю, то есть через рабочие общества, субсидированные государством. Несомненно, что эти наши взгляды и программа очень отличались от современных социал-демократических взглядов и программ. Они представляли смесь научного социализма с лассальянством, а если хотите и лавризма.

Пока мы приготовляли все для типографии, случилось важное событие для нашей группы, очень поднявшее ее дух. Не помню, откуда и как получили мы экземпляр брошюры Г. Плеханова «Политика и социализм»[113]. Независимо от ее социалистического содержания, в котором мы нашли подтверждение нашим взглядам, из нее мы узнали еще, что в Женеве существует группа «Освобождение труда», во главе которой стоят старые социалистические деятели, как Плеханов, Аксельрод и др., известные в России прежней своей деятельностью. Для нашей группы, естественно, это было целым событием. Группа немедленно собралась и, прочитав брошюру,— она была тогда только в одном экземпляре — решила немедленно связаться с женевской группой, послав ей и программу нашей группы. Но, пока нашли адреса, через которые можно было послать письмо и программу, и пока получили ответ от группы «Освобождение труда» прошло довольно много времени.

В то же время связи социал-демократической группы с рабочими Петербурга увеличивались с каждым днем. Но чем больше связь расширялась, тем больше увеличивалась опасность для наших агитаторов, работающих среди рабочих, быть прослеженными. К концу 1884 года, возвращаясь с одного рабочего собрания на Васильевском острове, я заметил, что какой-то господин следил за мной и проводил меня почти до моей квартиры, после чего исчез. Ввиду этого мы решили, что я должен выйти из комнаты, переехать на другую квартиру и жить отдельно; с другой стороны, с тех пор я начал переодеваться, уходя на рабочие собрания и по агитации,

в различные рабочие, полурабочие и полукрестьянские костюмы. С самого начала я работал среди рабочих под именем Петра Егорова, и едва ли кто-нибудь из рабочих знал мое настоящее имя и отчество. Этими мерами осторожности я объясняю факт, что долгое время слежка шпиков была для меня без последствий, как и то, что не помню имен своих товарищей. А шпионская слежка становилась все больше и нахальнее или, вернее, грубой, в особенности после появления первого номера газеты «Рабочий». Бывали случаи, когда за мной бегали, как собаки, трое-четверо до нашей общей квартиры, где поджидали выхода. Раз, помню, мы согласились с несколькими товарищами оскандалить их. Поспешно я снял свой рабочий костюм, одел студенческий, и немедленно мы вышли, три-четыре человека. Увидев нас, шпики отправились вниз по улице, мы спустились за ними и, когда приблизились, начали кричать: «А, шпики, сукины сыны!».Они ускорили свои шаги, но двое из нас обошли их и остановились за углом улицы, которая пересекала первую, и, когда шпики дошли до угла, мы их смерили продолжительным взглядом прямо в лицо. Это были очень неловкие, неуклюжие типы как по костюмам, так и по физиономиям. Мы все четверо громко расхохотались, пустив им вдогонку по одному русскому крепкому словечку. Они поспешили почти бегом удалиться, и мы их оставили. С тех пор уже не замечали прежней нахальной слежки, вероятно следили за нами более опытные шпики.

Первый номер газеты «Рабочий» мы выпустили к концу января или в начале февраля 1885 года. Можете себе представить, каким восторгом встретили его рабочие и студенческие группы. Его появление вообще было целым событием в революционных кругах Петербурга. Социал-демократическая газета, и к тому же «Рабочий», напечатанная в собственной типографии,— это было для многих нечто неожиданное, совсем новое. Рабочие говорили о ней с гордостью, со всех сторон предлагали свою лепту, искали ее для распространения. Насколько могу припомнить, тысяча экземпляров, вычтя небольшое количество экземпляров, предназначенных для провинции, очень скоро распространились среди рабочих и студенческих групп.

Но вы можете себе представить, каким громадным сюрпризом было появление газеты «Рабочий» для полиции. Несколько дней после выхода первого номера полиция, как взбешенная, бросилась искать газету первым делом у рабочих. Постоянные обыски по фабрикам и квартирам рабочих, угрозы, даже аресты продолжались несколько дней. Однако все было напрасно, абсолютно ничего полиция не могла раскрыть. Прием и поддержка, которыми была встречена газета прежде всего в рабочей среде, показывали, что она явилась удовлетворить существующую необходимость новой революционной деятельности...

Печатается по тексту книги: Д. Благоев «Мои воспоминания», М.—Л., 1928, стр. 37—45

ГРУППА П. В. ТОЧИССКОГО

(«Товарищество санкт-петербургских мастеровых»)

А. Брейтфус[114]

ТОЧИССКИЙ И ЕГО КРУЖОК

Павел Варфоломеевич Точисский родился в 1864 г. * и происходил из польской дворянской фамилии. Его отец, полковник, был женат на парижанке. От этого брака было трое детей: Павел (Август), Мария и Франц. О раннем своем детстве Точисский мало говорил, но любил рассказывать про свою мать, которую обожал; он утверждал, что мать в него вдохнула республиканский дух. Не будучи музыкальным, он любил «Марсельезу», которую напевал правильно. По его словам, «Марсельеза» была колыбельной песней, которую напевала мать, убаюкивая его. Отца он ненавидел, но еще больше ненавидел своего дядю ксендза, имевшего большое влияние на отца. По натуре Точисский был сентиментален и добр и справедлив.

Рассказывая свое прошлое, он очень охотно вспоминает время, когда его отец служил в Екатеринбурге начальником тюрьмы; этапы, проходившие в далекую Сибирь, произвели на него особо сильное впечатление. Рассказывал он очень образно и сильно. Живя около самой тюрьмы, он рано заинтересовался жизнью арестантов и еще ребенком, толкаясь среди надзирателей и арестантов, научился детским умом понимать человеческие страдания. Суровые наказания, существовавшие в тюрьме, производили на него подавляющее впечатление, и он убегал подальше от людей и плакал горькими слезами. Чем мог, он старался помогать «несчастным». Так, он рассказывал, как он, будучи еще мальчиком, воровал дома сахар и булки у матери и носил какому-то старому арестанту, который несколько раз бегал из Сибири и был присужден на вечное заточение. Когда он подрос и уже был в гимназии, он заинтересовывается политическими арестантами, проходившими тогда большими партиями через екатеринбургскую тюрьму. Они-то и пробудили в нем критическую

* Точисский родился 16 апреля 1865 г., что видно из описи личных документов Точисского, составленной секретарем СПБ. прокурора судебной палаты и хранящейся в деле департамента полиции по 3-му делопроизводству № 1112, т. I, 1892 г. *(Ред. журнала «Красная летопись».)*

мысль, натолкнули его на революционную стезю, с которой он не сходил в продолжение всей жизни до рокового выстрела, прекратившего жизнь в этой доброй, смелой и честной груди.

Еще гимназистом, Точисский устроил среди сверстников кружок самообразования, существовавший долгое время. Из этого кружка вышло несколько человек, имена которых стали известны впоследствии в летописях русской революции. Из всех имен у меня в памяти сохранилось только имя Евгения Поленова (был в Московском университете). Учился Точисский в гимназии плохо, да у него и времени на то не было: в городе была хорошая библиотека, из которой он запоем читал книги. Одаренный хорошей памятью и недюжинными способностями, он легко схватывал прочитанное. Между прочим, любимыми писателями его были Щедрин, Михайловский, Добролюбов и Успенский, которых он цитировал по памяти.

В последних классах гимназии у него было много столкновений с начальством, предвидевшим в нем подрастающего революционера. Столкновения эти были не только в гимназии: отец тоже не мог примириться с развивающимися в нем взглядами; взаимное раздражение росло, и скоро дело кончилось тем, что отец выгнал его из дому. Точисский принужден был работать чернорабочим на каком-то заводе около Екатеринбурга. Тяжелая жизнь и новые условия тесно сблизили Точисского с его новыми товарищами. Здесь он решил окончательно уйти «от ликующих, праздно болтающих и т. д.» и посвятить свою жизнь трудовому, забитому и бесправному люду, работать для его раскрепощения, для уяснения ему его неотъемлемых прав человека.

В 1884 г. летом Точисский вместе с сестрой своей Марией перебрался в Питер. Сестра его поступила на высшие женские курсы (Бестужевские), а он в ремесленное училище где-то возле Арсенала на Выборгской стороне. Изучал он там слесарное ремесло.

В 1885 г. летом я познакомился с ним. Он жил тогда на Петроградской стороне, в Дункином переулке, в подвале деревянного дома, у какой-то коровницы. Жил он крайне бедно, питаясь чаем и хлебом, почти никогда не обедая. От отца он денег брать отказывался, но изредка получал поддержку от матери, которая из боязни отца украдкой посылала свои грошовые сбережения. Одевался он, как настоящий рабочий, в грязную синюю блузу, чертовой кожи штаны и опорки на босую ногу. Ходил он тяжело, вразвалку, потрясая красивыми черными волосами, обрамлявшими тонкие, благородные черты лица. Его любимая поза была поза Мефистофеля со скрещенными на груди руками.

Ежедневно вечером я заходил к нему и заставал его постоянно или с книгой или с газетой за чаепитием, к которому он относился как к священнодействию. По поводу прочитанного он заводил длинные разговоры и так умел увлекать ими, что мы просиживали до поздней ночи, вовсе того не замечая.

Тут во время этих разговоров я познакомился с новыми взглядами на революционную борьбу, сторонником которых оказался

Точисский. Я в это время был под сильным гипнозом народовольческих идей, очарованный героической и красочной борьбой народовольцев с властью. Мне тогда представлялось, что учение революционных народников являлось альфой и омегой человеческих знаний. Поэтому, когда я в Точисском встретил строгого критика народовольчества, я был крайне удивлен и заинтригован. Его абсолютно отрицательное отношение к террору меня поражало. Я считал террор верхом героизма. А он говорит, что террор — рисовка, что адепты террора лишь жаждут славы, что террор — в конце концов лишь средство завоевать власть для вырастающего класса буржуазии. Народ настолько темен, настолько еще не сознателен, что не в состоянии воспользоваться результатами героической борьбы народовольческой интеллигенции; последняя, борясь во имя якобы народа, лишь могла бы помочь взять власть новым врагам народа. Но к великому огорчению и революционной интеллигенции и алчной буржуазии, тянущейся к власти, террор и вообще все потуги революционной интеллигенции — лишь покушение с негодными средствами. Революция и радикальный политический переворот возможны лишь в результате глубинного движения народных масс, и именно той части народа, которая является действительно революционной по отношению к существующему строю. Точисский находил, что в России может быть пригоден для революции только пролетариат, и все революционеры сильно грешили и грешат, игнорируя этот класс, бросаясь то в крестьянскую, то в интеллигентную среду. Крестьянская масса, несмотря на свою многомиллионность, разъединена, не спаяна одними интересами. Кроме того, слишком низко стоящая в культурном отношении и в смысле классового самосознания, она не может стать авангардом революции.

Считая единственным революционным классом промышленный пролетариат, он находил, что в этот класс должны быть брошены все революционные силы страны, создан в нем революционный оплот на почве экономической борьбы, должно воспитать и приготовить его для политической борьбы. Но рабочий класс России находится еще на низкой ступени развития, его классовое сознание находится лишь в потенции. Поэтому без помощи интеллигенции ему не обойтись; последняя должна повести его, дать ему организацию, выявить его классовое сознание.

Интеллигенцию он считал случайным гостем в революции, ибо понимал революцию как социальную. Он часто говорил: «Вы с нами до первого поворота, до первой конституции, которой добиваетесь от правительства и в которой нуждаетесь, а там наши дороги далеко разойдутся». Не реже он повторял слова Христа: «Прежде чем петух пропоет три раза, вы (интеллигенция) трижды отречетесь от меня (пролетариата)». Вообще он считал революционную интеллигенцию идеологами буржуазии и старался отсеять от нее лишь действительно революционное ядро. Поэтому он тем не менее привлекал к своей работе интеллигенцию en gros*, но не забывал ставить ей на вид,

* в целом.—*Ред.*

что она терпима только до тех пор, пока в среде рабочего пролетариата не создалась своя интеллигенция, революционная.

Еще летом 1885 г. у него уже созрел план организации обществ для поднятия умственного и нравственного уровня рабочих. Тогда он еще подыскивал людей для этого общества и склонял меня пойти по его стопам. Я учился в то время в консерватории, и он убеждал меня бросить музыку, ибо не время, говорил он, еще сейчас заниматься искусством, когда жизнь требует от нас иной, более продуктивной работы. Он убеждал меня, что пока музыка служит только богатому классу, ею заниматься преступно, и советовал поступить тоже в ремесленное училище, чтоб с ним вместе идти в качестве рабочего работать среди рабочих, как это сделал по его убеждениям Иван Шалаевский, не выдержавший конкурсного экзамена в институт путей сообщения. Он изучал в том же ремесленном училище столярное ремесло. Я колебался, ибо страстно любил музыку с детства и сразу разбить свой кумир не хватало во мне силы. Он смеялся надо мною, называл меня аркадским пастушком, а я, сознавая всю правоту аргументов Точисского, страдал и мучился, но недолго. Демонстрация 1886 г. на могиле Добролюбова сразу решила оперативным путем мой вопрос с консерваторией. Я попал в число переписанных полицией и был исключен из консерватории. Моя музыкальная карьера была закончена, и больше ничто не смущало мою душу. Я был свободен и тоже решил отдать себя целиком революционному делу, однако в ремесленное училище поступать не хотел.

Фактически кружок Точисского образовался еще с осени 1885 г. Это была компания близко знакомых интеллигентов-учащихся, объединенных одной общей идеей — ненавистью к существующему политическому строю. Состав этого кружка я в настоящее время не могу указать точно, ибо факты и даты перепутались в моей памяти, но во всяком случае в нем принимали участие кроме Точисского его сестра Мария, я, а может быть еще Данилова и Аркадакская. Я, в это время находившийся еще под сильным влиянием народовольческих идей, хотя уже и чувствовал, что в этой борьбе наступил роковой перелом, но не мог помириться с фактом, искал приложения своих сил и, за отсутствием иного дела, занимался гектографированием брошюр «Царь Голод», «Сказка о четырех братьях» и пр., еще не зная, где и как буду их распространять, ибо связей у меня в соответствующих кругах не было. Тут-то мне и помог Точисский, у которого уже тогда оказалась аудитория достаточно емкая, чтобы поглотить почти целиком мною изданные брошюры.

К рабочим Точисский долго «интеллигенцию» не подпускал, и я, пользуясь его полным доверием, был первый, который получил этот доступ. К рождеству 1885 г. уже у нас были прочные связи за Невской заставой, у Берда, у Штритера, у Лаферма, в артиллерийском арсенале, в ремесленной школе. Здесь небезынтересно отметить, как Точисский вербовал рабочих. Встретив и разговорившись с тем или иным рабочим с новой фабрики или завода и заметив, что собеседник «клюет», он уже не выпускал его из виду, шел с ним

в чайную или трактир, здесь вступал с ним в длинный разговор, нащупывая почву, выяснял, где и когда он бывает, и потом старался вторично встретиться с ним, а может быть еще и не один раз, чтобы проверить свое первое впечатление. Я уже сказал, что сам Точисский одевался, как рабочий; кроме того, он старался говорить языком рабочих, и о революциях — ни слова. Поэтому такие встречи его не вызывали подозрений в собеседнике; часто к ним приставала компания слушателей, которые также не подозревали в Точисском интеллигента, пошедшего в народ. Но сам Точисский был крайне осмотрителен и осторожен с рабочими, он привлекал их к своему делу только после тщательных повторных проверок. При этом он даже избегал вовлекать в свое дело рабочих, уже задетых пропагандой, считая их испорченными революционным авантюризмом. Так по крайней мере он относился к Нилу Васильеву, рабочему лет за 50, распропагандированному еще чайковцами или нечаевцами. Каждым промахом последнего он пользовался, чтобы подчеркнуть результаты интеллигентской пропаганды. Он предпочитал вербовать свежих рабочих.

Питерские революционеры встретили появление новой организации крайне радушно. Через Точисского и Лазарева были получены связи с рабочими на заводе Берда, где Точисский работал в качестве слесаря, а Лазарев — в качестве молотобойца. Связи эти были использованы в полноте лишь впоследствии. Время это было тяжелое, когда связи с рабочими были потеряны, когда интеллигенция в среду рабочую проникать не могла. Дворники, перешедшие на службу полиции, зорко следили за каждым живущим в доме рабочим, и те, которые не занимались пьянством, брались на подозрение. Публика либеральная относилась к нам снисходительно и помогала нам средствами и книгами. Особенно много мы получили от фабриканта Варгунина, генеральши Слепцовой (дочь известной парижской эмигрантки-анархистки С. Лавровой), Некрасовой (бестужевки), Серебряковых, д-ра Караваева и проч.

При «Товариществе» была устроена прекрасная библиотека, которая переплеталась собственными силами (имели два полных набора инструментов), библиотека и склад нелегальной литературы, касса помощи для рабочих, пострадавших за политические убеждения.

Будучи прекрасным организатором и конспиратором, Точисский очень удачно и толково установил драконовские правила конспирации. В особенности он боялся разгильдяйства со стороны наших женщин, которые, занимаясь революцией, не могли отрешиться от театров, гостей и проч. Точисский прекратил это «шлянье», как он выражался, и ввел в обиход клички. Для большей безопасности был выработан план сношений, и каждый из нас мог сноситься только с двумя членами, а именно через одного получать распоряжение и другому передавать их, но отнюдь не бегать ко всем.

Уже с весны 1886 г. он стал показывать интеллигенции своих рабочих, но по-прежнему не подпускал близко одних к другим. В этом году кружок конституировался.

К осени 1886 г. Точисским был выработан проект устава тайного общества, в котором говорилось: «Общество зиждется на основе поднятия интеллектуального и морального уровня рабочих путем: библиотек, чтений, кружков саморазвития и общений с революционной интеллигенцией». В нем говорилось об организации касс взаимопомощи, устройстве стачек и коллективных протестов против отдельных лиц, распоряжений и постановлений заводоуправлений и проч.

В конце 1886 г. было первое организационное собрание, на котором участвовали Точисский, его сестра Мария, Дмитрий Лазарев, Иван Шалаевский, Ел. Данилова, Любовь Аркадакская и я. Устав был принят, и общество было названо «Товарищество петербургских мастеровых». Однако проект прошел не в том виде, в каком его представил Точисский. Мною было внесено добавление, поддержанное Лазаревым, Аркадакской и Даниловой. Добавление говорило о: 1) библиотеке нелегальной литературы; 2) кассе помощи политическим ссыльным и заключенным рабочим. Точисский сильно протестовал, боясь большого увлечения «нелегальщиной», в которой видел больше вреда, чем пользы. Он говорил, что «нелегальщина» только будоражит голову, но не дает необходимых знаний и развития, и сравнивал ее с быстро расцветающим, но и быстро увядающим цветком. Когда была устроена эта библиотека, он постоянно сдерживал меня (я был ее библиотекарем) и советовал не начинять рабочих этим материалом, а приучать их к серьезному чтению.

Касса взаимопомощи по идее устава была стачечным фондом, из которого предполагались временные позаимствования для выдачи лишь в виде возвратных ссуд, и то лишь в несчастных случаях. Фактически же ссудами никто не воспользовался; ссуды выдавались только библиотеке на приобретение новых изданий. Часть этих ссуд была покрыта из пожертвований. Размеры актива кассы были незначительны, ибо большая часть пожертвований отчислялась на библиотеку и в фонд помощи политическим пострадавшим. А членские взносы были слишком ничтожны, чтобы из них мог образоваться капитал, лишь сколько-нибудь похожий на фонд, необходимый для стачечной борьбы.

В легальной библиотеке «Товарищества» было по каталогу больше 700 номеров. Переплетенных книг было штук 600, остальное в брошюрах. Много книг было по беллетристике, по нескольку экземпляров. Были исторические, научные и по экономическим вопросам и проч. Рабочие читали больше беллетристику, хотя мы давали читать более охотливым по каталогу систематического чтения (Челябинский). «Товарищество» получало журналы «Русскую Мысль», «Северный Вестник»[115], «Вестник Европы», «Русское Богатство»[116] и газеты «Русские Ведомости»[117] и «Московские Ведомости» (для информации). Библиотека отчасти составилась из пожертвований самих авторов. Так, например, мне известно, что Точисский с этой целью ходил к Н. К. Михайловскому, М. Е. Салтыкову-Щедрину и многим другим,

от которых получал иногда даже в нескольких экземплярах их сочинения. И только визит к Толстому Л. Н. не дал никакого результата, потому что Л. Н. предложил пойти за книгами к своей жене, а последняя в пожертвовании отказала. Остальные книги были приобретены или на пожертвованные деньги или также пожертвованы лицами, сочувствующими делу.

Библиотекарем нелегальных книг в «Товариществе» был я. Библиотека у меня была разделена, представляя собою и склад. Хранил я склад на чердаке, в отделении, принадлежавшем квартире какого-то генерала, около самого карниза за ящиками. Дневной запас имел или в своей комнате или за обоями в ватерклозете, в стене которого были вынуты кирпичи и образована вместительная ниша.

В «Товариществе» были следующие книги, количество которых указываю приблизительно.

«Царь Голод» собств. гектографирования	около	10—12	экз.
«Сказка о четырех братьях» собств. гектогр.	»	10—15	»
«Хитрая механика»	»	5—10	»
«Слово на великий пяток»	»	3—5	»
«Речь Алексеева»	»	—	
«Сущность социализма» Шеффле	»	?	
«Речь Бардиной»[118]	»	15—20	»
Письма Миртова [119]	»	?	
«За что старика обидели»	»	3—5	»
«Процесс Лопатина, Г.»[120]	»	10—15	»
Л. Тихомиров. «Почему я перестал быть революционером»	»	1—2	»
«Календарь Народной Воли»	»	2—3	»
«Манифест Коммунистической партии»	»	5—10	»
«Разные биографии революционеров»	»	10—20	»
Книжки «Народной Воли»		много	
Брошюрки Л. Н. Толстого		?	
Газета «Народной Воли»		неск.	экз.
Листки «Земля и Воля»		»	»
«Рабочий» (газета)		1	
Плеханов. «Наши разногласия»	около	5—8	
Прокламации разные		много	

Точисский требовал для рабочих очень редко, и из этих книг, помнится, он брал лишь «Царь Голод», «Манифест», Шеффле, «Хитрая механика», Дикштейна «Кто чем живет» и больше, кажется, ничего.

Рабочие охотно читали «Хитрую механику», «Царь Голод», «Сказку», «Календарь Народной Воли», биографии и отчасти газеты. Такие брошюры, как «Манифест» и Шеффле, читались с пояснениями пропагандиста, т. е. Точисского, Лазарева и рабочих, состоящих действительными членами кружка. Усиленно пропагандировали нелегальщину среди рабочих «интеллигенты» кружка, не исключая и Лазарева, а из рабочих лишь Нил Васильев.

На себя Точисский взваливал всегда самую сложную работу, никому не доверяя ее, и всего больше берег от полиции рабочих. Когда начались в Питере сезонные аресты, он временно прекратил доступ интеллигенции к рабочим, установив все передачи на глухих улицах. Помню, что мне приходилось по вечерам колесить по Фонтанке около Коломенской части вечер за вечером, причем я ходил справа налево, а рабочий, с которым мне надлежало встретиться,— слева направо. Иногда выходило так, что наша встреча совпадала с проходом кого-либо из прохожих, и тогда приходилось описывать еще раз круг, пока не совпадет удобный момент для передачи. Эти конспирации, однако, хотя и вызывали негодование, тем не менее мы их очень оценили, когда были арестованы. Несмотря на то, что участвовавших в «Товариществе» было очень много, перед судом жандармов оказалось только одно ядро, а именно Точисский, Лазарев, два моих брата, я, Точисская, Аркадакская, Данилова и Шалаевский*; никто из рабочих не пострадал и даже и не привлекался. Благодаря конспирации не погибли библиотеки, да и весь процесс принял бледный характер, несмотря даже и на то, что были среди нас люди невоздержанные на язык. Этим мы были обязаны исключительно Точисскому.

Кроме перечисленных лиц в состав действительных членов кружка входили: Петропавловская Александра Ивановна, Анна Ивановна Иванова, Анна Горных, Амбарова, а также рабочие Нил Васильев, Клим (Климанов)**, Семка или Семеныч (Семенов) и Фомка.

Наиболее деятельным пропагандистом, кроме самого Точисского, был Лазарев, который вел непосредственные сношения с фабриками и заводами и поставлял новых кружковцев. На обязанности остальных членов кружка, мужчин, лежало доставлять рабочим книги из библиотеки. Ежедневно вся мужская компания забирала с собой пачки книг — штук до 15 — и тащила в то или иное место для передачи рабочим. Пачки эти целиком передавались рабочему, состоящему в паре с интеллигентом кружка, и только изредка 2-м—3-м. Из женщин кружка только одна Мария Точисская имела доступ к рабочим. Остальные же обслуживали библиотеку: производили записи выданных книг, переплетали их, доставали средства и пр.

---

* Иван Асеевич Шалаевский (пермяк) приехал в Питер с целью поступить в институт путей сообщения, но не выдержал конкурсного экзамена и потому должен был выехать на родину (таково было полицейское правило). Точисский предложил ему поступить в ремесленное училище, в котором обучался и сам. В 1886 г. Шалаевский поступил и изучал столярное ремесло. Состоя членом «Товарищества», он существенной пользы делу не приносил и вообще к революционной деятельности был мало приспособлен благодаря своей неподвижности и глухоте. В 1887 г. выехал из Питера. *(Примечание автора.)*

** Климанова (Бубнова) в 1918 г. я встретил уже коммунистом; он был назначен комиссаром какого-то банка в Петербурге, с удовольствием вспоминал кружок Точисского и утверждал, что с тех пор не покидал революционной работы, неоднократно подвергался преследованиям. С 1918 года я снова утерял его из виду. *(Примечание автора.)*

Кроме действительных членов к кружку примыкала довольно обширная группа так называемых пассивных членов. Из них я помню Флегонта Волкова, Щербо, Вениамина Попова, Елисеева, Тихановича Ивана, Василия Голубева, Петра Яковлева, Николая Игнатова, Юлию Мих. Белову*. Фамилий остальных не помню. Пассивные члены хотя и знали о кружке, были знакомы с его уставом и рабочими, но не знали состава действительных членов, местонахождения библиотек и размеров связей с заводами. О последних даже действительные члены могли только догадываться, зная, сколько человек из кружка снабжают рабочих литературой и в каком количестве. На обязанности пассивных членов лежало добывать средства для кружка и собирать пожертвования деньгами и книгами.

Поставив дело в Питере, Точисский в 1887 г. с целью устроить аналогичное Питеру «Товарищество» в посаде Колпино переехал туда, где работал на оружейном заводе. Я несколько раз ездил к нему и доставлял туда книги, но скоро мы навлекли на себя подозрения, и Колпино пришлось на время оставить. Связь с Колпином сохранилась, но без Точисского дело организовать не удалось.

Из всего кружка только один Точисский был осторожен с нелегальщиной и от распространения ее среди рабочих воздерживался. Все остальные члены кружка, имевшие доступ к рабочим, охотно распространяли нелегальную литературу без всякого разбора и выбора. К числу таких принадлежал и Лазарев, который неполностью

* Юлия Михайловна Белова (слушательница Бестужевских курсов) была выслана из Питера в 1886 г. за Добролюбовскую панихиду. Уехала в Екатеринбург, где была домашней учительницей. Она отличалась своей искренней преданностью революционному делу и горячо отзывалась на всякий призыв, за что стяжала в революционных сферах глубокие симпатии.

В 1888 г. во время ее прогулки с учениками за городом (Екатеринбургом) дети забрались в какой-то ров, в котором и увидали двух сидящих человек. Испуганные, они прибежали к своей учительнице и рассказали ей. Белова сразу сообразила в чем дело, и, чтобы успокоить детей и отвлечь их внимание от этого факта, подошла ко рву и непринужденно заговорила с находящимися в нем людьми. Тогда к ней подошел высокий, обросший волосами мужчина и обратился приблизительно со следующими словами, неслышными для детей: «Личико у вас честное, а потому я буду с вами откровенен. Перед вами два политических беглеца. Вы можете нам или помочь или нас выдать полиции, за что получите от нее благодарность, а наши товарищи вам отомстят». Белова успокоила незнакомца и пообещала ему помочь.

И действительно, через некоторое время ко рву подошла Белова с молодым человеком, в руках которого был узелок с пищей. Беглецам было сказано, чтоб они не покидали своей берлоги до прихода провожатого, и, когда стемнело и город успокоился, они были доставлены в удобную комнату, где после долгих скитаний могли отдохнуть и принять человеческий облик. Эти беглецы были первые политические каторжане, которым удалось бежать за границу, а именно: Иван Николаевич Ананьин (Кашинцев, Калина), осужденный по Киевскому процессу народовольцев на каторгу, и рабочий Федоров (Петро), участвовавший в неудавшемся побеге Ковальской. Заручившись через Белову паспортами, связями по пути и средствами, Ананьин и Федоров благополучно пробрались до Парижа, где, при встрече со мной и увидев у меня фотографическую карточку Беловой, Федоров рассказал мне этот случай. Кто помогал Беловой в этом деле, он не сообщил, да, по всей вероятности, и не знал, кто был его вторым спасителем. *(Примечание автора.)*

соглашался с тактикой Точисского, и особенно рьяно распространяли ее Нил и Мария Точисская.

Под конец нелегальщину стали даже продавать, и рабочие охотно покупали ее. Это Точисскому особенно не нравилось; он полагал, что продажа нелегальщины увеличивает шансы провала. Однако овладеть своей «интеллигенцией» он уже не мог, его переставали слушаться. Тогда он решает изгнать интеллигенцию из руководящего кружка, каковой вопрос и ставит на обсуждение собрания основного ядра.

Это решение согласовалось с его вообще скептическим отношением к интеллигенции. Точисский, как сказано, не любил интеллигенцию в революции и не верил ей. Мы ему были нужны постольку, поскольку могли помочь начать работу, и прекрасно понимали, что, как только «Товарищество» встанет на твердую ногу, он отодвинет нас, как элемент посторонний, как балласт. Дело было уже настроено, он надеялся справиться без интеллигенции. Поэтому он с легким сердцем принимает такое решение. Однако эта мера оказалась уже запоздалой. Нас выследили и хотя не поймали с поличным, но у полиции было достаточно данных, чтоб все основное ядро изъять из Петербурга.

Кружок работал более двух лет, не будучи замечен полицией. Столь продолжительным существованием он обязан исключительно только той конспирации, которую неуклонно проводил Точисский. Только в одном случае он делал большое отступление от своих конспиративных осторожностей и был непоследователен, но и эта непоследовательность объяснялась его страстной любовью к природе. Часто хмурый, нервный и недовольный собою, придирчивый и грубый, он оживал, когда выходил за черту города, в открытое поле или попадал в лес, где мог дышать чистым воздухом. Здесь он был совершенно другим человеком, и его хмурое, пепельного цвета лицо покрывалось румянцем, разглаживались характерные складки между бровями, и он резвился, смеялся от души заразительным смехом, кричал и бегал, как мальчишка.

Летом мы часто устраивали с ним прогулки, соблюдая все правила конспирации, в Саратовскую колонию, где были у нас знакомые, но лучшим местом для отдыха было Токсово. Это Токсово лежит в 30 верстах от города на северо-западе. В то время Токсово представляло собою бедное чухонское село с довольно красивыми окрестностями. Над Токсовом, в глухом девственном лесу, раскинулись два чудных больших озера — Хинноярви и Ряттиярви, и вот на эти-то озера мы и устраивали прогулки. К ним постоянно готовились, как к какому-то походу. Вырабатывался план встреч и сборный пункт. Обыкновенно все участники сходились за деревней Гражданка. Компания доходила до 8—10 человек. Обыкновенно в ней был кто-нибудь из вновь завербованных рабочих. Поздно вечером, а то и ночью добирались мы, усталые, к лесу до озера, где постоянно строили два шалаша из ветвей и папоротника. Один шалаш был женский, другой мужской, и мы в этих шалашах проводили время по нескольку

дней. Точисский эти прогулки устраивал не только с целью найти среди природы душевный отдых, нет, он видел и другую пользу от них: они ему служили как реактив химику. Нигде так хорошо не поддается изучению человек, как именно тогда, когда у него бывает, что называется, «душа нараспашку», когда он всего меньше подозревает, что его анализируют. На таких прогулках, полных разных неожиданностей, люди выявлялись сами собою, со всеми своими хорошими и дурными качествами. Бывали случаи, что после такой прогулки он к тому или другому начинал охладевать, начинал его оттирать, сомневаться в его искренности к тому делу, за которое тот брался. Кроме того, на эти прогулки Точисский припасал постоянно и интересные книги, которые там читались и обсуждались, сидя около жаркого костра. Дебаты, не стесняемые никакими подслушиваниями в этой феерической обстановке, велись иногда до утра, и тут тоже определялись люди, выявлялась душевная подоплека. Точисский очень любил эти прогулки и часто говаривал: «Разведет нас жизнь по разным краям России, но никакие края, никакие условия не вытравят из памяти моей эти прогулки в Токсово». Он был прав, и если он не забыл эти прогулки, то не забыли и мы, участники их, и с чувством глубокого благоговения вспоминаем эти давно прожитые, чистые, не омраченные жизнью часы и дни.

В феврале 1888 г. некоторые из нас уже попали на подозрение полиции, и начали ходить слухи о слежке за нами. Предчувствуя собиравшуюся грозу, необходимо было собраться, распределить на всякий случай функции и принять необходимые меры для сохранения начатого дела и ценных библиотек. Точисский назначил собрание центра, но так как удобных помещений в Питере не было, где бы можно было себя чувствовать в безопасности, он предложил собрание это устроить в деревне Заманиловке (за 3-м Парголовом). День был выбран воскресный. Всем участникам была дана инструкция друг к другу не подходить и ехать по Финляндской железной дороге в разных вагонах. На собрании должны были участвовать Точисский, его сестра, Аркадакская, Данилова, Лазарев и я. Я пришел на вокзал первым и прохаживался по залу 3-го класса. Скоро пришли Аркадакская, Точисский и другие. Последней пришла Данилова и за собой привела шпионов. Она была очень близорука и никогда не умела следить за хвостами. Я заметил это очень поздно, когда уже товарищи заняли места в вагонах. Необходимо было разыскать в вагоне Точисского и Лазарева и предупредить их, так как и в их вагоне были подозрительные субъекты, фиксировавшие Точисского. Это мне удалось только на станции Удельной. Мы втроем вышли для совещания на площадку, где и решили, имея при себе компрометирующие документы, не доезжая станции Парголово, соскочить с поезда и удрать, боясь ареста на станции Парголово. Удалось это нам только перед самой станцией. Первый выскочил Лазарев, потом я, а за мной Точисский. Выскочили мы удачно в снег на глазах у шпионов и благополучно добрались до Петербурга. Больше нам всем вместе уже не удалось собраться. Аркадакская уехала в Париж к брату своему

эмигранту. Точисский, Лазарев и я были в марте месяце арестованы. В 1888 г. я, будучи под надзором в Твери, был вызван в Москву, куда приехал из-под надзора из Саратова Точисский. Встреча была радостная. Там же проживали в то время Аркадакская и Данилова. Точисский задумал устроить такое же «Товарищество» в Москве. Квартировал я с Точисским у какого-то средних лет офицера, которого Точисский посвящал в свои планы (имя его мне не было известно). Офицер этот работал, как я понял из разговоров, среди военных. Поразило меня то, что его вестовой вместе с ним участвовал в обсуждении вопроса. В кабинете, в котором мы спали с Точисским, было много связанной нелегальной литературы и свежеотпечатанные прокламации (содержания не помню). Из Москвы Точисскому и мне пришлось бежать, так как за нами началась слежка. Я уехал в Тверь, а Точисский — не помню куда.

Осенью того же года я был арестован в Твери, где некоторое время содержался в этапной старой тюрьме, а затем был перевезен в Питер и заключен в Дом предварительного заключения. Наутро, выглянув из окна, я увидел на прогулке в клетке своего брата Леонида, после — Точисского и Лазарева и тогда понял причину своего ареста. Первый жандармский допрос убедил меня, что мы привлекаемся за участие в «Товариществе». Дело наше вели прокурор Котляревский, тов. прокурора Янкулио и жандармские ротмистры Потулов и Иванов.

После предварилки я видел Точисского на прогулке в «Крестах», в которых он, так же как и я, отбывал наказание.

Очутившись за границей, я переписывался с Точисским, жившим в то время в Екатеринославе. Знаю, что он там за что-то привлекался, но за что именно, не помню*. В Екатеринославе он женился на гладильщице.

В 1893 или 1894 году я жил в Болгарии, в г. Варна, куда весной приезжал на отдых Точисский с женой. Устроить его мне там не удалось. Точисский очень заинтересовался болгарским социал-демократическим движением и через меня познакомился с вожаками, в том числе с Благоевым, который, в свою очередь заинтересовавшись работой кружка Точисского, подробно расспрашивал его и меня о том, как ставилась работа и какой тактики держался кружок. Из этих расспросов было видно, что ни Благоев, ни благоевцы вообще не имели представления до этой встречи о работе этого своеобразного кружка. Не найдя никакой работы в Болгарии, Точисский вынужден был осенью возвратиться в Россию**.

Последний раз я встретился с Точисским в 1912 г., уже в России. Он приезжал в Питер хоронить свою мать, кажется, из Москвы.

* По данным департамента полиции, Точисский в бытность свою в Екатеринославе вовсе не привлекался. Впервые после питерского дела он привлекался по делу кружка московских интеллигентных пропагандистов в 1899 г. (*Ред. журнала «Красная летопись»*).

** По данным департамента полиции, Точисский выехал за границу в феврале 1894 г., а вернулся в июне того же года. (*Ред. журнала «Красная летопись»*).

Оставался он в Питере очень короткое время, но и за это время мне удалось выяснить, что Точисский не изменил своих юных воззрений, что оставался верен тем идеалам, которые залегли в его душу еще в дни юности.

В 1917 г. летом я получил от него номер большевистской газеты, которую он издавал в Сибири. Это была последняя непосредственная весточка от него. События захватили меня, и только теперь, несколько опомнившись, желая разыскать своего дорогого старого товарища, я получил тяжелое известие, что его нет больше в живых.

Печатается по тексту журнала «Красная летопись» № 7 за 1923 г.

*ГРУППА М. И. БРУСНЕВА**

РУКОПИСНАЯ ПРОГРАММА М. И. БРУСНЕВА ДЛЯ ЗАНЯТИЙ С РАБОЧИМИ

1892 г.

I) Читать, писать и считать.

II) Химия, физика, ботаника, зоология, физиология, анатомия, гигиена; вкратце — геология, космография и астрономия. Разные теории образования земли и происхождения вселенной.

III) Теория Дарвина, теория происхождения и развития организмов и происхождение человека.

IV) История культуры. Период дикости и период варварства. Жизнь человека во время каждого из этих периодов (его пища, занятия, семья, обычаи, законы, верования, собственность, тогдашний полный коммунизм и общественная жизнь) и эволюция всего этого, развитие и эволюция власти, религии, нравственности, семьи и собственности. Зависимость всех сторон жизни человека от экономического положения.

Период цивилизации. Такое же, но только более подробное изучение этого периода с присоединением политической истории древних и новых народов — и при этом всей эволюции всех сторон жизни русского народа — и особенно русской истории. История науки, философии, открытий и изобретений.

V) Политическая экономия. История развития форм организации труда (рабство, феодализм, капитализм, неизбежная эволюция последнего по направлению к коллективизму). История политической экономии.

VI) Положение и история крестьян в России и на Западе. Община, артели, наделы, продовольствие и налоги. Банки — крестьянский (и дворянский). Переселение, раскол и сектантство.

---

* *Бруснев М. И.* (1864—1937) — в революционном движении с 1881 г. В 1888 г. создал в Петербурге около 20 кружков для подготовки пропагандистов из рабочих. В 1890 г. стал членом комитета, объединившего все кружки в социал-демократическую группу. В 1891 г. переезжает в Москву, где организовывает новые кружки, устанавливает связь с другими городами, ведет борьбу с народническими идеями. В апреле 1892 г. был арестован и приговорен к 6 годам тюремного заключения, затем сослан на 10 лет в Восточную Сибирь. После возвращения из ссылки отошел от активной политической деятельности. — *Ред.*

VII) Положение рабочего класса в России и на Западе. История рабочего движения в связи с теориями различных реформаторов. Паллиативы в рабочем вопросе (потребительные и строительные общества и пр.), фабричное законодательство.

VIII) История общественных движений в Европе и полнейшая, подробнейшая — в России (N.B.). Современное положение и значение всех классов в России (дворянство, духовенство, буржуазия, крестьянство и рабочие; бюрократия, войско, правительство).

IX) Экономическая политика и ее история на Западе и в России. Сущность социализма.

X) Полная, подробная и точно, определенно обоснованная программа минимума требования для данного времени.

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2. М., 1952, стр. 131—132

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. И. БРУСНЕВА О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЕ В РАБОЧИХ КРУЖКАХ В ПЕТЕРБУРГЕ И МОСКВЕ

1889—1892 гг.

...Мы, социал-демократы, шли к рабочим с целью приготовить из них преданных и сознательных руководителей рабочего движения, так как основою наших взглядов на рабочее движение было то, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

К этому социал-демократическому «сообществу», как мы себя тогда называли, примкнули студенты, у которых уже были непосредственные связи с рабочими. Таким образом, работа наша началась сейчас же. Конечно, не все члены «сообщества» сейчас же приступили к занятиям с рабочими, большинство для этого не было подготовлено. Во главе «сообщества» стоял центр, объединяющий социал-демократические студенческие кружки не только в Технологическом институте, но и в других учебных заведениях Петербурга, хотя в массе «сообщество» состояло главным образом из студентов-технологов.

Осенью 1889 года одним из членов центрального кружка мне было предложено принять непосредственное участие в занятиях с рабочими кружками. Я был кооптирован студенческим кружком пропагандистов. В состав этого кружка пропагандистов входили студенты-технологи, большею частью поляки: Баньковский, Косинский, Лелевели, Бурачевский, Цывинский и из русских В. Н. Иванов (тогда уже арестованный), Епифанов и я. Кроме этого кружка пропагандистов, был еще другой, состоявший главным образом из универсантов; состав этого последнего кружка мне был неизвестен, знаю только, что туда входили В. С. Голубев, Голубев (студент Горного института), Родзевич.

Условия пропаганды в рабочих кружках были тогда своеобразны. Пропагандистами или руководителями рабочих кружков были

исключительно студенты. Для всех студентов в то время было обязательным ношение форменной одежды, а так как студенты вообще, а те, которые шли на пропаганду, в особенности были материально плохо обеспечены, то, конечно, не имели другого платья, кроме форменного; показаться же в форме в рабочих кварталах было невозможно по конспиративным соображениям. Наш кружок имел одну или две смены штатского платья, в которое мы и облекались, прежде чем идти к рабочим. Само собою разумеется, что такое переодевание требовало много времени, было неудобно и даже опасно в конспиративном отношении.

В рабочий кружок меня ввел Родзевич. Кружок этот был на Васильевском острове, в Гавани. Раньше там вел занятия сам Родзевич, так что я явился его преемником. Я выбрал себе псевдоним «Федор Васильевич» и выдавал себя за рабочего, хотя, конечно, всем было ясно, что я студент. Этот первый мой кружок насчитывал тогда человек 8—10 рабочих. Все это были молодые люди, главным образом рабочие-металлисты Балтийского завода. Рабочие были достаточно развиты и подготовлены еще моим предшественником. Собирались мы раз в неделю у рабочего Фомина, в маленькой, но совершенно отдельной комнатке, так что нам никто не мешал. Хозяин квартиры, тоже рабочий, хотя не участвовал в наших собраниях, но был сочувствующим, и мы были с этой стороны обеспечены от шпионства и выдачи. В этом кружке велись занятия и по общему мироведению, и по истории, и политической экономии; много времени отводилось на беседы на общеполитические темы, на положение рабочих, на вопросы организации рабочих и борьбы за лучшее будущее и пр. Подходящих книг для чтения в то время было очень мало и доставать их было очень трудно; нелегальных брошюр и листков почти не было, так что занятия приходилось вести устно, путем чтения лекций и бесед. Все участники моего кружка были уже социалистами. В беседах и кружках на политические темы мы всегда, как на образец, указывали на работу немецкой социал-демократической рабочей партии; в этом нам большую службу сослужили «Русские ведомости», где часто появлялись отчеты о заседаниях германского рейхстага с речами социал-демократических депутатов. Бебель был нашим идеалом, и мы хотели из своих слушателей-рабочих выработать будущих российских Бебелей.

Кружок студентов-пропагандистов, в который я вступил, был молодым; он, как я уже упомянул, организовался в 1889 г.; другой такой же кружок был немногим старше нашего. Участники кружков были тоже люди молодые и малоопытные в деле пропаганды, да и где было взяться опытности, когда в те времена более года редко кому удавалось без ареста продержаться на нелегальной работе. К тому же никто из нас не мог всецело отдаться рабочему движению, так как все мы должны были и учиться и добывать себе средства к жизни. В интеллигентах, готовых посвятить себя рабочему делу и способных к этому, всегда чувствовался недостаток. На собраниях своего кружка пропагандистов, где мы давали друг

другу отчет о своих занятиях в рабочих кружках и обсуждали план дальнейшей нашей деятельности, мы выработали программу занятий с рабочими и общий план организации кружков рабочих. Исходя из постоянно ощущаемого недостатка в интеллигентах и из основного нашего принципа, что освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих, мы поставили себе главною и основною целью выработать из участников наших рабочих кружков вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов. Согласно с этой целью мы подробно разработали программу занятий для подготовки пропагандистов-рабочих. Программа эта была настолько обширна, что не могла быть применена для всех участников наших кружков. (Программа эта, несколько измененная, была впоследствии взята у меня при обыске в 1892 г.) Она предназначалась нами только для избранных и была, так сказать, нашей программой-максимум, наравне с которой существовала программа-минимум для занятий со всеми остальными членами наших кружков. Согласно с этим мы распределили наши кружки на два разряда — высший и низший, причем занятия в низшем разряде кружков, равно как и вербовка членов и организация кружков, были возложены на самих рабочих. Параллельно с этой работою мы старались не терять связей с чисто студенческими кружками, с тем чтобы оттуда вербовать интеллигентов. Для этого некоторые из нас входили в состав студенческих кружков, хотя в общем мы в целях конспирации стремились отгородиться от студенческого движения.

В этой работе прошел зимний сезон 1889/90 г. У нас организовалось около 20 кружков для пропагандистов и параллельно с ними целый ряд кружков второго порядка с руководителями из рабочих.

Весною 1890 г. разразились большие студенческие «беспорядки», в которые, несмотря на наше сопротивление, были втянуты и мы. Репрессии, последовавшие за беспорядками, вырвали из нашей среды некоторых очень видных и деятельных товарищей. Высланы были из Петербурга студенты Бурачевский, братья Л. Б. и Г. Б Красины, которых мы только что привлекли в свою организацию, и др. Приблизительно в это же время был арестован рабочий Путиловского завода Буянов и несколько других рабочих. По этому же делу был арестован и студент-технолог Бурачевский, высланный перед этим из Петербурга за студенческие беспорядки. Буянов был выслан в Тулу, а Бурачевский приговорен на 1 год в «Кресты» (по отбытии наказания эмигрировал). Мне пришлось восстанавливать разрушенную арестами Бурачевского и Буянова организацию Путиловского завода.

Постепенно наше дело развивалось, число кружков увеличивалось, и мы остро чувствовали недостаток в интеллигентных силах, поредевших вследствие высылок студентов, а также вследствие того, что некоторые из поляков выехали на работу на родину. Поляки всегда смотрели на работу в русских рабочих кружках как на временную и подготовительную к работе в Польше.

К осени 1890 г. возвратился в Петербург высланный за студенческие беспорядки Л. Б. Красин, и, несмотря на то, что за ним, вероятно, присматривали, мы поручили ему вести занятия с ткачами фабрик по Обводному каналу и у Нарвской заставы, где он и работал вместе с ткачами Ф. А. Афанасьевым[121] (убит черносотенцами в Иваново-Вознесенске в 1905 г.) и его братом Е. А. Афанасьевым.

До этого времени руководительство всей нашей организации лежало на наших студенческих кружках, или, вернее, на небольшом центральном комитете, выделенном из этих кружков. Неудобство такой организации давало сильно себя знать, так как студенчество было слишком текучим и непостоянным элементом: то их высылали за беспорядки и вообще по студенческим делам, то они уезжали на каникулы или оканчивали курс и уезжали совсем. Из-за этого мы часто теряли связи с рабочими в целых районах. Нужно было найти постоянную опору для организации, которая, несмотря ни на что, была бы преемственно непрерывной. Такой опорой могли быть только сами рабочие.

С осени 1890 г. мы приступили к перестройке всей нашей сети рабочих кружков на новых основаниях: каждый кружок как первого, так и второго порядка имел своего руководителя или организатора из рабочих. При каждом кружке была учреждена местная касса из взносов рабочих. Из кружковой кассы делались ежемесячные отчисления в центральную кассу при комитете; остальные деньги по усмотрению кружка тратились на книги, на помощь пострадавшим от стачек и прочие местные нужды. Во главе всей организации стал комитет из представителей рабочих от районов и один представитель от интеллигентов. Первым представителем интеллигентов в комитете был Василий Семенович Голубев (умер в 1910 г.), а после его ареста в 1890 г.— я. Из рабочих в комитет в мое время входили: Николай Дементьевич Богданов[122], Егор Афанасьевич Климанов[123] (с 1905 г. нелегальный, под именем Ивана Михайловича Бубнова, умер в 1919 г.), Петр Евграфов, Гавриил Мефодиев, Федор Афанасьевич Афанасьев.

В центральной кассе при комитете иногда скоплялась порядочная по тому времени сумма денег. Помимо отчислений из кружковых касс в центральную кассу притекали деньги и из других источников: доходы от лотерей, спектаклей, пожертвования и проч. ...

С арестом и высылкою В. С. Голубева представительство в центральном рабочем кружке перешло ко мне. Еще при Голубеве наша организация стала постепенно выходить из сферы кружковой замкнутости на арену широкого рабочего движения. Зимою 1890/91 г. нам удалось сорганизовать, или, вернее, принять участие в двух стачках — одной у Торнтона и другой в Порту. Мы выпустили прокламации и воззвание к стачечникам. Воззвание к рабочим фабрики Торнтона написал В. С. Голубев, а к рабочим Порта — Л. Б. Красин. Воззвания эти, напечатанные на гектографе, имели большой успех, особенно последнее, написанное с большим подъемом. Это воззвание мы даже использовали для сбора пожертвований в пользу

стачечников среди либеральной публики. Тогда еще не верили в возможность рабочего движения на западноевропейский образец. После стачек особенно стала чувствоваться необходимость в постоянном печатном органе, где сообщались бы сведения о рабочем движении на разных заводах и фабриках. Прототипом такого органа была наша рукописная газета. Газета переписывалась в нескольких экземплярах при помощи копировальной бумаги. Составлял газету В. С. Голубев, иногда я на основании материалов и корреспонденций, поступавших в центр из рабочих кружков. Надо было видеть, с какой жадностью набрасывались рабочие на свой печатный (вернее, рукописный) орган. Номера газеты зачитывались до того, что от них в конце концов оставались лишь клочки. Едва ли мог где-либо сохраниться хотя один номер этой первобытной рабочей газеты.

В центральном кружке неоднократно возникала мысль о рабочем клубе, где рабочие, как примкнувшие к нашей организации, так и стоявшие вне ее, могли бы сходиться для обсуждения своего положения, для чтения и вообще для более или менее разумного времяпрепровождения. Но об организации легального клуба рабочим в те времена нечего было и мечтать. Раза два или три комитет устраивал вечеринки рабочих, наподобие вечеринок студенческих, на которых танцевали, пели революционные песни, велись общие беседы на научные и политические темы. Организатором этих вечеринок был Г. Мефодиев и его жена. На вечеринки приглашались и рабочие, не вступившие в наши кружки, и здесь велась агитация для их привлечения.

Тогда же приблизительно возникла мысль поднести адрес писателю-публицисту Н. В. Шелгунову, который в это время был сильно болен. Мысль об адресе и вообще об открытом выступлении организации встретила некоторую оппозицию в интеллигентах, но рабочие настояли. Адрес был составлен В. С. Голубевым в сотрудничестве с другими членами комитета. Голубев же и Е. Е. Бартенева, близко стоявшие к писателю, устроили и самое подношение адреса. Е. Е. Бартенева рассказывала мне после, какое сильное впечатление на больного писателя произвела депутация рабочих. Кажется, при этом присутствовал и Н. К. Михайловский. В состав депутации, подносившей адрес, входили Ф. Афанасьев, Е. Климанов, Н. Богданов, Г. Мефодиев. Участие рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова устроилось как-то само собою. В нашем интеллигентском кружке против этого участия высказывался Цывинский. Мы боялись, как бы не была разгромлена только что налаженная организация рабочих. Рабочий центр был за участие в демонстрации. На похоронах присутствовали далеко не все участники наших рабочих кружков. В общем, я думаю, в демонстрации приняло участие около 70—100 человек рабочих наших кружков, но стороннему наблюдателю число участников могло показаться значительно большим, так как к процессии пристало много рабочих, случайно проходивших мимо и привлеченных необычайным зрелищем — уча-

стием рабочих со своим венком в похоронах писателя. Особенно сильное впечатление на публику производила фигура рабочего Фунтикова, незадолго перед этим приехавшего из деревни и вступившего в нашу организацию. Человек атлетического сложения, лет 30, с красивым открытым лицом, с большой окладистою бородою, он имел скорее вид крестьянина, нежели городского рабочего. Венок рабочие заказали сами, сами же составили надпись: «Указателю пути к свободе и братству». Демонстрация на похоронах Шелгунова обошлась нам очень дорого. Из Петрограда выслали Л. Б. Красина и рабочего Г. Мефодиева.

При организации наших рабочих кружков и ведении в них пропаганды нам часто приходилось сталкиваться с интеллигентами, не входившими в группу, но так или иначе проникавшими в рабочую среду. Особенно много было связей с интеллигенцией у Е. А. Климанова, и он прекрасно умел использовать эти связи по части добывания книг, сбора денег и проч. Конечно, все такие связи находились в поле зрения комитета, так как мы боялись, с одной стороны, провокации, а с другой — вторжения чуждого нам направления — народовольческого. У нас господствовало мнение, что народовольцы идут в рабочую среду с целью вербовать оттуда террористов для своих боевых дружин. Приблизительно в начале 1891 года в комитете было доложено о появлении на горизонте наших кружков некоего Петра Петровича, интеллигента-народовольца, желающего проникнуть в самую толщу нашей организации. Мы были не на шутку встревожены: с одной стороны, мы боялись полицейской провокации, с другой — увлечения неустановившихся элементов нашей организации террором. Вообще у нас установлено было правило не допускать в нашу среду лиц, несогласных с нашим уже вполне определившимся социал-демократическим направлением. Но у нас всегда чувствовался недостаток в интеллигентских силах, и потому мы время от времени вынуждены были отступать от этого правила. Так было поступлено и с Петром Петровичем. Решено было сначала установить его непричастность к провокации, а затем уже допустить в рабочие кружки, но под контролем наших испытанных рабочих социал-демократов. По внешнему описанию, сделанному Г. Мефодиевым, мы установили, что Петр Петрович есть, вероятно, М. С. Александров[124]. На шелгуновской демонстрации Г. Мефодиев показал мне Петра Петровича...

После этого мне было поручено переговорить лично с Александровым, узнать его намерения и по возможности привлечь его на свою сторону. Я виделся, кажется, всего один раз с Александровым и его женой Е. М. Александровой у них на квартире. Я развил перед Александровым взгляды нашей организации, но переманить их на нашу сторону мне не удалось: я встретил сильную оппозицию, главным образом со стороны Е. М. Александровой. Несмотря на это, комитет решил не отвергать услуг Александрова и использовать его, насколько возможно, в своих целях. После этого я свел Александрова с некоторыми членами нашего комитета (с Е. А. Климановым).

Участие рабочих в шелгуновской демонстрации имело чрезвычайное значение в жизни нашей организации: мы, тщательно скрывавшиеся до того времени в подполье, громко заявили о своем существовании. Затем последовало празднование 1 Мая 1891 года. Мысль устроить маевку возникла сейчас же после шелгуновской демонстрации. Сначала мы хотели воспользоваться для этого существовавшим у петербургских рабочих обычаем праздновать 1 Мая в Екатерингофском парке, но потом мысль эта была оставлена, и комитет поручил мне и Е. А. Климанову выбрать место для устройства первомайского собрания и назначить время. Первое число было уже пропущено, и мы назначили первое майское воскресенье по старому стилю. Разыскивать подходящее место для собрания мы поехали в лодке. Побывали на Крестовском острове (тогда довольно пустынном) и на взморье у реки Екатерингофки. Последнее место нам показалось наиболее подходящим. Здесь мы нашли лужайку, почти со всех сторон закрытую деревьями. В комитете было решено, что на собрании с речами выступят только рабочие; из интеллигентов кроме меня предложили присутствовать еще Цывинскому. С речами должны были выступить рабочие Богданов, Ф. Афанасьев, В. Прошин и Егор Климанов. Прошин написал свою речь заранее и передал в кружок интеллигентов для некоторой литературной отделки. Впрочем, были исправлены незначительные грамматические и стилистические промахи. Остальные речи были составлены без всякого участия интеллигентов, а Е. Климанов даже сказал свою речь экспромтом.

В назначенный день, в воскресенье, часов в 11, я поехал с Климановым на лодке на выбранную нами лужайку. Скоро туда начали стекаться рабочие. Всего присутствовало человек 70—80, не более. Один рабочий (кажется, Фишер) явился с женой или невестою. Во всяком случае на собрании была всего одна женщина, которая, впрочем, ушла до окончания собрания. Речи были произнесены с большим одушевлением, особенно В. Прошиным. После речей были частные групповые беседы, в которых приняли участие и я с Цывинским. Расходились не сразу, а небольшими группами. Я уехал на лодке вместе с Цывинским и Климановым. Первомайское собрание произвело чрезвычайно хорошее впечатление на всех рабочих, объединило разрозненные кружки в одну целую организацию.

Но не следует думать, что на первомайском собрании присутствовали все участники наших кружков. Комитет не хотел устраивать в первый раз слишком многолюдного собрания из боязни быть захваченными полицией, и потому приглашены были только наиболее испытанные рабочие. Только благодаря этой предосторожности первое празднование рабочего праздника обошлось без жертв.

За участие в шелгуновской демонстрации Г. Мефодиев был выслан из Петербурга. Он сначала поехал в Ревель, а затем перебрался в Тулу, где жили ранее высланные из Петербурга рабочие Буянов и Руделев, с которыми наша организация старалась не прерывать связей — посылала туда книги, газеты и даже делегата Ф. Афанасьева для установления прочной связи. Вообще у нас вошло в правило не оставлять в одиночестве высылаемых рабочих. Чернорабочий Егор Хренов, высланный в Череповец, находился с нами тоже в организационной связи и вел усиленную агитацию среди местных рабочих-дровяников. Л. Б. Красин был выслан в Нижний Новгород, и с ним мы тоже решили не прерывать связи, а использовать его высылку для организации местных кружков.

Весной 1891 г. из «Крестов» вышел Ю. Д. Мельников[125] и провел на свободе несколько дней в Петербурге. Он хотел повидать кого-либо из петербургской социал-демократической организации, и его свели со мною. Мельников передал мне некоторые адреса киевских рабочих. В это же время из Москвы приехал студент П. М. Кашинский с целью завязать сношения с петербургской социал-демократической организацией. Он познакомился с Л. Б. Красиным, но так как Красин вскоре был выслан из Петербурга, то сношения с Москвою пришлось вести мне. Таким образом, у нас наметились связи с другими городами, и в нашем комитете был поставлен вопрос о расширении нашей организации на другие города и об организации рабочих кружков в тех местах, где у нас есть связи с рабочими. В Москве у нас не было никаких связей с рабочими, но была группа студентов социал-демократического направления (кружок Кашинского), желавшая активно работать в рабочей среде. Мы решили для заведения связей с рабочими послать в Москву Ф. Афанасьева, ткача, который должен был поступить на одну из московских фабрик и там вести работу в таком же направлении, как она велась в Петербурге. Ф. Афанасьев переселился в Москву весною 1891 г. и поступил на Прохоровскую мануфактуру, где скоро у него и завязались сношения с московскими рабочими. К нему вскоре из Череповца приехал Е. Хренов, поступивший чернорабочим на какой-то механический завод.

Летом 1891 года я уехал из Петербурга, передав представительство в рабочем комитете Цывинскому.

Я должен был посетить Москву, Нижний, Тулу и завязать сношения с Киевом, воспользовавшись адресами, данными мне Мельниковым. В Москве я видел Ф. Афанасьева и Е. Хренова. У них уже завелись сношения с рабочими ткачами и металлистами и были образованы кружки, где занятия вел сам Ф. Афанасьев. Кашинского в это время в Москве не было. В Туле я был у Н. Руделева. Буянов, высланный ранее в Тулу, как-то отстранился от дела. Вокруг Руделева группировались местные рабочие, но надлежащей организации не было. В Туле в это время было несколько рабочих и интеллигентов-народовольцев, возвратившихся из ссылки. Хотя они, по-видимому, ничем не занимались, все же вокруг них была народовольческая атмосфера, явно враждебная новому нарождающемуся течению — социал-демократическому. Одному Руделеву трудно было справиться с этим, и поэтому мы вызвали Мефодиева из Ревеля, где он сидел без дела. С приездом Мефодиева дела в Туле пошли хорошо, образовалась сеть кружков наподобие петербургской.

Правда, чувствовался недостаток в интеллигентских силах, но мы намеревались устранить этот недостаток путем присылки время от времени пропагандистов из Москвы.

В Нижнем я был у Л. Б. Красина, он там устроился и завел связи с интеллигентскими кружками и земцами. Связей с рабочими у него не было, и мы условились с ним, что в помощь ему пришлем кого-либо из рабочих петербургской или московской организации. Наше направление еще не проникло до Нижнего, и Л. Б. Красину первому пришлось там его проповедовать.

Из Нижнего я возвратился в Москву, где застал уже П. М. Кашинского. Я свел Кашинского с Ф. Афанасьевым, а сам отправился в Петербург, чтобы ликвидировать там свои дела с организацией и наладить более тесные связи с Москвой, так как я решил основаться на постоянное жительство в Москве, где получил место в железнодорожных мастерских.

В Петербурге жизнь нашей организации текла обычным путем. Как всегда, чувствовался недостаток в интеллигентах и литературе. Наладив связь с комитетом, я возвратился в Москву, обещав снабжать Петербург литературой из Москвы, где у нас намечалась возможность присылки литературы из-за границы.

Конец 1891 года в Москве прошел в усиленной организационной работе.

Группа Кашинского, к которой я примкнул, хотя и стояла на социал-демократическом пути, но еще не отрешилась от некоторых народовольческих взглядов на политическую борьбу, и мне с Ф. Афанасьевым немало пришлось потратить энергии в борьбе с этими взглядами. Кроме группы Кашинского, в Москве, по-видимому, социал-демократическое направление не пользовалось расположением — вернее, было вовсе неизвестно. Уезжая из Петербурга, я заручился письмом Е. Е. Бартеневой к писателю Астыреву и сейчас же по приезде в Москву свел знакомство с Астыревым и его кружком. У Астырева бывали Николаев (каракозовец), Златовратский (литератор), много студентов и курсисток. Сам Астырев до некоторой степени склонялся к социал-демократии, но весь его кружок был явно народнического направления, и мне и здесь приходилось выступать в качестве первого застрельщика нового направления. Приходилось мне сталкиваться в Москве и с другими студенческими и интеллигентскими кружками, но все они были враждебны нашему направлению.

В конце 1891 г. мы, т. е. наша московская группа социал-демократов, столкнулись с Егуповым* и его довольно многочисленными кружками. Сам Егупов был террорист и конспиратор чистейшей воды, и нам, собственно говоря, незачем было сходиться. Но у Егупова были большие связи с заграницей, и он в большом количестве мог доставить нелегальную литературу, в которой мы так нуждались. Через него мы получали издания группы «Освобождение труда»:

* Ставшим после ареста злостным предателем.

«Всероссийское разорение» Плеханова, четыре первомайские «Речи петербургских рабочих» и др.

Сначала сношения велись с одним только Егуповым. Сношения вел Кашинский. Кашинский предложил вступить в более тесные сношения со всею группою Егупова, т. е. договориться о совместной работе или даже слиянии. Мы с Ф. Афанасьевым сначала противились этому сближению, но затем уступили. Было устроено несколько предварительных совещаний. Егупов быстро переменил фронт и, я думаю неискренне, присоединился к нашему социал-демократическому направлению.

С присоединением к нам Егупова дела нашей московской группы пошли быстрым темпом. Но мы росли вширь, а не вглубь. Не наладив рабочего дела в самой Москве, где у нас насчитывалось всего 2—3 рабочих кружка, не закрепив как следует нового направления в нашей собственной группе, мы стали заводить сношения и вступать в организационную связь со многими городами, где только была какая-либо зацепка в виде высланного студента, революционно настроенного земца и т. п. Это и привело нас к краху.

В начале 1892 года мы получили большой транспорт нелегальной литературы. Транспорт этот привез С. Райчин, приехавший из-за границы под именем Франца Лязовича. Райчин приехал в Москву, и мы решили через него завести сношения с Г. В. Плехановым и группой «Освобождение труда». Райчин взялся доставить из-за границы социал-демократические издания и должен был вступить от имени нашей группы в сношения с Г. В. Плехановым. Перед отъездом Райчина из Москвы в моей квартире было устроено большое собрание (в ночь под пасху), на которое были приглашены все участники егуповских кружков, группы Кашинского, а из рабочих Ф. Афанасьев и Н. Руделев из Тулы. На этом собрании П. Кашинский прочитал и защищал составленную им программу группы (программа эта была впоследствии взята у меня при обыске). Она была прочитана лишь как проект программы организующейся группы. Против программы возражали я и Ф. Афанасьев.

По отъезде Райчина из Москвы у нас наметился такой план действий. Кашинский едет в Киев и заводит там связи с рабочими (по явкам, полученным от Мельникова). Егупов едет в Тулу с нелегальной литературой, а затем в Ревель и Ригу, я — в Петербург. В Петербург я должен был отвезти нелегальную литературу, полученную через Райчина, и привезти оттуда одного или двух рабочих-пропагандистов для усиления нашей московской рабочей организации. Но нас уже решили арестовать, и 26 апреля 1892 г. арестовали — Егупова на вокзале с билетом в Тулу, меня на квартире с чемоданом литературы, приготовленной для Петербурга. Кашинский был арестован на пути в Киев. Ф. Афанасьев, бывший у меня ночью накануне ареста, убежал от сыщиков и был арестован позже (в сентябре) в Петербурге.

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2, М., 1952, стр. 104—115

ПЕРВАЯ МАЕВКА ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ В 1891 г.

(В НАЧАЛЕ МАЯ)

РЕЧЬ РАБОЧЕГО В. И. ПРОШИНА [126]

Очень жаль, товарищи, что нам до лучшего будущего приходится мириться с невозможностью собраться и провести вместе, по примеру рабочих в западных государствах, день 1 Мая, а должны довольствоваться возможностью собраться в воскресенье. Конечно, каждый из нас знает, что теперь мы не можем произвести никакой манифестации, а не только что подобной той, какую произвели рабочие на Западе. Я думаю, что каждый из нас теперь невольно сравнивает наши силы с силами западных рабочих; но смею надеяться, что ни один из нас от этого сравнения, глядя на нашу малочисленность, не придет в отчаяние, потому что все мы еще имеем настолько сил и энергии, чтобы не упасть духом и не опустить рук лишь оттого, что дело приходится почти еще только начинать.

Западные рабочие страдают, как и мы, под гнетом капиталистического строя, т. е. такого, при котором все продукты труда, произведенные рабочими, фабрикант продает в свою пользу, а рабочим за их труд платит лишь столько, чтобы они не могли умереть с голоду. Не довольствуясь таким возмутительным порядком, который лишает их выгод своего труда, они часто задумывались над положением, в котором они находятся, и пришли к тому заключению, что выбраться из него возможно только путем умственного развития народа, так как от его развития зависит все.

Придя к такому заключению, они не остановились только на словах, а стараются развивать и организовать себя и других в тесную организацию и при ней имеют кассу, на средства которой распространяют книги и издают журналы и газеты, в которых проводят свои идеи; они стараются поддерживать стачки, хотя и не считают их коренным средством для уничтожения зла, потому что они могут при благоприятном исходе лишь только несколько улучшить положение рабочих, но не освободить их из-под гнета капитала. Постепенно усиливаясь благодаря энергичной деятельности, они время от времени различными средствами давали почувствовать обществу и правительству свою силу и предъявляли свои требования, и правительство некоторые из них принуждено было удовлетворить. Например, дало конституцию, свободу печати, свободу сходок и организаций и тому подобные права, при приобретении которых им гораздо легче стало бороться с существующим экономическим строем.

Одним из таких средств, которым они хотели дать почувствовать свою силу и тут же предъявить одно из важных требований, была громадная манифестация в день 1 Мая. Они этой манифестацией требовали установления законодательным порядком 8-часового дня. Из сравнения же манифестаций прошлогодней и нынешней видно, что силы их возрастают, так что дают надежду в не очень далеком будущем увидеть тот лучший и справедливый строй, к которому они стремятся.

Обращая внимание на положение наших рабочих, мы увидим, что они так же сильно страдают от произвольной кулаческой эксплуатации, почти ничем не сдерживаемой, потому что наши рабочие по старанию правительства и фабрикантов, находясь в забитом состоянии и полном невежестве, не могут дать отпора произвольному грабежу, чем и дают повод к большей наглости безжалостным хищникам.

Такое положение, конечно, никому из рабочих не нравится; но они молчат и терпят, потому что не знают выхода из него, и потому на нас, как на более развитых рабочих, лежит обязанность выяснить рабочим причины, по которым они находятся в таком скверном положении, и указать выход из него.

К чести нашей, я могу сказать, что мы действительно сознали свои обязанности, и, несмотря на все препятствия и угрозы нашего подлого правительства, мы стараемся по мере своих сил и способностей развивать окружающих нас рабочих... А также недавно вместе с искренним чувством признательности к Шелгунову, как к «указателю пути к свободе и братству», мы попробовали подачею адреса ему и присутствием с венком на похоронах его привлечь внимание общества к рабочему вопросу и, как слышно, успели в этом. Но, как видно, наша проба и успех ее пришлись не по губам правительству, и оно распорядилось наказать рабочих, осмелившихся думать об улучшении своей жизни, выслав троих из них в уездные городишки.

Оно, как нам известно, всегда, за малейшее проявление неудовольствий к существующим безобразиям, высылает и сажает по тюрьмам рабочих и интеллигенцию, которая искренне стремится, за что ей сердечное спасибо, своими силами и знаниями помочь рабочим в борьбе с существующим хищническим строем. Но я надеюсь, товарищи, что такие меры правительства не запугают никого из нас, а лишь только возбудят бо́льшую ненависть к нему и к существующему строю, который оно оберегает, и большое желание поскорее добиться такого, при котором не было бы ни бедных, ни богатых, а все бы пользовались счастьем и довольством в равной степени.

Так будем же, товарищи, развивая и поддерживая друг друга, продолжать начатую борьбу с существующим злом за осуществление Свободы, Истины, Братства!

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2, М., 1952, стр. 58—60

РЕЧЬ РАБОЧЕГО Ф. А. АФАНАСЬЕВА

Товарищи! Обращая внимание на наше положение, мы увидим, что все наши страдания происходят от существующего экономического строя.

Следовательно, чтобы улучшить наше положение, мы должны стремиться к замене существующего экономического строя, дающего

широкий простор для произвольной кулаческой эксплуатации, на более лучший и справедливый социалистический строй.

Но для того, чтобы осуществить на деле такой экономический порядок, нам необходимо приобрести политические права, которых в настоящее время мы не имеем. Приобрести же политические права мы будем иметь возможность лишь тогда, когда на нашей стороне будет такая организованная сила, которой правительство не решилось бы отказать в ее требованиях и которая бы настойчиво требовала от него следующих уступок:

Во-первых, учреждения конституции, основанной на общем и прямом избирательном праве, т. е. чтобы все законы страны утверждались бы и отменялись не по дикому произволу царя, а по обсуждению их высшим законодательным собранием, в котором заседали бы избранные народом депутаты.

Выборы в законодательное собрание должны производиться народом, и каждый гражданин страны, кроме осужденных за нечестное поведение, может выбирать и быть выбираемым депутатом в законодательное собрание. Содержание же этих депутатов должно идти от государства и выдаваться им на руки в виде жалованья. Это необходимо для того, чтобы депутатами могли быть люди не богатые, но преданные делу народа и вполне способные для этого.

Во-вторых, нужно, чтобы число войск определялось собранием депутатов и чтобы по их постановлению войска во всякое время могли быть распущенными. А для того, чтобы солдаты не забывали, что они тот же народ и что интересы народа солидарны с их интересами, нужно сократить, насколько возможно, срок военной службы и сделать так, чтобы граждане отбывали ее на родине и во время отбывания ее имели бы возможность вести тесные сношения с семьей. Тогда солдат, сознавая свою солидарность с народом, не решится никогда идти во вред ему. Это необходимо для того, чтобы правительство не имело возможности принуждать граждан силою войск исполнять законы, не утвержденные или отмененные собранием депутатов. Для того же, чтобы все постановления законодательного собрания исполнялись в точности, необходимо, чтобы лица на все высшие государственные должности назначались бы и смещались только собранием депутатов.

В-третьих, свободу избирательной агитации, свободу слова и свободу печати, т. е. совершенное отсутствие всякой цензуры, и чтобы всякий мог безнаказанно выражать на словах или в печати какие бы то ни было убеждения, а также, чтобы не существовало никаких залогов при издании книг и журналов; это необходимо, чтобы издавать их имели возможность и рабочие.

В-четвертых, свободу сходок и организаций.

В-пятых, свободу религий.

В-шестых, бесплатное широкое образование для народа.

И, в-седьмых, чтобы всякого рода преступления разбирались судом присяжных.

Не забудьте, товарищи, эти требования, потому что это первые и главнейшие, которые мы должны будем предъявить правительству при первой возможности, и что только тогда мы будем иметь все то, что изложено в этих требованиях!

Обладая такими правами, мы можем тогда выбрать в законодательное собрание таких депутатов, которые будут составлять и утверждать только такие законы, которые будут полезны для большинства народа, а законы, существующие во вред ему, будут уничтожать. И таким образом мы будем иметь возможность перестроить весь существующий экономический строй на более лучший и справедливый.

Картину же этого лучшего и справедливого строя я не буду развертывать перед вами потому, что как она ни хороша, но никто не может поручиться, что люди с течением времени не выдумают лучше, и еще потому, что ознакомиться с ней можно вполне, прочитав брошюру Шеффле «Сущность социализма» или роман Беллами «Через сто лет».

Переходною же ступенью к будущему экономическому строю может служить национализация земли, т. е. что государство выкупит всю землю, находящуюся в частной собственности, и будет отдавать ее в аренду лицам, желающим заняться земледелием, в таком количестве, которое они могут обработать собственными силами. А для обзаведения хозяйством, необходимым при земледелии, и для устройства фабрик и заводов рабочим, желающим работать на артельных началах, нужно учредить такой банк, который бы выдавал нуждающимся рабочим ссуды.

Таким образом, постепенно улучшая свое положение, рабочие будут иметь возможность дойти до такого благосостояния, о котором в настоящее время могут только мечтать более развитые из них.

Из всего вышеизложенного мы видим, что для того, чтобы иметь возможность достигнуть полного светлого будущего, нам необходимо прежде всего составить такую организованную силу из рабочих, сознательно стремящихся к улучшению своего положения, которая могла бы принудить правительство уступить ее политические права, лишь только при получении которых мы будем иметь возможность заняться переделкой существующего экономического строя.

Следовательно, в настоящее время нам остается только возможность заняться развитием и организацией рабочих, возможность, которою, надеюсь, мы и воспользуемся, несмотря ни на какие препятствия и угрозы нашего правительства.

А для того, чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее, нам необходимо как можно более стараться умственно и нравственно развивать себя и других и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас как на людей умных, честных и смелых и потому с большим доверием относились бы к нам и ставили бы нас в пример себе и другим.

Следовательно, успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии; и потому,

товарищи, наш долг, как честных и развитых людей,— приготовить из себя и из подходящих для того людей опытных пропагандистов и организаторов в социально-революционном деле и энергичных борцов за право человека и светлое будущее.

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2, М., 1952, стр. 60—63

РЕЧЬ РАБОЧЕГО Е. А. АФАНАСЬЕВА

Товарищи! Я хочу сказать несколько слов о сегодняшнем торжественном для нас дне, устроенном по примеру наших братьев, западных рабочих.

Братья! Будемте пользоваться хотя одной из первых занимающейся на горизонте нашей русской жизни светлой минутой нашего душевного наслаждения. Хотя наши западные братья уже давно пользуются такими праздниками, которым мы только начинаем изъявлять свое душевное сочувствие, и то не на законной почве; но и это, товарищи, хорошо. Хорошо, что и мы тоже начинаем пробуждаться от векового нашего сна под гнетом барского, поповского и царского рабства! — начинаем, я говорю, пробуждаться, и это уже есть часть, внесенная русскими работниками в общий прогресс. Да ведь товарищи, сразу ничего не делается в мире, а все совершается по определенным законам природы. И человеческий гений не может обнять все сразу, все предугадать, а постепенно узнает святую истину. Ему всегда приходятся на долю самые трудные работы во все века человеческой жизни — будить сознание в самом человечестве и двигать его на путь истинного прогресса и счастья. Конечно, товарищи, это счастье достается всегда не легко, оно очень дорого стоит для самого человечества. То же мы видим и у наших братьев, западных рабочих. Они имеют уже силу и свободу; это уже есть частица счастья. Но эта частичка была добыта ими дорогою ценою их человеческой крови. Они боролись долго за эту частичку счастья, которым они пользуются теперь. Они боролись долго, много целых десятков лет с оружием в руках за свободу, равенство и братство! Но вот, товарищи, мы видим, что их требования уже признаны законом, как стачки, кассы, товарищества, союзы, библиотеки, так и другие общественные учреждения. А у нас — ничего, потому что мы сами не старались об этом. У нас, как вы сами знаете, еще всякие заявления о правах народа сейчас считаются бунтом! Только и есть одни окрики, штыки, пушки, розги, Сибирь, тюрьма, каторга да казацкие нагайки! А там, на Западе, наши братья-работники уже пользуются всеми политическими правами! Мы холопы, рабы! Мы должны шапку ломать перед последним становым, околоточным, городовым. А там все свободные равноправные граждане, как в Англии, Франции, Германии, Бельгии, так и во всех других европейских государствах. Мы можем судить о их силе по прошлогодним выборам в германский парламент: рабочие подали за своих вождей

около полутора миллионов голосов, а всех выборщиков там 7 миллионов, стало быть, пятая часть народа государства на стороне рабочих, под их управлением, и потому они имеют 104 своих газеты с шестьюстами тысяч (600 000) подписчиков, а их общая касса в 1880 г. имела 37 000 марок, в 1883 г.— 95 тысяч, в 1887 году уже имела 188 тысяч, а в прошлом году даже 390 тысяч марок! Видите, товарищи, как они скоро увеличиваются и как сильны. Они представляют из себя организованную партию, силу, против которой уже делается не в состоянии бороться не только эксплуататорам, но даже и самому правительству со своим войском! Так вот, товарищи, как возросла их сила с 1848 года, со дня, когда в первый раз раздалось «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Да, братья, эти великие слова принадлежат делу ума человеческого! Ум человеческий — сеятель этой святой истины — раскинул свое семя чуть не по всему земному шару, а со времени 60—70-х годов и в нашу забитую Русь, вначале преимущественно в ряды нашей учащейся молодежи — наших самых лучших друзей, а через них прежде и теперь проникает и к нам.

Господа! Как мы видим, это маленькое перенесенное семечко растет, зреет и пускает свои отростки по всей русской земле! Растет оно, но и страшных врагов оно имеет в лице кулаков, попов, господ и царя со своим войском и полицией! Трудная ведется борьба! Уже десятки тысяч молодежи погибло за нас в снегах Сибири, в казематах Петропавловки, Шлиссельбурга! Начнем же и мы сами за себя бороться! Нелегко вначале нам придется: каждый шаг наш, каждый поступок грозит нам тюрьмой или высылкой, но что же делать, товарищи! Не без этого, когда дело идет о жизни или смерти! Надо же нам подумать о своем теперешнем положении, в которое мы поставлены прозябать нашими эксплуататорами и правителями.

Товарищи! Вы сами видите, что у нас во всех концах России царят страшные экономические нужды, как у промышленных, так и у земледельческих рабочих! Только и слышно один стон вопиющий! «Этот стон у нас песней зовется!» — говорит Некрасов, и впрямь везде недостаток, голод, произвол становых (а видно, и того мало показалось — так еще назначили земских начальников из дворян, чтобы секли побольше), голод, нищета, болезни, преждевременные смерти нас, жен и детей наших! Как пиявки, сосут они нашу кровь, делают они из нас каких-то людей другого рода — бледных, зеленых, хилых, а все это для чего? Для того, чтобы кучке фабрикантов, помещиков, чиновников да царю было возможно жить в роскоши, пьянстве, в разврате! И вот во имя-то этих скотских похотей они весь народ, сто миллионов, сковали в позорные холопские цепи, в которых нам нет возможности подняться, пикнуть и вздохнуть!

Товарищи, братья! Неужели мы не люди, что они нас так унизили до полного состояния рабов, с полным унижением человеческого достоинства! И все это так как будто и надо. Всю жизнь они тиранятся над нами, не дают они нам возможности взглянуть пошире на несправедливую общественную жизнь нашу; только и потчевают нас

которую уже сотню лет терпением да надеждой на царствие божие, чтобы было возможно спокойно жить им и пить нашу кровь! Нет, в эти сказки плохо верится! Сознание говорит, что мы тоже люди! Но пока мы все еще бесправные рабы русского царя с пятном возложенного на нас позора. Так смоем же, товарищи, это рабское пятно позора! Так будем же добиваться себе прав, которыми мы должны пользоваться во имя своего человеческого достоинства, чтобы было возможно жить, как людям, думать, говорить, собираться, обсуждать свои общественные дела без всяких для нас препятствий со стороны шпионов и подлой полиции.

Товарищи! Трудно будет нам на первых порах вступить в борьбу с нашими врагами за наши экономические и политические права, но вспомним, что еще теперь, в настоящую минуту, тысячи интеллигентов сидят за нас в Сибири, в тюрьмах, на каторге! Вспомним, что нелегко досталось улучшить свое положение нашим братьям, западным рабочим, так, стало быть, и нам нелегко будет улучшить свое под разгулом деспотической реакции, которая будет нас преследовать на каждом шагу. Товарищи! Трудно нам будет, но наука освободила западных рабочих, она поможет и нам просветить умы наши, да и наполнить души наши святой истиной любви друг к другу! Будем, друзья, бороться за истину, не отступим шага назад, до самой своей смертной агонии, за правду, равенство, братство, свободу! Будемте учиться объединяться сами и, товарищи, будемте организовываться в сильную партию! Будемте, братья, сеять это великое семя с восхода и до захода солнца во всех уголках нашей Русской земли!

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2, М., 1952, стр. 63—66

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ К ПОЛЬСКИМ РАБОЧИМ

АПРЕЛЬ 1892 г.

Друзья и братья!

С биением сердца мы, ваши товарищи с далекой Невы, из этой столицы мрака, рабства и угнетения, из этого логовища царя-деспота, страшного врага всего, что добро, правда, прогресс, того царя, который вместе со своими барами, попами и полицией сотни лет держал нас в рабстве, который вот уже сто лет сдерживает прогресс вашей бедной отчизны и освободил вас от панов только затем, чтобы отдать в руки капиталистов и фабрикантов, по требованию которых высылает против вас целые полки солдат и казаков, из этой столицы царя-изверга шлем вам, братья польские рабочие Лодзи и других городов, свой горячий, от глубины души привет и сочувствие в вашей борьбе с этим подлым капиталистическим строем!

Вы так славно праздновали Первое мая! Вы открыто вступили в ряды этой всемирной армии социал-демократической, которая на

рубеже нового столетия видит зарю нового общественного строя, где все люди, все народы будут братьями, где не будет этой племенной ненависти, которую умышленно возбуждают цари, чтобы дольше в своих руках держать войско, а вместе с тем и господство над народами! Когда погибнет царь, мы докажем вам, что между народом русским и польским нет вражды, а была только между барами, капиталистами и чиновниками, с которыми мы ничего общего не имеем и которые спорили между собою о том, кому вас эксплуатировать.

Вы публично и открыто засвидетельствовали свою солидарность с рабочими всего мира; вы засвидетельствовали этим, что вы, как и все, хотите лучшего, справедливого строя, хотите возможного счастья для себя, а значит и для всего человечества,— а царь с фабрикантами стреляет за это в вас, убивает ваших жен и детей, сотнями вас кидает в тюрьмы! Честь вам, а позор и презрение царю и всем его подлым опричникам! Вас страшно преследуют, но вы счастливее нас, вы вступили уже в открытую борьбу, мы только к ней готовимся, но скоро уже вслед за нашими братьями других стран вступим и мы в борьбу с общим нашим врагом: царем, барами, фабрикантами, попами!

Соединимтесь же, пролетарии всех стран, а скоро уже наступит последний час наших врагов, и заблестит солнце социалистического строя.

Еще раз посылаем вам братский привет и сочувствие.

Печатается по тексту сборника «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2, М., 1952, стр. 130—131

факт, что Россия «идет на выучку к капитализму» (эпиграф к книге Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»), никакого вывода в смысле необходимости борьбы с существующим строем из этого не делают. Кое-кто из молодых народовольцев, не признававших значения нашей общины (мы видели в одной из предыдущих глав, что ее не признавали уже Александр Ильич с товарищами в 1887 году), стали подходить ближе к социал-демократам, убеждаясь, что они не только не против политической борьбы, а выставляют ее на своем знамени. Так, народовольцы, имевшие свою типографию в Петербурге (Лахтинская типография), сами предложили социал-демократам печатать их листовки и брошюры, считая, что разница между двумя направлениями лишь в том, что социал-демократы обращаются к рабочим, а не к другим классам общества, но что направление их также революционное. В Лахтинской типографии были напечатаны многие листовки Владимира Ильича и его брошюра «О штрафах»; вторая, «О стачках», была забрана там при аресте типографии и погибла.

Но это было уже позднее. Лето 1894 года — после первой зимы в Петербурге — Владимир Ильич проводил с нами под Москвой, в Кузьминках, неподалеку от станции Люблино, Курской железной дороги. Жил довольно уединенно и много занимался. Для отдыха гулял по окрестностям с меньшим братом и сестрой и заложил в них основы социал-демократического учения. Из московских социал-демократов виделся с Мицкевичем, с которым познакомился еще раньше в Нижнем Новгороде, с Ганшиным и братьями Масленниковыми. Эти товарищи взялись печатать его тетрадки «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», которые появились осенью 1894 года в Москве и Петербурге, размноженные на гектографе.

Помню, что не успела прочесть его тетрадку о Михайловском в рукописи и разыскивала ее потом в Москве.

Это было не так-то легко, потому что выступление Михайловского против социал-демократов возмутило многих, и в Москве ходило несколько рукописных или доморощенно напечатанных ответов ему. Легально ответы эти напечатаны быть не могли, это-то и возмущало против Михайловского, что он нападает и клеплет на людей, которым зажат рот. Мне стали рассказывать о двух-трех ответах и, характеризуя их, заявили: «Один более основательный, только выражения очень уж недопустимые». «А какие, например?» — спросила я с живостью. «Да, например: Михайловский сел в лужу». «Вот этот, пожалуйста, мне и достаньте»,— заявила я, решив совершенно определенно, что этот и должен был принадлежать перу Володи. И потом мы смеялись с ним относительно того признака, по которому я безошибочно определила его работу.

Печатается по тексту книги «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, М., 1956, стр. 18—35

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ В МОСКВЕ И ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

С. Мицкевич [152]

НА ЗАРЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В МОСКВЕ [1)]

В Москве в начале 1893 года на одной студенческой вечеринке выступили с критикой народничества с точки зрения теории Маркса два марксиста [2)]. Это не было, строго говоря, первым выступлением марксистов в Москве, потому что еще в 1891 и 1892 гг. покойный Григорий Мандельштам выступал несколько раз среди студенчества с изложением марксистских взглядов, но тогда это не производило особого впечатления, потому ли, что почва для восприятия этих идей еще не была достаточно подготовлена, или потому, что выступления были в сравнительно тесных кружках. Теперь же это выступление произвело сенсацию; об этом много толковали, и все ругали этих еретиков-марксистов: как осмелились какие-то молокососы не признавать всеми признанных авторитетов и корифеев русского народничества — «В. В.», Михайловского, Кареева, Николая—она. Главная цель марксистов была все-таки достигнута: был возбужден интерес к новым идеям среди широких кругов молодежи. С этого времени марксисты являются непременными гостями студенческих вечеринок, очень частых в эту зиму. Марксисты, выступавшие

---

1) Эти мои воспоминания были впервые напечатаны в сборнике «Текущий момент», вышедшем в начале 1906 г. в Москве в изд. «Колокол». Написаны они были в «дни свобод», в ноябре—декабре 1905 г., т. е. через 11—12 лет после событий, которые здесь описываются.

В несколько измененном виде они были помещены в сб. «На заре рабочего движения», изд. Госиздатом в 1919 г. Здесь они помещаются без изменений, в том виде, в каком они были помещены в сб. «Текущий момент» в 1906 г., как своего рода документ, написанный по свежим воспоминаниям. И действительно, позднейшее мое ознакомление с делом и другими воспоминаниями позволяет мне утверждать, что эти воспоминания точно воспроизводили события; следует иметь в виду при чтении их, что они были помещены в легальной печати, хотя этот сборник и был конфискован немедленно по выходе.

Примечания к этой статье в сносках, обозначенных цифрами со скобками, написаны к настоящему изданию, а обозначенные звездочками были помещены в изд. 1906 г.

2) Выступали А. И. Рязанов и И. А. Давыдов; по-видимому, как раз эта вечеринка описана В. Черновым.

на этих вечеринках, были по большей части из первого московского марксистского кружка, образовавшегося еще в зиму 1891 и 1892 гг. с целью изучения и переводов на русский язык марксистской литературы. В этом кружке основательно изучались «Капитал» и все другие сочинения Маркса, Энгельса, Лассаля, Каутского; из русских авторов — Н. И. Зибер, статьи из «Юридического вестника» П. Н. Скворцова, Харизоменова, труды по исследованию московских фабрик: Погожева, Эрисмана, Дементьева и др. Русская литература, издаваемая за границей группой «Освобождение труда»: «Наши разногласия» Плеханова, его же «Социализм и политическая борьба», сборник и журнал «Социал-демократ» [153] и др.— в это время в Москве была величайшей редкостью, и мало кому удавалось ее доставать, между тем как немецкую литературу сравнительно легко было доставать в иностранных магазинах; потом, в 1894 году, наладилось получение и русской литературы как через магазины, так и в транспортах *.

Этим же кружком было сделано много переводов, которые ходили по рукам в рукописях. Переведено было много брошюр Энгельса, как-то: «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др., только что вышедшая тогда на немецком языке «Эрфуртская программа» Каутского, брошюры Шиппеля, Кампфмейера и др. из серии «Arbeiter bibliothek», брошюры Геда, Лафарга, статьи из «Neue Zeit» и т. д. Уровень образования тогдашней студенческой молодежи был невысок, чувствовалось еще прежнее полупрезрительное отношение старого народничества к науке. Большинство читало 2—3 статьи Михайловского, В. В. «Судьбы капитализма в России» и в лучшем случае Николая—она. Такую публику марксисты, основательно проштудировавшие Маркса, Энгельса, Каутского, читавшие немало по истории, экономике и статистике, удивляли своей эрудицией. Среди противников марксистов был только один человек, обладавший большой эрудицией, это — П. Н. Милюков. Оригинально было видеть, как против него, тогда уже известного ученого, с успехом выступал молодой студент-марксист К. [1)]

Следующий зимний сезон, 1893/94 года, был еще оживленнее в Москве: устраивались часто «вечеринки» с разговорами, организовывалось много кружков «саморазвития», образовалось и несколько политических групп; более заметная из них — «босяки» — хотела опереться в политической борьбе на будто бы революционный и многочисленный класс босяков, а также на «разночинцев», понимая

* В распоряжении этого кружка была еще рукопись большого и в высокой степени интересного труда Федосеева —«О падении крепостного права в России», в котором была проведена точка зрения экономического материализма. Федосеев, очень талантливый человек, первый раз арестованный в 1889 г. в Казани за организацию социал-демократического кружка, с тех пор до самой своей смерти, в 1898 г., непрерывно пребывал в тюрьмах и ссылке по нескольким делам. Застрелился в Верхоленске в 1898 г. У него начато было несколько трудов по экономической истории России. Все это куда-то запропало.

[1)] Д. П. Калафати, на 2 съезде РСДРП кличка «Махов».

под этим словом мелкую служащую интеллигенцию. Тогда же стала образовываться партия «Народного права» [154]. Оживилась в это время и публицистика, бывшая раньше скучной до тошноты. «Русское богатство» открыло тогда против марксизма огонь по всей линии, хотя в легальной русской литературе не появилось еще ни одной марксистской статьи о русской действительности, если не считать чисто статистических работ П. Н. Скворцова в «Юридическом вестнике» [155]. Кривенко писал тогда в «Русском богатстве», что марксисты, чтобы быть последовательными, должны насаждать капитализм в России, а для этого им самое лучшее идти в деревню и открывать там кабаки и ссудные кассы. Михайловский также называл активными марксистами тех, кто активно насаждал капитализм. Такое понятие о марксизме и было господствующим в то время среди интеллигенции; марксистов считали единомышленниками Вышнеградского и Витте, насаждающих капитализм в России; недаром-де они любят цитировать «Вестник финансов» [156] и радуются успехам русского капитализма и разложению общины. Особенно рьяными марксоедами были тогда «народоправцы»; они считали пропаганду марксизма особенно вредной, так как марксизм, по их мнению, отвлекает внимание от политической борьбы, а они, основатели партии «Народного права», ради привлечения к политической борьбе широких слоев решили пока спрятать в карман свой социализм и выставить одну политическую платформу, которая должна объединить все направления, как это пытался сделать впоследствии «Союз освобождения» [157]. Мы же, марксисты, думали, наоборот, путем распространения идей классовой борьбы и социализма вовлечь и в политическую борьбу новый громадный класс — русский пролетариат. История показала, кто был прав.

Для борьбы с марксистами народники в эту зиму вызывали из Питера свою тяжелую артиллерию. Так, на рождестве в 1893 году в Москву приехал и читал реферат «В. В.», но вслед за ним приехал П. Струве. На этот же реферат попал бывший тогда проездом в Москве В. Ильин [1)], и оба они с большим успехом выступили против «В. В.»[2)].

Зимний сезон 1894/95 г. проходил также очень оживленно. Осенью вышла книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а вскоре — первая легальная марксистская книга: «Критические очерки» П. Струве. В декабре 1894 г. вышла книга Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Эти книги, особенно последняя, произвели шум. Марксисты были очень обрадованы, что наконец-то марксизм появился в легальной литературе, и притом в такой блестящей форме, как у Бельтова; народники же были возмущены книгой Бельтова

[1)] В. И. Ленин.

[2)] Я лично не был на этой вечеринке, так как уезжал в это время на рождественские каникулы в Нижний Новгород, и писал о ней по рассказам других. Другие воспоминания (см. восп. Давыдова, Лядова, Бонч-Бруевича, Елизаровой, Голубевой и Чернова) не упоминают о Струве как участнике этой вечеринки.

за бесцеремонное третирование корифеев народничества, но книга читалась все-таки очень усердно и многих обратила в марксизм.

Около этого же времени появились в Москве 3 гектографированных выпуска очень интересной работы В. Ильина: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Здесь велась речь о Михайловском, Южакове и Кривенко. Эта работа нигде не была напечатана. В ней было много ценного статистического материала, который частью вошел потом в другие работы В. Ильина [1)].

Среди молодежи в эту зиму продолжали развиваться кружки самообразования; ею усердно изучалась русская действительность, к чему толчком служила и критика народничества со стороны марксистов. Из этих кружков вышло много марксистов. Среди студенчества за это время большим авторитетом пользовался «Союзный совет» землячеств, который содействовал объединению кружков, выработке общих программ и т. д. В этот период студенчество стремилось сосредоточиться на выработке своего миросозерцания, оно старалось разобраться в том идейном перевороте, который переживала тогда русская интеллигенция, а потому оно в своей массе относилось несочувственно к попыткам вызвать студенческие волнения по незначительному поводу. Но в это же время образовалась небольшая группа «студентов-радикалов», которая, напротив, стремилась вызвать волнения и, воспользовавшись каким-то поводом, кажется, речью Ключевского по случаю смерти Александра III, стала собирать сходки в университете, но масса сознательного студенчества, во главе с «Союзным советом», была против этого. Члены «Союзного совета» ходили на сходки и уговаривали расходиться и не производить волнений; против волнений высказывались тогда и студенты-марксисты, которые, впрочем, и вообще-то очень мало интересовались академической жизнью, всецело поглощенные некоторые своим самообразованием, а некоторые уже работой среди рабочих. Но полиция поставила всех на одну доску: в ночь с 3 на 4 декабря было произведено много арестов; весь «Союзный совет», часть «студентов-радикалов», несколько марксистов, П. Н. Милюков и др. были разосланы по разным городам на 2—3 года. Эти высылки мало отразились на мо-

[1)] Моя скромная характеристика этой работы В. И. Ленина объясняется, конечно, условиями легальной печати, в которой впервые были напечатаны эти воспоминания. Особенно подчеркивать революционный характер этой работы было, конечно, неудобно, тем более, что В. И. жил в это время легально в Петербурге.

Хотя и в таком виде, вся статья могла появиться в легальной печати лишь в условиях «дней свобод», когда относительная свобода печати была отвоевана революцией и была максимальной за все время существования монархии Романовых. Не упомянул я здесь тогда, также по конспиративным соображениям, что группа Масленникова — Ганшина отпечатала на множительном аппарате эту брошюру в Москве.

Летом 1894 г. т. Ленин на даче около Люблино у сестры своей А. И. Елизаровой (где он кончал 3-ю часть «Друзей народа») часто видался со мной (первый раз я видел его в Нижнем летом 1893 г. у П. Н. Скворцова), очень интересовался московской работой, расспрашивая о характере этой работы, о типе московских рабочих, говорил о своих теоретических работах.

сковской жизни, которая по-прежнему шла живо, и как раз в это-то время, с начала 1895 года, марксизм стал приобретать все более приверженцев среди молодежи. Распространение легальной и нелегальной марксистской литературы и частое выступление марксистов в кружках и на собраниях дали возможность ознакомиться с марксизмом не только по статьям Михайловского и Кривенко. Но больше всего толкнуло интеллигенцию к марксизму начавшееся вскоре массовое рабочее движение. Прокламации к рабочим, празднование рабочими 1 мая 1895 года, большие аресты среди рабочих в 1895 году, петербургские стачки 1896 года[158] — все это открыло глаза интеллигенции на существование у нее под боком революционного класса, который сможет сдвинуть русскую жизнь с той мертвой точки, на которую она попала в 80-е годы. Тогда начался массовый переход интеллигенции в марксизм, началось то «мракобесие», которое нашел в Петербурге писатель Тверской [1)] при своем посещении России в 1896 году.

И в то время, когда еще в начале 1895 года сочувствующие марксизму среди студенчества в Москве считались немногими десятками, уже к началу 1897 года марксизм почти безраздельно господствовал среди него: марксистская литература имела необычайный успех, выход каждой книги первого легального марксистского журнала «Новое Слово» [159] (с марта по ноябрь 1897 года) был целым событием.

II

Я выше упоминал уже, что народники говорили, что активные марксисты должны идти в деревню и открывать там кабаки и ссудные кассы, но марксисты не последовали этим советам «мудрых» истолкователей Маркса; они иначе понимали своего великого учителя и иначе проявили свою активность: они пошли в рабочие массы с пропагандой социал-демократических идей.

В сентябре 1893 года из вышеупомянутого интеллигентского кружка выделился небольшой кружок из шести лиц для систематической пропаганды среди рабочих. В Москве и до этого времени были кое-какие попытки со стороны марксистов заводить связи с рабочими и у каждого из членов кружка были свои небольшие связи, заведенные еще зимой 1892/93 г., но сколько-нибудь систематически, планомерно и широко это дело было поставлено впервые лишь с возникновением этого кружка. Прежде всего было образовано несколько кружков преимущественно из рабочих разных механических заводов и железнодорожных мастерских. Мы были счастливы, что нам сразу удалось натолкнуться на несколько очень дельных и интеллигентных рабочих. Что же это были за рабочие и откуда они взялись?

Пропаганда среди рабочих в Москве велась еще в середине 70-х годов (вспомним «процесс 50-ти» и речь на нем рабочего Петра Алексеева); в конце 70-х и в начале 80-х годов были связи среди

[1)] Тверской, писавший в «Вестнике Европы», долго жил в Америке и приезжал в Россию в 1896 году.

московских рабочих у народовольцев, но с начала 80-х годов и по начало 90-х, т. е. в течение 8—10 лет, в Москве, по-видимому, не велось сколько-нибудь систематической пропаганды среди рабочих. Однако и в этот период у интеллигенции заводились кое-какие связи и знакомства с рабочими, по большей части рабочими более высших разрядов труда: монтерами, помощниками машинистов, токарями и т. д. Связи эти носили большей частью чисто культурный характер: рабочим давали читать «хорошие» книжки и велись за стаканом чая беседы. Небольшой кружок таких рабочих группировался около одного известного писателя-народника *; другой кружок образовал в 1889 или 1890 году студент Добронравов **, живший в рабочем квартале, в Грузинах, и имевший родственников среди рабочих. Попадались небольшие толстовские кружки и отдельные толстовцы среди рабочих; сравнительно большой толстовский рабочий кружок в это время был на фабриках Морозовых в Орехово-Зуеве. В это же время среди рабочих, особенно кончивших курс училищ или ремесленных школ, стало проявляться заметное стремление к самообразованию: они записывались в библиотеки, посещали городские читальни, публичные лекции, выписывали в складчину либеральные газеты, по преимуществу «Русские ведомости», больше всего ценя в них иностранный отдел, в котором попадались дельные статьи о рабочем движении на Западе. Вот из этих-то слоев рабочих и рекрутировались члены первых социал-демократических кружков. Приведу несколько примеров.

Был у нас знакомый рабочий, старый ткач, участвовавший еще в кружке Петра Алексеева. Это был малообразованный, простой ум, но очень дельный агитатор, хорошо знающий натуру русского рабочего; он пользовался большим авторитетом и уважением среди рабочих. Он уже давно не имел связей с интеллигенцией, но постоянно вел самостоятельно устную агитацию среди рабочих на почве их экономических нужд, а также пользовался всяким случаем, чтобы резко порицать администрацию и правительство [1]. Был еще у нас один кузнец из петербургского кружка лавристов[160]; он тоже давно утратил связи с интеллигенцией, был большой индивидуалист и культурник, выписывал «Русские Ведомости», читал и вел разговор по поводу прочитанного со своими товарищами по мастерской [1]. Из побывавших в народнических кружках того времени выделялся своей интеллигентностью молодой помощник машиниста на Смоленской дороге П.[2], его принимали в рабочих кружках за интеллигента. Другой, очень интеллигентный токарь с завода Вейхельдта Б.[3] давно вел знакомство с интеллигенцией, много читал; мы его ценили как самого дельного и умного организатора и руководителя рабочим делом. Он в тюрьме и ссылке изучил английский язык и уехал в Англию; потом, через несколько лет, возвратился в Россию. Его приятель Саша Хозецкой, экспансивный юноша, слесарь, выдавался как талантливый и смелый агитатор. Он тоже после ссылки ездил в Англию, тоже возвратился и умер от чахотки. Из самоучек помню Федора Полякова, ткача; он мальчиком работал в фабричной аптеке на Раменской мануфактуре, брал читать книги у врача, изучал начатки латинского языка, читал по медицине, естественным наукам и философии; был прекрасный рассказчик-юморист, писал недурные стихи, выдавался как талантливый и очень любимый рабочими агитатор. Фабриканты его не выносили, он перебывал чуть ли не на всех фабриках московских и подмосковных, отовсюду его гнали, а после его ареста не принимали никуда и его жену. Он в ссылке, в Енисейской губернии, занимался фельдшерством, писал много корреспонденций, стихов, повестей в сибирских газетах. Умер от чахотки в Минусинске в мае 1903 г. Помню еще одного, модель-

* Н. Н. Златовратского.

** Фамилия его полностью была названа в воспоминаниях потому, что он умер в 1890 г.; и далее фамилии полностью назывались только лиц, умерших к этому времени.

[1] П. Н. Колокольников, работавший в Москве в 1895/96 г., так пишет в своих воспоминаниях (ненапечатанных) об Ос. Васильеве:

«У Нового Богоявления на шерстяной фабрике Филиппова работал старик лет под пятьдесят. Звали его Осип Васильев. Родом он был из Гжатского уезда. Осип участвовал еще в революционных кружках 70-х годов и охотно вспоминал старину, но его рассказы я помню теперь очень смутно. Он знал Петра Алексеева и любил порассказать о нем молодежи. Поминал еще высокого студента Ивановского. Это, очевидно, доктор Ивановский, брат жены Короленко, эмигрировавший в Румынию. Об его участии в попытках продолжать работу после провала кружка «московок» и кавказцев (процесс 50) рассказывает Вера Фигнер в «Запечатленном труде».

Благообразный старик с седеющей окладистой бородой и с порядочной лысиной, в ситцевой рубашке на выпуск под нагольным полушубком, Осип имел не внушающую подозрений наружность. Был он неугомонный и своеобразный агитатор. Живой и очень общительный, он вел агитацию повсюду и по всяким поводам. Неученая, бесхитростная речь пересыпалась остроумными шутками и невольно вызывала у слушателей улыбку.

Это он своими шутками отвел в сторону лесного сторожа, когда тот наткнулся на маевку 1895 г. во время речей ораторов и чуть было не сорвал ее.

Трудно найти человека, который бы так ловко умел подойти к совсем серому рабочему и так незаметно забросить в его душу семена недовольства существующими порядками.

Сам Осип был малограмотный и читал мало. Но книгу он ценил и много и умело распространял и нелегальной и легальной литературы, точно чутьем угадывая, к кому с какой книгой подойти. Знакомства у Осипа были большие. Он то и дело шел со мной к воротам той или иной фабрики в районе Нового Богоявления, вызывал через сторожа со спален «земляка» и сводил его в трактире с «нужным человеком» — со мной.

Впоследствии, после ареста, Осип Васильев остался без работы и стал торговать счетами вразнос, продолжая вести устную агитацию в простонародье. Нередко тогда, с охапкой счетов под мышкой, заходил он ко мне передохнуть и попить чайку».

Б. А. Кварцев, работавший вместе с Колокольниковым, так характеризует Ос. Васильева в своих показаниях:

«Осип Васильев, товарищ известного рабочего Петра Алексеева, привлекался уже 3 раза, патриарх рабочего движения. Имеет обширный круг знакомств. Пользуется большим авторитетом у фабричных». Из показаний Б. А. Кварцева. Москва, 24 июля 1896 г., № 295—1896 г. Дело деп. полиции, 7-е делопроизвод. «О Моск. соц.-демократ. кружке союза рабочих».

[1] Константинов — рабочий брестских жел.-дор. мастерских.

[2] С. И. Прокофьев.

[3] Константин Федорович Бойле.

щика с фабрики Гоппера, С. [1]; он еще до знакомства с нами очень интересовался рабочим вопросом, перечитал все легальные книги, которые мог достать в библиотеке по этому вопросу; изучал язык эсперанто и французский с целью завести переписку с заграничными рабочими, давно жаждал знакомства с интеллигенцией и был очень рад, когда встретился с нами [2]. Первой книжкой, которую он от нас получил, была «Эрфуртская программа» Каутского, которую он сразу прекрасно усвоил. Он сам составил и вел с большим успехом кружок модельщиков, когда они усвоили хорошо вопросы о рабочем дне, заработной плате, о роли машин и т. д., тогда С. передал нам свой кружок, заявив, что его рабочие усвоили достаточно экономическую часть программы занятий, теперь хотят ознакомиться с политическими вопросами и с историей. С помощью этих и нескольких других рабочих было организовано несколько кружков. Программа занятий в кружках была такова: сначала толковалось о первоначальном накоплении, об образовании капитала, далее, лекция за лекцией, излагался 1-й том «Капитала», причем изложение иллюстрировалось примерами из русской жизни, и таким образом попутно рисовалась картина положения рабочего класса в России по Дементьеву, Погожеву, Эрисману и др., потом трактовалось о конечной цели рабочего движения, о социализме, и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, которое может быть у нас совершено только рабочим классом.

Среди рабочих, участвовавших в кружках, а через них среди гораздо более обширного круга рабочих распространялась литература. Какая же литература была в распоряжении нашего кружка? Во-первых, брошюры, изданные за границей группой «Освобождение труда» (начиная с начала 1894 года, мы их получали довольно много). Брошюры были такие: «Речь Петра Алексеева», «Речь Варлена», «8-часовой рабочий день» Плеханова*, «Кто чем живет?» Дикштейна, «4 речи петербургских рабочих на 1-е мая». Во-вторых, кружок сам занялся литературной деятельностью. Тов. Круковский написал очень хорошую брошюру — популяризацию Маркса — с примерами из русской жизни; она была впоследствии отгектографирована (в 1895 г.); тов. В.[3] написал брошюру о первоначальном накоплении, тоже с примерами из русской истории; тов. М. М.[4] — брошюру «Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превращаются»

---

[1] Т. Т. Самохин.

[2] К этому случаю вполне применимы след. слова Ленина: «Таким образом, налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократическою теориею революционной молодежи, которая рвалась к рабочим» (Ленин, Соч., 4 изд., т. 5, стр. 348), равно как и рабочих, рвущихся к этой революционной молодежи,— можем мы добавить.

* Очевидно имеется в виду брошюра Г. В. Плеханова «Ежегодный всемирный праздник рабочих».—*Ред.*

[3] А. Н. Винокуров.

[4] М. Н. Мандельштам-Лядов.

и переделку на русский лад «Религии капитала» Лафарга. Затем было переделано несколько польских брошюр: «О конкуренции», «Рабочая революция», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочий день». Все эти брошюры были пересланы для издания за границу, но были напечатаны лишь три последние [1]. Кроме этих брошюр давали рабочим читать целый ряд переводных брошюр: Каутского, Шиппеля, Геда, Лафарга. Все они были рукописные; для переписки их образовался целый штат переписчиков — студентов, курсисток, рабочих; среди переписчиков было даже двое городовых — родственников рабочих. У кружка был гектограф, потом, к концу 1894 года, мимеограф и маленький типографский станок, но по преимуществу для листков; брошюр было гектографировано всего две или три. Кроме нелегальной распространялась и легальная литература: Бэллами «Через 100 лет», Вебба и Кокса «8-часовой рабочий день», «Фабрика» Дементьева, некоторые журнальные статьи и вырезки из газет, наклеенные на тетрадку, по преимуществу о рабочем движении на Западе.

Теперь расскажу о некоторых особенностях в постановке дела в нашем кружке сравнительно с современными ему кружками в других русских городах.

Раньше, чем в Москве, началась социал-демократическая пропаганда в Петербурге; там она ведет свое начало со второй половины 80-х годов, непосредственно переплетаясь с пропагандой «народовольцев». Затем, в 1891—93 гг., началась пропаганда и во многих других городах: в Киеве, Харькове, Одессе, Саратове, Казани, Н.-Новгороде и др. (я здесь не имею в виду Польши и сев.-зап. городов, где соц.-дем. пропаганда началась раньше, в 80-х годах). Во всех вышеупомянутых городах работа велась чисто кружковая, пропагандистская. Расскажу, как велось дело, например, в Н.-Новгороде; такое ведение дела, насколько мне известно, было типичным и для других городов в 1892—1895 гг. В Нижнем в 1892 году были заведены связи с рабочими, образовался рабочий кружок, в который входило человек 12 рабочих. Они основательно штудировали Маркса, прочитали весь 1-й том «Капитала». Агитировать на заводах им запрещалось ради конспирации. В конце концов из этих рабочих вырабатывались нередко интеллигенты, оторванные от рабочей массы и смотрящие несколько свысока на своих товарищей «серяков». Но находились некоторые товарищи, которые считали такое ведение дела вполне правильным и нормальным. Так, один марксист в Нижнем говорил, что он не может рабочего считать социал-демократом, прежде чем он не проштудирует всего Маркса [2]; на брошюры, а тем более на листки он смотрел с презрением и считал их не только не полезными, но даже вредными; просто все рабочие должны читать «Капитал». Ход развития рабочего движения он представлял так, что постепенно будет увеличиваться число рабочих,

---

[1] Эта литература переиздана изд. «Моск. Рабочий» в 1930 г. под заглавием «Литература Моск. рабочего союза».

[2] П. Н. Скворцов.

изучивших Маркса; они будут привлекать к этому изучению все новых членов; со временем вся Россия покроется такими кружками, и у нас образуется рабочая партия. Это был крайний представитель кружковщины.

У нас, москвичей, точка зрения на тип работы была совсем иная. Кружок наш почти на первых же шагах деятельности решил перейти к агитации в массе. Для этой цели мы через рабочих, занимавшихся в кружках, собирали сведения об условиях работы на фабриках и заводах, о длине рабочего дня, о заработной плате, о деятельности фабричной инспекции, о злоупотреблениях мастеров и т. д. Фактами, полученными таким путем, а также почерпнутыми из литературы, о положении рабочего класса в России мы иллюстрировали наше изложение теории Маркса, чем старались сделать эту теорию возможно близкой к жизни, связать ее с насущными и ближайшими нуждами рабочих. Далее, мы внушали рабочим, чтобы все, что они вынесут из занятий в кружках, они по возможности передавали своим товарищам по работе; мы их учили также пользоваться для агитации, для прояснения классового самосознания рабочих каждым мелким фактом из их повседневной жизни. Для более широкого воздействия на массу мы устраивали такие собрания, которые теперь называются «летучками»: рабочие из кружков собирали своих товарищей, прочитавших одну или две брошюры или совсем еще ничего не читавших, человек 15—25, в какой-нибудь артельной рабочей квартире; приходил интеллигент и один-два более сознательных рабочих, и начиналась беседа. Беседа не отличалась систематичностью, говорилось обо всем: об условиях рабочей жизни, о политике, о религии и т. д. Беседы велись живо и имели большой успех. Из среды таких собеседников отбирались рабочие в кружки для более систематических занятий. На этих беседах особенно выделялся рабочий Н.[1] своим умением действовать на «серяка» аргументами из священного писания и примерами из обыденной жизни. Этот Н. в «декабрьские дни» 1905 г. был влиятельным депутатом на одном московском заводе. Кроме устной пропаганды и агитации и распространения брошюр наш кружок старался действовать на массу и путем издания и распространения листков. О содержании листков я скажу ниже. Эти листки раздавались по рукам и вывешивались в тех местах на заводах, которые рабочим заменяют клубы [2]. Около листков собирались толпы рабочих, кто-нибудь читал вслух и комментировал их. Листки производили среди рабочих большую сенсацию и имели громадный успех. Особенно большим успехом пользовались листки, специально написанные по поводу какого-нибудь случая на данном заводе, по поводу какого-нибудь столкновения с администрацией завода, по поводу задумываемой стачки и т. п. Первый такой листок был издан нами в феврале 1894 года по случаю стачки на какой-то фабрике (точно не помню, но, кажется, на заводе

[1] Е. И. Немчинов.

[2] Т. е. в уборных.

Вейхельдта). Надо здесь заметить, что полицейский надзор за рабочими в то время был несколько ослаблен. Объясняется это тем, что пропаганда среди рабочих для Москвы была совершенно новым явлением, и внимание полиции совершенно не было направлено в эту сторону. Она много занималась и интересовалась студенчеством, а рабочие были в забросе. Это дало возможность около двух лет проработать при сравнительно свободных условиях: устраивались собрания в рабочих квартирах, агитаторы открыто выступали в мастерских, листки висели на фабриках дня по два и т. д.

Чем же объясняется, что московские социал-демократы сразу взялись за агитационный метод? Думается, что на это натолкнули прежде всего условия и обстановка, в которой пришлось им работать: скопление больших масс пролетариата на громадных фабриках Московского района, тяжелые условия труда, особенно на ткацких фабриках, толкали рабочих на борьбу, которая и началась уже стихийно, проявляясь иногда в очень резких формах, как, например, во время морозовской стачки в 1885 г. Но, говоря о новом пути, на который сразу так успешно встало рабочее дело в Москве, нельзя не упомянуть о товарище С. [1], который много способствовал широкой постановке работы. Он приехал в Москву с Запада; до этого он живал в Польше и в Северо-Западном крае, был хорошо знаком с польским и еврейским рабочим движением; он и ознакомил нас с постановкой работы в Западном крае; благодаря ему же мы ознакомились с польской агитационной литературой. Совместная работа и беседы с ним и способствовали скорейшему переходу к новой тактике. Скоро эта новая тактика получила и свое теоретическое обоснование. Произошло это при таких условиях: один из членов кружка в январе 1894 года поехал в Вильну [2] за литературой. В это время там тоже очень живо обсуждался вопрос о переходе от пропаганды к агитации. До этого времени пропаганда велась там среди евреев на русском языке и распространялась русская легальная и нелегальная литература, теперь же был поставлен на очередь вопрос о переходе к агитации на еврейском языке, как языке более доступном для широкой массы. Наш посланный рассказал, что вопрос об агитации в высшей степени интересует и москвичей. На собрании была выработана резолюция по этому поводу, и один из товарищей обещал написать обоснование этой резолюции. Через некоторое время он это выполнил, и потом сообща с нашим посланным и была редактирована брошюра «Об агитации», которая потом, в 1896 или 1897 г., была напечатана за границей с предисловием Аксельрода. Эта брошюра и явилась нашим кредо.

Главная ее мысль была такая, что для того, чтобы развить классовое самосознание в рабочем классе, чтобы поднять его на планомерную экономическую и политическую борьбу, недостаточно вести пропаганду в его среде идей научного социализма; для этого необходимо

[1] Евг. Игн. Спонти.

[2] Поехал в Вильну автор этой статьи С. И. Мицкевич.

прежде всего вести агитацию в массе на почве ближайших экономических нужд ее и постараться вовлечь ее в борьбу там, где она еще не начиналась, за эти ближайшие, а потому наиболее для массы понятные и доступные экономические нужды. Раз масса начнет такую борьбу, то она очень скоро придет к сознанию противоположности классовых интересов, она также очень скоро увидит и почувствует, что главным препятствием в этой борьбе является современный политический режим, и таким образом процесс экономической борьбы втянет ее и в борьбу политическую. Роль агитаторов и сознательных рабочих и будет состоять в том, чтобы помогать массе понять эту непосредственную связь экономической и политической борьбы, содействовать развитию в процессе борьбы ее экономического и политического самосознания.

Вот эту-то тактику мы и проводили в своей работе. Главный мотив нашей пропаганды и агитации, главное содержание листков и брошюр были экономические: говорилось о плохом положении рабочих, об эксплуатации со стороны хозяев, о необходимости борьбы с капиталистами; но сейчас же указывалось, что у нас эта борьба крайне затруднена: нет ни свободы стачек, ни свободы собраний и союзов; указывалось, что правительство преследует рабочих за борьбу с хозяевами, что оно всегда защищает интересы капиталистов и что для успехов в экономической борьбе необходимо добиваться изменения политического режима [1]; приводились примеры из западной жизни, где порядки другие, где рабочие принимают участие в управлении государством, где обеспечен известный минимум свобод, а потому рабочие и добились многих улучшений в своем положении. Доказывалось, что все эти завоевания есть результат борьбы, к каковой и призывались русские рабочие. Эти мысли старались мы провести в каждом листке, в каждой брошюрке и пользовались для этого каждым представляющимся случаем: отказ в жалобе, поданной фабричному инспектору, отказ в каком-либо ходатайстве рабочих со стороны генерал-губернатора, благодарность фанагорийцам за расстрел рабочих (в Ярославле, в мае 1895 г.) [161] — все это служило поводом для выяснения связи экономики с политикой. При подходящем случае писали и на чисто политические темы; так, напр., была написана брошюра по поводу смерти Александра III, в которой была изложена политика этого императора и указывалось на ее чисто классовый характер. При случае указывалось и на классовый характер церкви, как, напр., в листке по поводу архиерейского молебна на заводе «Добров и Набгольц», деньги за который пробовали взыскивать с рабочих.

---

[1] Ленин так характеризует работу марксистов того времени:

«...*первые* (курсив везде подлинника.—*С. М.*) социал-демократы этого периода (т. е. середины 1890-х годов — *С. М.*), *усердно занимаясь экономической агитацией*—(и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»)— не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, *с самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности» (Ленин, Соч., 4 изд., т. 5, стр. 348).

В общем следует сказать, что тактика, принятая нами, оказалась в высшей степени успешной. Наши листки всегда встречали горячий интерес и сочувствие в самой серой массе, они были для нее понятны и касались ее наболевших нужд. Благодаря нашей тактике успешно достигалась и цель политического воспитания. Один пример развития политического и религиозного сознания, достигнутого тем, что мы начинали с экономики, я приведу здесь. Один рабочий говорил мне, что наша тактика, сравнительно с прежней народовольческой, скорее приводит к цели развития политического сознания у рабочего. «Несколько лет тому назад,— рассказывал он,— жил я в Туле, на оружейном заводе; там один рабочий стал мне говорить, что царя не надо, бога нет. Я слушал, слушал его, да как дал ему по роже, и ушел от него; а вот как я прочел ваши листки, то я понял все правильно и о царе и о боге». Другой рабочий прочитал брошюру Плеханова «8-часовой рабочий день», в которой мало говорится о политике, и после ее прочтения тоже стал высказывать резким образом республиканские взгляды. И подобных примеров было много.

Наша новая тактика не сразу была понята и оценена в других городах. Я помню разговор с одним казанцем и одним нижегородцем, которые наши листки называли вульгаризацией, чуть ли не профанацией Маркса. Казанец [1] говорил, что это — возвращение к старым и осужденным уже историей агитационным приемам «Народной воли», что эта гектографическая пачкотня представляет уже пройденный этап и не выдерживает критики с точки зрения конспирации; достаточно-де легальной литературы и устных бесед в кружках. А когда я дал прочесть брошюру «Об агитации» одному петербургскому соц.-демократу [2] (потом видному деятелю в партии), то на мой вопрос, как она понравилась, он только сказал, что, по его мнению, там неправильно изложен вопрос о рынках; на главную мысль брошюры он даже не обратил внимания. Но, как бы то ни было, эта брошюра сыграла свою роль.

С увеличением наших связей среди рабочих, с увеличением числа кружков скоро перед нами встал организационный вопрос. Решено было создать центральный рабочий кружок, в который входило бы по одному представителю от каждого вполне сформировавшегося заводского кружка. Заводский кружок состоял из рабочих одного завода, занимающихся в пропагандистских кружках; этот заводский кружок вел дело агитации и организации на своем заводе; около него группировались более сознательные рабочие, одним словом, он выполнял ту роль, которую выполняют теперь [3] «заводские комитеты».

---

[1] Сигорский, марксист, высланный из Рязани и живший в то время в Нижнем Новгороде.

[2] М. С. Сильвину[162], потом привлекавшемуся по делу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1904—1905 гг. был членом ЦК РСДРП, ныне беспартийный.

[3] Т. е. в 1905—1906 гг.

Центральный рабочий союз, составленный из представителей всех заводских кружков и пополненный несколькими интеллигентами, ведущими непосредственную работу среди рабочих, по мысли некоторых товарищей, и должен был играть роль коллектива, который заправлял бы всем рабочим делом в Москве. Этот союз должен был собирать материал для агитации, для листков, для брошюр, он должен был давать «директивы» для всей организации, он же должен был заведовать техникой, транспортами, сношениями с другими городами и т. д. Некоторые говорили, что рабочие еще недостаточно подготовлены для руководства движением, особенно же неудобно передавать в такой большой кружок конспиративную часть (технику, транспорты, сношения), и даже существование такого союза они считали неконспиративным, так как это может привести к провалу всех верхов организации. Всем делом, по мысли этих товарищей, должен руководить интеллигентский кружок, который кооптирует наиболее подготовленных рабочих. Оба направления сошлись на компромиссе: центральный рабочий союз был организован, но наряду с ним оставался прежний, интеллигентский кружок, в который было принято трое рабочих; за этим кружком оставлено высшее идейное руководство движением и конспиративная часть; рабочий же союз играл роль, так сказать, совещательного учреждения, собирал материалы, передавал связи; на его собраниях читались проекты листков и часто вносились изменения по указанию рабочих.

Первое собрание центр. рабочего союза было в апреле 1894 года. На нем были представители от кружков с заводов Гужона, Вейхельдта, Листа, Бромлея, Доброва и Набгольц, Гоппера, Грачева, из Брестской и Казанской железнодорожных мастерских, с фабрик Михайлова, Филиппова и еще нескольких. С образованием рабочего союза дело пошло еще живее: росло число связей, кружков. Особенно же живо пошло дело летом 1894 г.: стали устраиваться часто за городом собрания, на которых выступали наши ораторы, начали заводиться связи с подмосковными фабриками и городами; так были заведены связи с Орехово-Зуевым, Раменской мануфактурой, с г. Ковровом, Тулой и некоторыми другими. Были попытки уходящими в деревню на летние работы рабочими вести агитацию в деревне, и в двух экономиях в Московской губернии под влиянием этой агитации были вызваны стачки батраков. В самой Москве в то лето тоже была стачка, кажется у Цинделя, и на двух-трех заводах рабочие волновались и предъявили требования хозяевам, которые и были частью удовлетворены, и дело не дошло до стачки. Были выпущены листки по этому поводу. Связи заводились замечательно легко и просто. Так, например, один рабочий ходил постоянно на Москву-реку, где рабочие имеют обыкновение купаться; там он заводил с ними разговоры, давал читать литературу, заводил знакомства.

С осени 1894 г. образовался женский интеллигентский соц.-дем. кружок [1], который имел целью заводить связи с женщинами-работницами ткачихами, модистками и т. д., что и удалось ему в довольно значительных размерах. Среди женщин-работниц выдавалась одна ткачиха как агитаторша; она была неграмотна, и ей читали листки и брошюры другие. Интересно, что многие неграмотные рабочие, затронутые агитацией, стали проявлять сильное стремление научиться грамоте и часто учились читать по нелегальным брошюрам.

[1] В составе С.И. Мураловой, А. И. Смирновой, П. Мокроусовой-Карпузи и др.

В это время у нас зародилась уже мысль о рабочей газете. Материала для такой газеты было у нас достаточно. Думали мы ее назвать «Рабочее Дело», но, пока не была достаточно хорошо поставлена техническая часть, пришлось ограничиться изданием серии листков. Были изданы листки «Много ли мы зарабатываем», «Долго ли мы живем», «Разговор с фабричным инспектором», «Разговор фабриканта и рабочего» и несколько других. Последние два из упомянутых были диалоги в юмористической форме. В ноябре 1894 г. мы получили из Петербурга сборник, изданный на гектографе «группой народовольцев» [1]. Он был превосходно составлен. В нем были статьи и на общие темы и корреспонденции с заводов. Очевидно, мысль о рабочей газете возникла одновременно в Петербурге и Москве; в Петербурге только почему-то была осуществлена раньше у народовольцев, чем у социал-демократов. За границей в это время народовольцами издавался «Русский Рабочий» [163], который и мы не отказывались распространять за недостатком литературы.

Так шло дело без всяких помех со стороны полиции до декабря 1894 года, но еще летом, а особенно осенью, полиция обратила внимание на начавшееся в рабочей массе брожение, и началась слежка за некоторыми интеллигентами и рабочими. В декабре 1894 года, как я уже говорил в 1-й главе, были в Москве произведены аресты и высылки под предлогом начавшихся студенческих волнений. В числе высланных оказались почти все члены интеллигентского кружка, один товарищ уехал около этого времени за границу для установления постоянных сношений и для постановки издательской части [2].

Из интеллигентского кружка остался только один интеллигент, а из рабочих никто тогда не пострадал. Когда интеллигенты-руководители почти все исчезли [3], то руководство делом, естественно, перешло к рабочему союзу; интеллигентский кружок пополнился несколькими молодыми студентами и стал играть служебную роль: заведовал конспиративной частью, писал листки, но темы и окончательная редакция перешли в рабочий союз. Тогда же была сделана попытка ввести специализацию функций: занимающиеся технической частью не должны были иметь дела с рабочими и т. п.,

[1] Во главе с М. С. Александровым-Ольминским; кружок носил переходный характер от народовольческого к марксистскому.

[2] Е. И. Спонти.

[3] Дальнейшая часть воспоминаний была мною написана по рассказам участников, оставшихся на свободе после дек. 1894 г. и арестованных летом 1895 г., с некоторыми из которых (Лядов, Поляков) я встретился в марте 1897 г., когда нас после приговора перевели из одиночек в общую камеру Бутырской перес. тюрьмы.

но это плохо удавалось: народу подходящего было мало, а работы масса; таким образом одному и тому же лицу приходилось и писать, и в типографии работать, и в кружках заниматься. Конспирация вообще плохо соблюдалась. Многие рабочие знали друг друга и интеллигентов по фамилиям, ходили друг к другу на квартиры и т. д.

В общем дело продолжало идти хорошо. На некоторых фабриках целые мастерские примкнули к движению вместе с мастерами. Так, на заводе Гоппера мастер принимал в свою мастерскую только сознательных рабочих, другой — у Бромлея — преимущественно рабочих, читающих «Русские Ведомости». Выпускались листки, было поставлено 2 мимеографа, 1 типографский станок. Так обстояло дело к весне 1895 г.

Печатается по тексту книги «На заре рабочего движения в Москве». М., 1932, стр. 9—26

А. Смирнов [164]

О ПЕРВОМ КРУЖКЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ гор. ЕКАТЕРИНОСЛАВА В 1894 г.

Одним из первых кружков социал-демократической рабочей партии, организованных среди рабочих г. Екатеринослава в начале 1894 года, был кружок рабочих Брянского завода. Участие в нем принимали: Мазанов И. П., 19 лет; Смирнов А. И., 17 лет; Афанасьев Б. А., 18 лет; Гудимов Игнат, 18 лет; Томми А. Ф., 26 лет; Белкин С. И., 26 лет; Ефимов Дмитрий, 22 лет, и ремесленники мелких мастерских и фабрик: Файн, 24 лет, Кац, 22 лет, Ролькин, 19 лет, и другие, фамилии которых не помню. Из интеллигентов-руководителей: Григорий Лейтейзен (Линдов) — студент Киевского университета, Мандельштам Г. Н., Винокуров А. Н. (врач) и Фрейдель — студент Киевского университета.

Организация кружка явилась как бы ответом на те разговоры, которые шли среди рабочих. Все чаще раздавались голоса протеста против притеснений и произвола администрации; выражение же протеста бунтами (разбитием стекол, поломкой машин, избиением того или иного начальника), кроме порчи машин и имущества, не приводило к облегчению положения рабочих; поэтому рабочие приходили все больше к убеждению, что лишь путем организованного выступления всех рабочих, стачкой или демонстрацией, можно заставить администрацию пойти на уступки; такие разговоры приходилось слышать нам почти в каждой мастерской.

Одно событие, происшедшее со мной и Мазановым, которого я знал и раньше, заставило нас перейти от разговоров к делу. Наши отцы работали все вместе в рельсопрокатном цехе; и вот, как-то осенью, часов в 12 ночи, мы одновременно пришли в трактир на фабричной стороне «Красное село» за отцами, которые артелью

пропивали деньги, заработанные за перевозку вальцев. На все просьбы идти домой, мы получали только подзатыльники. Но, зная, что дома родные ждут с тревогой возвращения отцов, мы не могли их оставить и стали на улице, возле трактира, ожидать, когда они пойдут домой.

Пока в трактире пили и ели, мы многое передумали и задавали вопросы, кому выгодно и на что нужно пьянство рабочих; и решили отдать свою жизнь на борьбу за этих несчастных, темных, забитых людей, губящих свое здоровье на заводах и в трактирах. С этой памятной ночи и началось искание людей, могущих указать нам правильную дорогу, помочь и объединить всех рабочих. Вскоре мы с Мазановым познакомились с Дмитрием Ефимовым, работавшим на болторезном станке в мостовом корпусе, где работал и я в разметной.

Разговор начался о тяжелом положении рабочих и каким способом помочь им; на эту тему разговоры шли почти каждый день не только с нами, но и с Томми, Белкиным, Гудимовым, Афанасьевым и другими рабочими. Как-то Ефимов принес почитать книжечки: «Кто чем живет?» Дикштейна, «Речь Алексеева» и «Речь Варлена перед судом в Париже»; для нас в этих книжечках было откровение, и мы их почти все знали на память.

После раздачи нам книжечек он пригласил к себе на квартиру на Чечелевку меня, Мазанова и других. Ознакомившись ближе с нами, он сообщил, что сам он малограмотный и не может нам рассказать и ответить на те вопросы, которые мы ему задавали, но что он познакомит нас с интеллигентами, умеющими все объяснить. Было условлено, что он познакомит пока только Мазанова и меня, а потом и других. Через несколько дней мы были приглашены к нему и познакомились с «Григорием» (Лейтейзеном), как мы после узнали на допросе у жандармов.

Первое впечатление при встрече с ним получилось самое хорошее: среднего роста, черные, как смоль, волосы, открытый высокий лоб, чистые глаза и плавная, спокойная речь. Мы как-то сразу сошлись и отнеслись доверчиво друг к другу. Знанием положения рабочих и толковыми, понятными ответами на наши вопросы он еще больше закрепил наше доверие к нему.

В следующий раз мы пришли почти все: Мазанов, Томми, Белкин, Гудимов, Афанасьев и я; тогда и было принято решение организовать кружок рабочих Брянского завода и ремесленников: Файна, Каца, Рольника, Шульца и др. Был выработан устав, определен процент с получаемого жалованья в кассу на нужды кружка; приобрели гектограф; и с этого дня, в начале 1894 года, собственно, и началась правильная организация и деятельность первого социал-демократического кружка рабочих г. Екатеринослава.

Деятельность нашего кружка заключалась в следующем:

1. Агитация среди рабочих за 8-часовой рабочий день; истребовать, чтобы все хозяева заводов, фабрик, мастерских и торговых заведений, имеющих у себя не менее 50 человек рабочих,

обязаны были за свой счет содержать школу для детей, приемный покой, баню без всякой платы со своих рабочих и членов их семей.

2. Собирать сведения о случаях злоупотребления власть имущих, распространять нелегальную литературу, устраивать массовые собрания как на заводе, так и вне, знакомить с рабочим движением в России и за границей, в особенности в Германии, где выступал Август Бебель.

3. При забастовках требовать свободы собраний, слова и выбора постоянных представителей из рабочих для защиты своих интересов.

Но мы хорошо сознавали, что для проведения всех пунктов нужно было много знаний при решении того или другого вопроса на заводе или фабрике. Для приобретения же необходимых знаний по вопросам охраны труда, политической экономии, истории рабочего движения и по другим предметам нужно было познакомиться со многими книжками. Ведь все мы были малограмотные, окончив лишь сельские школы. После рабочего дня на заводе мы почти каждый вечер собирались на Чечелевке, в квартире Ефимова, и там под руководством интеллигентов учились, как лучше, вернее объединить всех рабочих в одну семью и бороться за общее дело. Преподавателем был в начале «Григорий», но он не мог быть каждый вечер на собрании и заниматься с нами.

Как-то раз мы застали у Ефимова вместо «Григория» другого преподавателя,— как после выяснилось, А. Н. Винокурова (врача), с которым и познакомил нас хозяин квартиры Ефимов. Высокого роста, с бородкой, прямой, всегда сдержанный, холодный, всегда настороже — все это вместе взятое не давало той необходимой спайки между нами, которой мы так хотели. Мы не знали тогда, что он находился в Екатеринославе под надзором полиции, чем и объяснялось его, так поразившее нас, поведение. Самым интересным посетителем был для нас Григорий Мандельштам, приходивший на собрания («историк», как мы его прозвали).

Кроме указанных преподавателей нашего кружка был и Фрейдель, студент Киевского университета, он занимался с нами по разным предметам и заменял того или другого преподавателя во время их отсутствия. Занятия распределялись так: Григорий Лейтейзен вел с нами беседы по агитации среди рабочих и по рабочему движению в России и за границей, А. Н. Винокуров — по политической экономии, охране труда и естествознанию, Григорий Мандельштам объяснял историю народов, образование государств и их формы правления.

Сутулый, изможденный, с удушливым кашлем, Мандельштам казался нам как бы затравленным, совершенно беззащитным человеком. Помню, после обычных наших рассказов о положении дел на заводах и фабриках города он заявлял: «Ну, а теперь перейдем к истории» — и начинал свои устные передачи каких-либо событий из истории народов или государств. Нужно было видеть его в это

время! Он преображался, из сутулого делался прямым, и удушливый кашель оставлял его.

Каждый из нас старался не проронить ни слова, и мы уходили с его исторических рассказов просветленными и еще с большим желанием послушать нашего историка. Помню его определение истории. История — это повествование о борьбе двух классов; класса угнетателей и класса угнетаемых. Как в природе есть свет и тьма, тепло и холод, огонь и вода, два вечно борющихся начала, так и в жизни народов через всю историю человечества проходит красной нитью классовая борьба, принимая ту или иную форму, но по существу оставаясь неизменной.

Пособиями для ознакомления по всем указанным выше предметам и по общему развитию служили следующие книги: Шелгунова — «Положение рабочего класса в Англии»*, Ланге — «8-часовой рабочий день», К. Маркса I и II тома «Капитала», Августа Бебеля и Энгельса—сочинения по разным вопросам, Дементьева—«Фабрика, что она дает и что берет у населения», лекции по истории проф. Ключевского, Липперта, Тэйлора и др.; сочинения почти всех лучших русских писателей: Белинского, Добролюбова, Писарева, Некрасова и др.

После 6 месяцев подготовки члены нашего кружка уже могли самостоятельно вести агитационную работу среди рабочих и стать во главе стачки по какому угодно случаю.

Работа нашего кружка шла энергично, захватывая все больше и больше рабочей молодежи. В это же время начал организовываться женский кружок, в котором принимали участие сестра Файна, Рольника, жена Норинского и другие знакомые девушки, живущие на Чечелевке, Кайданах и на фабричной стороне; налаживались связи с другими городами.

Обыкновенно мы делали так: с вечера подготовляли нелегальщину, чтобы утром нести в завод, являясь на работу раньше гудка. По приходе рабочих в мастерские, почти во всех цехах завода можно было видеть, как рабочие сходились в кружки и обсуждали подобранную прокламацию или нелегальную книжку. Нас почти все знали в лицо; указывали на нас как на социалистов; многие рабочие приходили, знакомые и незнакомые, спрашивать, нет ли почитать листка или запрещенной книжечки; большею частью приходилось отказывать за неимением таковых.

Нередко были и такие случаи: гудок прогудел, работа окончена, все рабочие идут домой, в проходной давка — и вот кто-нибудь из знающих нас кричит через толпу: «Мазанов или Смирнов! Принесите завтра на работу «Речь Алексеева» или «Кто чем живет?»». Для опытных людей было ясно, что нас при такой открытой агитации арестуют; между прочим, нас предупреждал об этом и Костя Норинский, высланный в Екатеринослав из Питера; но мы так

---

* Очевидно, автор имеет в виду работу Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции».—*Ред.*

увлеклись, что на его благоразумные советы быть осторожней только посмеивались и продолжали вести агитацию среди рабочих по-прежнему; собирали вскладчину деньги, устраивали вечеринки и там, в среде заводской молодежи, вели беседы по рабочему вопросу.

Как-то Мазанов сообщил мне, чтобы я пришел к нему в прокатный цех, где он работал токарем на вальцах, познакомиться с одним тоже токарем, Ткаченко. Прихожу, начали разговор; Ткаченко и говорит: «Я знаю, вы раскидываете прокламации и нелегальную литературу и где-то собираетесь; все это бесполезно, лучше бросайте бомбы, тогда скорей добьетесь улучшения положения рабочих». На это мы ответили: «Ну нет, на бомбах далеко не уедешь; рабочие делали почище: ломали машины, били и убивали директоров, а помочь своему положению не помогли».

Так мы с ним и разошлись. Прошло несколько дней после разговора с Ткаченко; как-то, идя домой с собрания от Ефимова, Мазанов и Афанасьев заметили идущих за нами двух прилично одетых господ. Когда мы вошли во двор чужого дома, они остановились, осматривая, куда мы ушли, и записали что-то. Но и на этот случай никто не обратил надлежащего внимания, вскоре и совсем про него забыли; мы продолжали вести агитацию, как и раньше.

В ночь на 24 августа 1895 года, возвратившись с Борисом Афанасьевым с собрания домой (Борис жил у нас в семье) и приготовив на завтра для завода литературу, мы легли спать. Спали на дворе в сарае. Вдруг сквозь сон слышу стоны матери и звон жандармских шпор. Не успел я разбудить Бориса, как жандармы вошли в сарай. После обыска меня арестовали. Борис остался на свободе, но ненадолго.

Печатается по тексту журнала «Пролетарская революция» № 7 за 1922 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *I Интернационал*—Международное Товарищество Рабочих, первая массовая международная организация пролетариата, основанная в 1864 г. Возглавляемый Марксом и Энгельсом. I Интернационал руководил экономической и политической борьбой рабочих различных стран и укреплял их международную солидарность, вел борьбу против мелкобуржуазных влияний и сектантских тенденций, господствовавших тогда в рабочем движении (тред-юнионизм, прудонизм, анархизм и др.). I Интернационал сыграл большую роль в деле распространения марксизма, соединения социализма с рабочим движением. I Интернационал фактически прекратил свое существование в 1872 г. В 1876 г. на конференции в Филадельфии I Интернационал был официально распущен.

Историческое значение I Интернационала заключается в том, что он, по словам В. И. Ленина, «заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал». — *22.*

[2] *«Народная воля»* — тайная революционная организация народников-террористов; возникла в августе 1879 г. в результате раскола подпольной организации революционных народников «Земли и воли»; ставила своей задачей свержение самодержавия путем политического заговора и индивидуального террора. Основные программные положения народовольцев сводились к организации «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, к провозглашению буржуазных свобод. Предусматривались передача земли народу и разработка мероприятий по переходу фабрик и заводов в руки рабочих. Практической деятельностью «Народной воли» руководил Исполнительный комитет, в который входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. 1 марта 1881 г. народовольцами был убит царь Александр II. Организаторы и участники покушения (Желябов, Михайлов, Кибальчич и др.) были казнены 3 апреля 1881 г. по приговору особого присутствия сената. Убийством царя народовольцы, по словам В. И. Ленина, «исчерпали себя», идеология народничества потерпела крах, их партия перестала существовать. — *24.*

[3] *Брентанисты*— последователи одного из направлений в буржуазной политической экономии, названного по имени его главного представителя—немецкого экономиста Л. Брентано (1844—1931). Брентанизм проповедовал «социальный мир» в капиталистическом обществе, возможность разрешения рабочего вопроса путем организации реформистских союзов и посредством фабричного законодательства буржуазного государства. Ленин определял брентанизм как «либерально-буржуазное учение, признающее censorship-free нереволюционную «классовую» борьбу пролетариата» (Соч., изд. 4, т. 28, стр. 209). В России к идеям брентанизма были очень близки «легальные марксисты». — *25.*

[4] *«Рабочее Дело»* — журнал «экономистов», непериодический орган «Союза русских социал-демократов за границей». Издавался в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 г. Начал выходить вместо «Листка Работника». Всего вышло 12 номеров журнала. — *25.*

[5] «*Колокол*»— революционно-демократическая газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Вольной русской типографии, основанной Герценом. С 1857 по 1865 г. газета выходила в Лондоне, а с 1865 по 1868 г.— в Женеве сначала ежемесячно, затем два раза в месяц. «Колокол» сыграл огромную роль в истории революционного движения в России. Он содействовал пробуждению революционного сознания в народе, помог расширить круг борцов против царизма.—*27*.

[6] «*Письмо к Гоголю*» — написано В. Г. Белинским в июле 1847 года; впервые опубликовано А. И. Герценом в «Полярной Звезде» в 1855 году (см. В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. III, 1948, стр. 707—715).—*27*.

[7] *Алексеев П. А.* (1849—1891) — выдающийся русский рабочий-революционер; в начале 70-х годов участвовал в революционном кружке в Петербурге; в конце 1874 г. переехал в Москву, где вел революционную пропаганду среди рабочих. В апреле 1875 г. был арестован, судился по «процессу 50-ти». На процессе произнес яркую речь, в которой обрисовал тяжелое положение русского рабочего класса. Царский суд приговорил Алексеева к 10 годам каторжных работ. Вскоре после выхода на поселение был убит бандитами.—*28*.

[8] *Халтурин С. Н.* (1856—1882) — выдающийся русский революционер. Вместе с В. П. Обнорским был организатором и руководителем в 1878—1879 гг. «Северного союза русских рабочих». После ареста в 1879 г. ряда активных деятелей союза Халтурин вошел в организацию «Народная воля» и стал участвовать в террористической борьбе. В 1880 г. он организовал взрыв в Зимнем дворце, но покушение на царя не удалось. В 1882 г. за участие в подготовке убийства одесского военного прокурора был казнен. — *28*.

[9] «*Искра*» — первая общерусская политическая газета революционных марксистов, основанная В. И. Лениным в 1900 г. за границей. «Искрой» был разработан проект программы партии и подготовлен созыв II съезда РСДРП. На II съезде была утверждена редакция «Искры» в составе Ленина, Плеханова, Мартова. Последний отказался войти в редакцию, а вскоре из-за принципиальных разногласий с Плехановым, перешедшим на меньшевистские позиции, вышел из редакции и В. И. Ленин. В ноябре 1903 г. Плеханов единолично кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов-меньшевиков. С № 52 газета стала меньшевистской. В отличие от старой, ленинской «Искры» она стала называться новой.—*28*.

[10] «*Рабочий*» — первая русская нелегальная социал-демократическая газета. Издавалась группой Д. Благоева в 1885 г. Всего вышло два номера. — *29*.

[11] *Шелгунов В. А.* (1867—1939) — один из активных деятелей первого поколения рабочих-марксистов в России, профессиональный революционер. В революционное движение вступил в 1886 г.; участник группы Точисского и группы Бруснева. Один из организаторов и деятелей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», за что был арестован и сослан в Архангельскую губернию. Позднее работал в социал-демократических организациях Екатеринослава, Баку, Петербурга. В 1905 г. был вновь арестован и заключен в тюрьму. В 1910 г. участвовал в организации газеты «Звезда», в 1912 г.— «Правды». Будучи сосланным на Кавказ, продолжал вести там революционную работу. После Февральской революции вел партийную работу в Петрограде, затем в Москве. — *29*.

[12] *Бабушкин И. В.* (1873—1906) — один из передовых рабочих-большевиков, выдающийся деятель РСДРП. В революционное движение вступил в 1891 г. в Петербурге. С 1893 г. входил в социал-демократический кружок, руководимый В. И. Лениным; принимал участие в составлении и распространении первых прокламаций. В 1895 г.— активный деятель ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», руководитель рабочих с.-д. кружков. После ареста в 1896 г. и высылки из Петербурга продолжает вести революционную работу в Екатеринославе, где организовал целую сеть марксистских кружков среди рабочих. С 1900 г. — один из агентов «Искры», активный ее корреспондент. В 1902 — 1903 гг. на партийной работе в Петербурге, где вел упорную борьбу против экономистов. В период первой русской революции входил в состав Иркутского и Читинского комитетов РСДРП. В январе 1906 г. при перевозке транспорта с оружием был захвачен и расстрелян карателями.—*29*.

[13] «*С.-Петербургский Рабочий Листок*» — нелегальная газета, орган петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вышло два номера: № 1— в феврале (помечен январем) 1897 года, напечатан в России на мимеографе в количестве 300—400 экземпляров, и № 2—в сентябре 1897 года в Женеве (Швейцария).—*29*.

[14] «*Работник*» — непериодический сборник, издававшийся в Женеве в 1896—1899 гг. «Союзом русских социал-демократов за границей». Всего вышло три книги.—*30*.

[15] «*Вперед*» — нелегальная большевистская газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 года (4 января 1905 года) по 5 (18) мая 1905 года; вышло 18 номеров. Организатором, идейным вдохновителем и руководителем газеты был В. И. Ленин. В состав редакции входили также В. В. Воровский, М. С. Ольминский и А. В. Луначарский.

III съезд РСДРП в специальной резолюции отметил выдающуюся роль газеты «Вперед» в борьбе с меньшевизмом, за восстановление партийности, в постановке и освещении выдвинутых революционным движением вопросов тактики и выразил благодарность редакции газеты.—*31*.

[16] «*Пролетарий*» — нелегальная большевистская еженедельная газета, Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением пленума Центрального Комитета партии от 27 апреля (10 мая) 1905 года ответственным редактором ЦО был назначен В. И. Ленин.

«Пролетарий» издавался в Женеве с 14(27) мая по 12(25) ноября 1905 года. Вышло 26 номеров. Постоянное участие в работе редакции принимали В. В. Воровский, А. В. Луначарский и М. С. Ольминский. «Пролетарий» продолжил линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед». Ленин написал в газету свыше 50 статей и заметок. Статьи Ленина из газеты «Пролетарий» перепечатывались в местных органах большевистской печати, издавались отдельными листовками.

Вскоре после отъезда Ленина в Россию, в ноябре 1905 года, издание газеты «Пролетарий» было прекращено. Последние два номера газеты (25 и 26) вышли под редакцией В. В. Воровского.—*31*.

[17] «*Новая Жизнь*» — первая легальная большевистская газета; выходила ежедневно с 27 октября (9 ноября) по 3(16) декабря 1905 года в Петербурге. С приездом Ленина из эмиграции в Петербург, в начале ноября, газета стала выходить под его непосредственным руководством. «Новая Жизнь» являлась фактически Центральным Органом РСДРП. Ближайшими сотрудниками газеты были В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский и другие. Активное участие в «Новой Жизни» принимал А. М. Горький, оказывавший газете также большую материальную помощь.

В № 9 «Новой Жизни» от 10 ноября 1905 года появилась первая статья Ленина «О реорганизации партии». Затем было напечатано еще свыше десяти его статей. Ежедневный тираж газеты доходил до 80 тысяч экземпляров. «Новая Жизнь» подвергалась многочисленным репрессиям. Из 27 номеров газеты 15 было конфисковано и уничтожено. После выхода в свет 27-го номера, 2(15) декабря, «Новая Жизнь» была закрыта правительством. Последний, 28-й, номер вышел нелегально.—*31*.

[18] «*Начало*» — ежедневная легальная меньшевистская газета; выходила в Петербурге в ноябре — декабре 1905 года.—*31*.

[19] «*Волна*» — легальная ежедневная большевистская газета; выходила в Петербурге с 26 апреля (9 мая) по 24 мая (6 июня) 1906 года; вышло 25 номеров. Начиная с № 9, 5(18) мая 1906 года (после окончания работ IV съезда и приезда Ленина из Стокгольма), газета фактически редактировалась Лениным. В газете напечатано свыше 20 статей Ленина. В работе редакции принимали участие В. В. Воровский и М. С. Ольминский. «Волна» подвергалась многочисленным полицейским репрессиям; была закрыта царским правительством. Вместо «Волны» стала выходить легальная большевистская газета «Вперед».—*31*.

[20] «*Эхо*» — легальная большевистская ежедневная газета; выходила в Петербурге с 22 июня (5 июля) по 7(20) июля 1906 года вместо закрытой правительством

газеты «Вперед». Вышло 14 номеров. Редактором газеты фактически был Ленин. В каждом номере печатались ленинские статьи. Ленин принимал непосредственное участие в работе отдела «Среди газет и журналов».

Почти все номера газеты «Эхо» подвергались репрессиям. Накануне разгона I Государственной думы газета была закрыта.—*31*.

[21] *«Народная Дума»* — ежедневная меньшевистская газета; выходила в Петербурге в марте — апреле 1907 года.—*31*.

[22] *«Вестник Европы»* — ежемесячный историко-политический и литературный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Петербурге с 1866 по 1918 г. В журнале печатались статьи против революционных марксистов.—*35*.

[23] *«Речь»* — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге в 1906—1917 гг.—*35*.

[24] Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», изданный 9(22) ноября 1906 г., и закон 14(27) июня 1910 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» определяли правила выхода крестьян из общины и закрепления за ними надельной земли в собственность.—*36*.

[25] *«Русская Мысль»* — ежемесячный журнал либерально-народнического направления; выходил в Москве с 1880 г. После революции 1905—1907 гг. стал органом правого крыла партии кадетов. Закрыт в середине 1918 г. В 1921 г. издание журнала было возобновлено русскими белоэмигрантами за границей (София, Прага, Берлин) и продолжалось до 1924 г.—*36*.

[26] См. *Н. Г. Чернышевский.* Избранные сочинения, т. V, 1932, стр. 412. —*38*.

[27] *Партия кадетов (конституционно-демократическая партия)* — партия российской либерально-монархической буржуазии, образовалась в октябре 1905 г. Прикрываясь фальшивым демократизмом и именуя себя партией «народной свободы», старалась привлечь на свою сторону крестьян. Кадеты стремились сохранить царизм в форме конституционной монархии. В дальнейшем кадеты превратились в партию империалистической буржуазии. После победы Октябрьской социалистической революции кадеты организовывали контрреволюционные заговоры и восстания против Советской власти. Декретом Советского правительства от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. кадеты были объявлены врагами народа.—*39*.

[28] *Партия октябристов («Союз 17 октября»)* — контрреволюционная партия крупной промышленной буржуазии и крупных обуржуазившихся помещиков; образовалась вскоре после выпуска царского манифеста 17 октября 1905 г. Октябристы безоговорочно поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царизма.—*39*.

[29] 3(16) июня 1907 г. в России произошел реакционный государственный переворот, выразившийся в разгоне царским правительством II Государственной думы и изменении закона о выборах в Думу.—*40*.

[30] *«Новое Время»* — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 г.; неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, с 1876 г. она стала органом реакционных дворянских и чиновничье-бюрократических кругов. С 1905 г.—орган черносотенцев. Закрыта петроградским Военно-революционным комитетом 26 октября (8 ноября) 1917 г.—*40*.

[31] См. *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 7.—*52*.

[32] *«Наказ чинам фабричной инспекции»* — инструкция, содержащая перечень обязанностей фабричных инспекторов. Наказ, утвержденный министром финансов С. Ю. Витте, был опубликован в июне 1894 г.—*67*.

[33] *Закон 19 мая 1871 г.*— имеются в виду «Правила о порядке действий корпуса жандармов по исследованию преступлений», утвержденные правительствующим сенатом, по которым судебным властям вменялось содействовать жандармам в обнаружении преступлений и производстве дознаний.—*83*.

[34] *«Вперед!»* — газета народнического направления, издавалась П. Л. Лавровым в Лондоне в 1875—1876 гг.—*84*.

[35] *Петрашевцы* — члены кружка передовой русской интеллигенции, существовавшего в 1845—1849 гг. в Петербурге, организованного М. В. Петрашевским (1821—1866). В основе программы кружка лежало требование уничтожения феодально-крепостнического строя. Петрашевским и Спешневым был разработан проект освобождения крестьян с наделением их землей без выкупа. Для успешного проведения демократических преобразований кружковцы считали необходимым уничтожение самодержавия и установление в России демократической республики. Средством свержения царизма они считали массовое народное восстание. В апреле 1849 г. по доносу провокатора кружок был разгромлен; часть петрашевцев была сослана в Сибирь на каторжные работы. Историческое значение кружка Петрашевского состоит в том, что он сделал шаг вперед от идей дворянских революционеров к идеям разночинной демократии и сыграл значительную роль в распространении революционно-демократических взглядов среди передовых слоев русского общества.—*84*.

[36] *Каракозовцы* — так иногда называли членов народнического «кружка ишутинцев», организованного в 1863 г. в Москве Н. А. Ишутиным. Члены кружка распространяли идеи утопического социализма, мечтая о переустройстве России на началах общинного и кооперативно-артельного «социализма». Основным средством борьбы с царизмом кружковцы считали индивидуальный террор. В этот кружок входил Д. В. Каракозов (1840—1866), который в 1866 г. совершил неудачное покушение на Александра II, после чего «кружок ишутинцев» был разгромлен полицией.—*84*.

[37] *Нечаевцы* — революционеры-заговорщики, создавшие в 1869 г. в Москве нелегальную группу «Народная расправа». Руководитель группы С. Г. Нечаев (1847—1882) насаждал авантюристические методы борьбы, беспринципный терроризм. За это он был резко осужден К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые квалифицировали его взгляды как образчик «казарменного коммунизма». В декабре 1869 г. «Народная расправа» была разгромлена царским правительством.—*84*.

[38] *Долгушинцы* — члены кружка революционных народников, образовавшегося в Петербурге в 1872 г. вокруг А. В. Долгушина (1848—1885). Долгушинцы считали, что необходимо немедленно, без длительной предварительной подготовки, начать крестьянскую революцию. Этой цели они подчинили свою пропаганду среди крестьян. После переезда в Москву долгушинцы организовали нелегальную типографию, в которой было отпечатано несколько прокламаций к крестьянам. В 1873 г. члены кружка были арестованы и осуждены.—*84*.

[39] *Петров Антон* (настоящее имя и фамилия — Антон Петрович Сидоров)— руководитель восстания крестьян села Бездна, Спасского уезда, Казанской губернии, вспыхнувшего после отмены крепостного права, весной 1861 г. Восстание крестьян было жестоко подавлено. Антон Петров по приговору военно-полевого суда 19 апреля 1861 г. был расстрелян.—*85*.

[40] *Волков В. С.* (1859—?) — рабочий-революционер. В 1885 г. работал ткачом на Никольской мануфактуре Морозова в Орехово-Зуеве, где участвовал в кружке рабочих, организованном П. А. Моисеенко. Волков был ближайшим помощником Моисеенко в организации Морозовской стачки, сыгравшей большую роль в истории революционного движения. В 1886 г. Волков вместе с другими участниками стачки был предан суду, но был оправдан присяжными заседателями. Несмотря на оправдание, был выслан в административном порядке на 3 года в Вологодскую губернию, где вскоре умер.—*91*.

[41] *Моисеенко П. А.* (1852—1923) — выдающийся русский рабочий-революционер. В революционном движении с 70-х годов XIX в., член «Северного союза русских рабочих». Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. В 1883 г., вернувшись из ссылки, поступил на Никольскую мануфактуру Морозова в Орехово-Зуеве, где в 1885 г. был одним из организаторов известной Морозовской стачки. Принимал активное участие в революции 1905—1907 гг. Участник гражданской войны, во время которой вступил в партию большевиков.—*92*.

[42] *«Московский Листок»* — ежедневная буржуазная газета, выходила в 1881—1916 гг. в Москве.—*94*.

[43] В. И. Ленин цитирует работу А. И. Герцена «Концы и начала» (см. *А. И. Герцен.* Избранные сочинения, 1937, стр. 349).—*117*.

[44] Ленин цитирует письма А. И. Герцена «К старому товарищу» (четвертое и второе) (см. *А. И. Герцен.* Избранные сочинения, 1937, стр. 385, 379).—*118*.

[45] *Трудовики* (*«Трудовая группа»*) — группировка мелкобуржуазных демократов, образовавшаяся в I Государственной думе в апреле 1906 г. из числа депутатов (крестьян и интеллигентов) народнического направления. Они требовали уравнительного распределения земли по трудовой норме (отсюда их название), отмены всех сословных и национальных ограничений, демократизации земского и городского самоуправления, осуществления всеобщего избирательного права для выборов в Государственную думу.

В 1917 г. трудовики слились с «народными социалистами», активно поддерживали контрреволюционное Временное правительство, выступали врагами Октябрьской социалистической революции.—*119*.

[46] *Всероссийский крестьянский союз* — крестьянская организация, возникшая летом 1905 г. под влиянием революционной борьбы рабочего класса против царского самодержавия. Союз объединял значительные массы крестьянства, однако руководство в нем с самого начала принадлежало либеральной и народнической интеллигенции. После Февральской революции Главный комитет союза призывал к поддержке Временного правительства, к сохранению помещичьей собственности, к продолжению войны. Опоры в крестьянских массах союз уже почти не имел. Открыто контрреволюционная политика союза окончательно оттолкнула от него массы трудящегося крестьянства. Октябрьская революция ликвидировала Крестьянский союз.—*119*.

[47] *«Полярная Звезда»*— литературно-политический сборник; первые три книги изданы А. И. Герценом, следующие — А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне, в Вольной русской типографии в 1855—1862 гг. Последняя книга сборника издана в Женеве в 1868 г. Всего вышло 8 книг.—*119*.

[48] *Серно-Соловьевич Н. А.* (1834—1866) — видный участник революционно-демократического движения начала 60-х годов XIX в. В 1862 г. был арестован царским правительством и приговорен в 1865 г. к 12 годам каторжных работ и пожизненной ссылке в Сибирь, где вскоре умер.—*119*.

[49] *«Отечественные Записки»* — литературно-политический журнал, начал издаваться в Петербурге в 1820 г.; с 1839 г. становится лучшим прогрессивным журналом того времени. В работе журнала принимали участие В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, Н. П. Огарев и др. С 1846 г., после ухода из редакции Белинского, значение «Отечественных Записок» стало падать. С 1868 г., когда журнал перешел в руки Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, наступил период нового расцвета «Отечественных Записок»; в это время журнал группировал вокруг себя революционно-демократическую интеллигенцию. После смерти Некрасова преобладающее влияние в журнале приобрели народники. Журнал подвергался непрерывным цензурным преследованиям и в апреле 1884 г. был закрыт царским правительством.—*122*.

[50] *Манчестерец* — сторонник «манчестерской школы» английской буржуазной политической экономии, выступавшей в первой половине XIX в. за свободу торговли и отмену законов, стеснявших развитие капитализма. Манчестерцы выражали интересы промышленной буржуазии, основным двигателем производства считали свободную конкуренцию. Центром этого движения был промышленный город Манчестер.—*124*.

[51] *«Московские Ведомости»* — газета; с 1756 г. издавалась Московским университетом в виде небольшого листка; с 1863 г. стала монархо-националистическим органом, выражавшим взгляды крайне реакционных слоев помещиков и духовенства. С 1905 г.— один из главных органов черносотенцев. Выходила до Октябрьской революции 1917 г.—*127*.

[52] *Стасюлевич М. М.* (1826—1911) — публицист, профессор-историк и общественный деятель, видный представитель буржуазного либерализма, мечтавший о конституционной монархии английского образца. С 1866 по 1908 г. издавал и редактировал журнал «Вестник Европы», с 1881 по 1882 г.— газету «Порядок».—*130*.

[53] Характеристику Скалдина как умеренного консерватора дал Энгельс в статье «Soziales aus Rußland» («Об общественных отношениях в России») (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. XV, 1933, стр. 261).—*130*.

[54] В. И. Ленин, говоря об идейном «наследстве» 60-х годов XIX в., вынужден был по цензурным соображениям ссылаться на Скалдина. В действительности главным представителем указанного «наследства» Ленин считал Н. Г. Чернышевского. В письме из сибирской ссылки от 26 января 1899 г. А. Н. Потресову В. И. Ленин пишет: «...ведь принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей,— это бесспорно. Мне сдается, что защитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание на стр. 237 (см. стр. 130 наст. изд.— *Ред.*), где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели».—*130*.

[55] *Смит А.* (Smith, A.) (1723—1790) — один из крупнейших представителей английской буржуазной политической экономии. В. И. Ленин охарактеризовал его как «великого идеолога передовой буржуазии».—*131*.

[56] *Русская секция I Интернационала* представляла собой революционно-демократическую организацию русских эмигрантов, возникшую в Женеве в 1870г. Программа ее содержала черты революционного просветительства 60-х годов и народничества 70-х годов. Организатором и руководителем ее был Н. И. Утин. Как и просветителей, членов Русской секции объединяли ненависть к крепостному праву и всем его порождениям, защита дела просвещения народа, отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьянства. Но они отходили от Чернышевского и его соратников в признании европейских форм жизни более прогрессивными. Как и народники, они считали развитие капитализма в России регрессом, не видели расслоения в деревне, рассматривали крестьянство с его общиной как движущую силу социалистических преобразований в нашей стране. Однако в противовес народникам, члены Русской секции считали, что освобождение народа произойдет путем народной революции, а не будет результатом активной деятельности интеллигенции. В отличие от народников члены Русской секции считали необходимым использовать в России опыт западноевропейского революционного движения. С этой целью они стремились пропагандировать в России программу и практическую работу I Интернационала. Большую помощь оказала Русская секция I Интернационалу в его борьбе против анархизма Бакунина и нечаевщины.

Однако взгляды членов Русской секции были далеки от марксистских, они не восприняли главного в марксизме — учения о диктатуре пролетариата, им было чуждо учение Маркса об общественных классах и т. д. Социализм членов Русской секции оставался социализмом мелкобуржуазным. С русским революционным движением установить прочных связей ей не удалось. В 1872 г. Русская секция прекратила свое существование.—*133*.

[57] *Трусов А. Д.* —один из видных представителей русских революционных кругов 60-х — начала 70-х годов. Принимал активное участие в польском восстании 1863 г., за что был приговорен к смертной казни, но скрылся за границу. Вначале примкнул к организации М. Бакунина «Интернациональное братство», но вскоре стал в оппозицию к Бакунину и повел против него борьбу. В 1869—1870 гг. был секретарем редакции «Народного Дела». С организацией в 1870 г. Русской секции I Интернационала стал одним из видных ее деятелей. Принимал близкое участие в делах русско-польской эмиграции. В 1884 г. возвратился в Россию. Дальнейшая судьба его неизвестна.—*133*.

[58] *«Народное Дело»* — журнал группы русских революционеров-эмигрантов, издавался в Женеве в 1868—1870 гг. Первый номер был подготовлен М. Бакуниным, затем журнал выходил под редакцией Н. И. Утина. В 1870 г. фактически был органом Русской секции I Интернационала. Журнал отстаивал тактическую линию Генерального совета I Интернационала, борясь против анархизма Бакунина и его последователей, против нечаевщины, против идеологии панславизма. Заслугой «Народного Дела» перед русским революционным движением было ознакомление русского общества с задачами и деятельностью I Интернационала, а также призыв к необходимости ведения в России революционной пропаганды и создания революционной организации с целью всесторонней подготовки грядущей революции.—*133*.

[59] *Омладина* (сербск.: молодежь), или Объединение сербской молодежи,— литературно-просветительная организация сербской либеральной буржуазии,

возникла в 1866 г., в период подъема национально-освободительного движения в Сербии. Программой Омладины были культурно-просветительная деятельность, защита национальных интересов Сербии против Австро-Венгрии и Турции. Демократическое крыло Омладины во главе с С. Марковичем боролось против либерального руководства организации. Острая внутренняя борьба демократов и либералов привела в 1872 г. к роспуску организации. Историческое значение Омладины состоит в том, что она своей деятельностью способствовала росту самосознания сербского народа и подъему его политической активности.—*133*.

[60] *Швейцер И. Б.* (Schweitzer) (1833—1875) — один из видных представителей лассальянства — оппортунистического течения в немецком рабочем движении. В 1867—1871 гг. являлся президентом лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. Руководство Швейцера союзом носило характер личной диктатуры. Проявил себя как враг пролетарского интернационализма, вел борьбу против социал-демократической партии Германии. В 1872 г., после разоблачения его связей с прусскими властями, был исключен из Всеобщего германского рабочего союза.—*134*.

[61] *Утин Н. И.* (1840—1883)— один из видных представителей русских революционных кругов 60-х — начала 70-х годов. В 1861 г.— один из руководителей студенческого движения в Петербурге, за что был арестован и исключен из университета. По своим общественно-политическим взглядам был близок к Чернышевскому. В 1862 г. вошел в организацию «Земля и воля», в которой был членом Центрального комитета. После провала тайной типографии «Земли и воли», организатором которой он был, скрылся за границу. Там выступал за создание единого эмигрантского центра для поддержки революционного движения в России. В 1868—1870 гг.— член редакции журнала «Народное Дело». В 1870—1872 гг.—организатор и руководитель Русской секции I Интернационала. В середине 70-х годов отошел от революционного движения, уехал в Россию, работал инженером на одном из уральских заводов.—*135*.

[62] *Нетов В.* (революционный псевдоним Бартенева В. И.) (1838—?)— один из видных представителей русских революционных кругов, находился под сильным идейным влиянием Чернышевского. Будучи послан на подавление польского восстания 1863 г., старался оказывать содействие восставшим. В 1868 г. участвовал в работе конгресса Лиги мира и свободы в Берне (Швейцария). Вместе с М. Бакуниным был в числе организаторов «Альянса социалистической демократии». Входил в «Интернациональное братство» Бакунина, но вскоре порвал с ним и примкнул к группе «Народного дела». В 1870—1872 гг.— один из организаторов и видных деятелей Русской секции I Интернационала. Впоследствии, вернувшись в Россию, был связан с группой Бруснева.—*135*.

[63] Имеется в виду Генеральный совет I Интернационала.—*135*.

[64] *Даниельсон Н. Ф.* (псевдоним: Николай —он) (1844—1918) — русский писатель-экономист, один из идеологов народничества. В 60-х годах был связан с кружками революционеров-разночинцев. Осуществил первый перевод «Капитала» К. Маркса, начатый Г. Лопатиным. Работая над «Капиталом», он все же не понял сущности марксизма и впоследствии целиком перешел на позиции реакционного народничества. Взгляды Даниельсона неоднократно подвергались уничтожающей критике со стороны В. И. Ленина.—*137*.

[65] Имеется в виду Н. Г. Чернышевский, который после окончания срока каторжных работ в 1871 г. по приказу царского правительства был переведен с Александровского завода Нерчинского округа в г. Вилюйск Якутской области.—*137*.

[66] *«Очерки политической экономии по Миллю»* Н. Г. Чернышевского появились впервые в «Современнике» за 1861 г., а затем вошли в IV том Сочинений Чернышевского (Женева, 1870).—*137*.

[67] К. Маркс имеет в виду свое намерение выйти из состава Генерального совета I Интернационала после Гаагского конгресса.—*139*.

[68] Имеется в виду нечаевский процесс, происходивший в 1871 г. в Петербурге. Среди подсудимых были члены нечаевских кружков — участники студенческого движения осени 1869 г. Используя факт убийства С. Г. Нечаевым члена организации Иванова (за неподчинение дисциплине), царское правительство устроило публичный суд с целью очернить русских революционеров, представить их перед лицом общественного мнения как уголовных преступников. Процесс произвел двойственное впечатление на передовые слои общества: с одной стороны, мужественное поведение подсудимых вызвало восхищение; с другой стороны, заговорщическая тактика и террористические методы работы внутри организации вызвали резко отрицательное отношение к себе. Самого Нечаева судили уже в 1873 г., после выдачи его русской полиции швейцарским правительством. Нечаев был приговорен к 20 годам каторжных работ и в 1882 г. умер в тюрьме.—*139*.

[69] Статья Ф. Энгельса написана в апреле 1875 г. и является ответом на «Открытое письмо г. Фридриху Энгельсу», опубликованное П. Н. Ткачевым на немецком языке в 1874 г. Ткачев, находясь под влиянием бакунистских идей, высказывается в этом письме за немедленное проведение социальной революции в России, утверждая, что русский народ, благодаря общине, является «избранным народом социализма» (см. *П. Н. Ткачев.* Избранные сочинения на социально-политические темы, т. 3, М., 1933, стр. 88—98).—*140*.

[70] *Ткачев П. Н.* (1844—1885) — один из идеологов народничества. В 1861 г. участвовал в студенческих волнениях в Петербурге. В 1869 г. за участие в руководстве студенческим движением был арестован. В 1873 г. выехал за границу, где в 1875 г. начал издавать журнал «Набат», определив новое направление в революционном народничестве. Ткачев считал, что свержение царизма и установление революционной власти можно осуществить силами немногочисленной организации революционеров-интеллигентов. Ткачев не понял классовой сущности русского государства, которое, как он считал, не имеет корней в экономической жизни русского общества. Взгляды Ткачева нашли известное отражение в деятельности партии «Народная воля», которая считала возможным осуществить революционный переворот путем заговора.—*140*.

[71] Ф. Энгельс имеет в виду брошюру П. Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России», 1874.—*147*.

[72] *Ганс-живодер*—прозвище немецкого разбойника Иоганна Бюклера.—*148*.

[73] Имеется в виду Пятая буржуазная революция в Испании, начавшаяся в 1868 г. восстанием флота и части армии и вскоре охватившая всю страну. Восставший народ требовал провозглашения республики, но кортесы, собравшиеся в 1869 г., объявили Испанию монархией. В 1871—1872 гг. под влиянием Парижской коммуны усилилось рабочее движение. Благодаря движению народных масс король в 1873 г. отрекся от престола, и Испания была объявлена федеральной республикой. Однако проведенные правительством реформы не удовлетворили народные массы, и в стране вновь вспыхивают восстания. Среди восставших в разных частях страны, которыми руководили бакунисты, не было единства действий, и поэтому восстание было подавлено. В 1874 г. генерал Павиа разогнал кортесы, в стране была восстановлена монархия.—*149*.

[74] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 105—124.—*149*.

[75] *«Истинные социалисты»* — представители одного из направлений реакционного мелкобуржуазного социализма, получившего распространение в середине 40-х годов XIX в. в Германии. По словам Маркса и Энгельса, «истинный социализм» служил выражением реакционных интересов немецкого мещанства. Идейной основой этого направления была идеалистическая философия, которую они пытались сочетать с некоторыми положениями утопического социализма. Идеологи «истинного социализма» К. Грюн, М. Гесс, Г. Криге и др. отвергали политическую борьбу, тем самым помогая юнкерскому правительству Германии в борьбе против народных масс. «Истинный социализм» был «подслащенным дополнением к горечи плетей и ружейных пуль, которыми эти правительства усмиряли восстания немецких рабочих» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». Соч., 2 изд., т. 4, стр. 452).—*151*.

[76] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 452.—*151*.

[77] *Прудонизм* — одно из течений мелкобуржуазного социализма во второй половине XIX в. Теоретическая основа прудонизма представляет собой эклектическое смешение различных идеалистических систем французской и немецкой философии. В области общественных отношений прудонизм проповедовал примирение интересов буржуазии и пролетариата. Прудонизм выступал

противником всякой классовой борьбы и организаций рабочего класса. Маркс и Энгельс вели непримиримую борьбу с прудонизмом. Маркс подверг прудонизм уничтожающей критике в своей книге «Нищета философии». В 1891 г. Энгельс писал, что «прудонистская теория, в корне подорванная книгою Маркса, бесспорно исчезла с горизонта с тех пор, как пала Парижская Коммуна». Впоследствии оппортунисты II Интернационала неоднократно пытались возродить прудонизм под другими вывесками и использовать его в борьбе против рабочего движения.—*152*.

[78] *«Народная Воля»* — нелегальная газета одноименной организации народников, издававшаяся с октября 1879 по октябрь 1885 г. Всего вышло 12 номеров. «Народная Воля» печаталась в подпольных типографиях Петербурга, Москвы и других городов. В тех случаях, когда газета обычного размера по каким-либо причинам не могла быть выпущена, издавался «Листок Народной Воли» (с июня 1880 по ноябрь 1883 г. вышло 6 номеров «Листка»).—*153*.

[79] *«Календарь Народной воли на 1883 год»* — сборник документов и статей, изданный народовольцами в 1883 г. в Женеве.—*153*.

[80] *Тихомиров Л. А.* (1852—1923) — видный член партии «Народная воля», впоследствии ренегат. В 1878 г. стал членом партии «Земля и воля» и одним из редакторов ее печатного органа. С 1879 г.— член Исполнительного комитета партии «Народная воля». После разгрома «Народной воли», в 1883 г. эмигрировал за границу, был редактором «Вестника Народной воли». В 1888 г. отрекся от своих убеждений; после обращения с письмом к царю получил разрешение вернуться в Россию, где стал одним из видных монархистов; сотрудничал в монархистских и черносотенных органах. В 1917 г. отошел от политической деятельности.—*153*.

[81] *«Вестник Народной воли»* — журнал народовольцев, издававшийся в 1883—1886 гг. в Женеве. Вышло 5 номеров.—*153*.

[82] Плеханов имеет в виду свою книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданную им под псевдонимом Бельтов.—*153*.

[83] Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к Александру III вышло отдельной листовкой сразу же после убийства Александра II, 10 марта 1881 г. Оно было перепечатано в «Календаре Народной воли» за 1883 г., стр. 9—14.—*157*.

[84] *Данаиды* — в греческой мифологии 50 дочерей царя Даная, которые по наущению отца во время брачной ночи умертвили своих мужей. Разгневанные боги заставили их в преисподней наливать бездонную бочку. Выражение «наполнение бездонных бочек Данаид» стало синонимом бесполезного и бесконечного труда.—*158*.

[85] *«Земля и воля»* — организация революционных народников. Возникла в 1876 г. в Петербурге. Своей целью ставила подготовку крестьянского восстания против царизма и помещиков и введение социализма в России. Землевольцы считали крестьянскую общину зародышем и базой социализма, отрицая передовую, революционную роль российского пролетариата. В состав организации входили видные участники революционного движения тех лет: С. М. Кравчинский, Д. А. Клеменц, Александр Михайлов, Г. В. Плеханов, Н. А. Морозов и др. Переход к террористическим методам борьбы в конце 70-х годов вызвал разногласия между членами «Земли и воли», которые привели к расколу организации. Осенью 1879 г. «Земля и воля» прекратила свое существование, распавшись на две самостоятельные организации: «Народную волю», признавшую террористическую борьбу своей основной задачей, и «Черный передел», оставшуюся на позициях прежней программы «Земли и воли».—*162*.

[86] *Сеян, Луций Элий* (I в.) — римский политический деятель, любимец и временщик императора Тиберия, организовал заговор против императора с целью захвата власти, после чего был убит по приказанию последнего.—*163*.

[87] *«Зерно»* — нелегальная газета, издававшаяся группой «Черный передел» в 1880—1881 гг. Всего вышло 6 номеров; № 1 был отпечатан в Женеве, №№ 2—6—в России. Большое внимание газета уделяла народнической пропаганде среди городского пролетариата.—*166*.

[88] *«Рабочая Газета»* — нелегальный орган, издававшийся в Петербурге в 1880—1881 гг. группой рабочих — членов партии «Народная воля» под редакцией А. И. Желябова. Всего было издано 3 номера. Издание прекратилось ввиду разгрома организации.—*166*.

[89] См. прим. 78.—*167*.

[90] *«Неделя»* — еженедельная либерально-народническая газета, выходившая в Петербурге с 1866 по 1901 г. Газета выступала против борьбы с самодержавием, проповедовала теорию «малых дел», т. е. призывала интеллигенцию отказаться от революционной борьбы и заняться «культурничеством».—*168*.

[91] *К—н* (Капустин С. Я.) (1828—1891) — русский публицист и этнограф.—*169*.

[92] *В. В.*— литературный псевдоним Воронцова В. П. (1847—1918), русского экономиста и публициста, одного из идеологов либерального народничества 80—90-х годов. Воронцов утверждал, что в России нет условий для развития капитализма, выступал в защиту мелкого производителя, идеализировал крестьянскую общину. Он проповедовал примирение с царским правительством и решительно выступал против марксизма. Плеханов и Ленин в своих работах неоднократно разоблачали реакционные воззрения Воронцова.—*175*.

[93] *Родбертус-Ягецов И. К.* (Rodbertus-Jagetzow) (1805—1875) — немецкий вульгарный экономист, крупный прусский землевладелец, один из теоретиков «государственного социализма».—*176*.

[94] *Пругавин В. С.* (1858—1896) — русский экономист, земский статистик, либеральный народник, сотрудничал в журналах «Юридический Вестник», «Русская Мысль» и в газете «Русские Ведомости».—*177*.

[95] *Сквери М. П.* (1856—1924) — член «Южнороссийского союза рабочих», созданного в 1875 г. в Одессе. За активную деятельность в союзе в мае 1877 г. был приговорен к ссылке в Сибирь. После Октябрьской революции работал в области библиотековедения, сотрудничал в различных журналах.—*184*.

[96] *«Земля и Воля»* — журнал, издававшийся одноименной организацией революционных народников в Петербурге с ноября 1878 по апрель 1879 г. Всего вышло 5 номеров. Прекратил существование в связи с расколом организации «Земля и воля» на «Народную волю» и «Черный передел».—*196*.

[97] *Сысойка* — одно из действующих лиц повести Ф. М. Решетникова «Подлиповцы», тип темного, забитого крестьянина.—*197*.

[98] *«Рабочая Заря»* — первая рабочая газета в России. Единственный номер ее, вышедший в феврале 1880 г., был подготовлен и отпечатан группой рабочих — членов «Северного союза русских рабочих», оставшихся после арестов 1879 г.—*204*.

[99] *Соловьев А. К.* (1846—1879) — русский революционер-народник, примыкал к обществу «Земля и воля». 2 апреля 1879 г. неудачно стрелял в Александра II; был приговорен к смертной казни.—*212*.

[100] Имеются в виду съезды организации «Земля и воля». На совещании в Липецке, которое состоялось 17—20 июня 1879 г., группой землевольцев был выработан план действий на предстоявшем в Воронеже съезде всей организации землевольцев. На Воронежском съезде, который работал 18—21 июня, из-за разногласий по тактическим вопросам произошел раскол на две организации: «Народную волю» и «Черный передел».—*213*.

[101] *Квятковский А. А.* (1853—1880) — народник, один из организаторов партии «Земля и воля», позднее—один из руководителей партии «Народная воля», член ее Исполнительного комитета. 4 ноября 1880 г. был повешен за организацию покушения на Александра II.—*214*.

[102] *Желябов А. И.* (1850—1881) — выдающийся русский революционер, организатор и руководитель партии «Народная воля». Организовал ряд покушений на царя, закончившихся убийством Александра II 1 марта 1881 г. По приговору царского суда был казнен 3 апреля 1881 г.—*214*.

[103] 5 февраля 1880 г. С. Н. Халтурин, примкнувший к народовольцам, произвел взрыв в Зимнем дворце, но покушение на Александра II не удалось.—*214*.

[104] *Стрельников* — генерал, одесский военный прокурор, отличавшийся крайней жестокостью. Убит в 1882 г. народовольцем Н. А. Желваковым при непосредственном участии С. Н. Халтурина.—*215*.

[105] *Обнорский В. П.* (1852—1919) — выдающийся русский рабочий революционер. В 70-х годах вел революционную работу среди рабочих Петербурга и

Одессы. В 1878 г. вместе с С. Н. Халтуриным организовал в Петербурге «Северный союз русских рабочих». В 1880 г. был приговорен к 10 годам каторжных работ. После отбытия наказания отошел от революционной деятельности.—*215*.

[106] *Чайковцы* — члены петербургского кружка революционных народников (кружок незаслуженно назван по имени его члена Н. В. Чайковского, который не являлся организатором или руководителем кружка). Кружок был организован в 1871 г. М. А. Натансоном, С. Л. Перовской и др. Чайковцы в основном придерживались общественно-политических взглядов П. Л. Лаврова. Сначала чайковцы считали главной своей задачей самообразование и революционную пропаганду среди молодежи. Кружок издавал и распространял произведения Маркса, Чернышевского, Писарева и др. Затем чайковцы перешли к революционной агитации среди рабочих и крестьян. Члены кружка Синегуб, Чарушин, Кропоткин были тесно связаны с петербургскими рабочими, пропагандировали в их среде революционно-демократические идеи, начали изучение в рабочих кружках I тома «Капитала» К. Маркса. Осенью 1873 г. у чайковцев зародилась идея хождения в народ, но это мероприятие было сорвано массовыми арестами в 1874 г., после которых кружок фактически перестал существовать.—*215*.

[107] *«Процесс 193-х»* — судебное дело революционных народников, разбиравшееся с 18 октября 1877 по 23 января 1878 г. К суду были привлечены народники, ходившие в народ в 1873—1874 гг., а также лица, арестованные за революционную пропаганду среди рабочих. Среди подсудимых были чайковцы, И. Н. Мышкин — организатор неудавшегося побега Н. Г. Чернышевского из ссылки — и ряд других революционеров. Подсудимые были приговорены царским правительством к различным срокам каторжных работ и ссылке на поселение. Процесс оказал большое влияние на русское общество того времени.—*215*.

[108] *Чайковский Н. В.* (1850—1926) — один из представителей либерального народничества, после Октябрьской революции контрреволюционер. В 1869 г. вошел в кружок, организованный М. А. Натансоном (кружок чайковцев). После разгрома кружка в 1874 г. отошел от революционного движения. Позднее входил в Аграрно-социалистическую лигу — народническую организацию, возникшую за границей в 1899 г., затем примкнул к эсерам. После Октябрьской революции вошел во всероссийский «Комитет спасения родины и революции», участвовал в контрреволюционных военных организациях. В 1918 г. стал главой контрреволюционного правительства в Архангельске. После гражданской войны — белоэмигрант.—*215*.

[109] *Кравчинский С. М.* (литературный псевдоним — Степняк) (1851—1895)— русский писатель и публицист, видный деятель народнической организации «Земля и воля». После убийства шефа жандармов Мезенцева эмигрировал за границу. Написал несколько художественных произведений, посвященных народническому движению.—*216*.

[110] *Кропоткин П. А.* (1842—1921) — один из главных деятелей и теоретиков анархизма, видный географ. В 1872 г. примкнул к анархистской группе Бакунина, участвовал как анархист в народническом движении. В 1876 г. бежал из заключения и эмигрировал за границу, где стал видным деятелем анархизма. Является автором ряда работ, пропагандирующих анархистские идеи. Выступал как ярый враг марксизма.—*216*.

[111] *Международный рабочий социалистический конгресс в Париже*—первый конгресс II Интернационала, состоялся 14—21 июля 1889 г. Группа «Освобождение труда» в то время еще не имела прочной базы в России и не получила мандата на конгресс. Вместе с тем ее члены понимали, что выступление группы на конгрессе имело бы большое значение не только для русского революционного движения, но и для международной социал-демократии. Вопрос об участии в конгрессе был решен группой «Освобождение труда» в положительном смысле («Группа «Освобождение труда»», сб. III, стр. 238—239). Плеханов поехал на конгресс и произнес там речь, которую закончил известными словами о победе революционного движения в России как рабочего движения. В беседе с Воденом Энгельс сказал, что речь Плеханова на Парижском конгрессе «и ему и многим товарищам понравилась» (см. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 344).—*233*.

[112] *Благоев Димитр* (1855—1924) — политический деятель, положивший начало распространению марксизма в Болгарии, основатель и вождь болгарской революционной партии «тесняков», преобразованной в 1919 г. в Коммунистическую партию. С 1880 г. учился в Петербургском университете, где принимал участие в революционных студенческих кружках. Зимой 1883/84г. создал одну из первых в России социал-демократических групп, которая в 1885 г. установила связь с группой «Освобождение труда». Благоевская группа начала издавать социал-демократическую газету «Рабочий», но выпустила всего 2 номера. Группа сыграла видную роль в пропаганде марксизма в России. В 1885 г. она была разгромлена, а Д. Благоев арестован и выслан в Болгарию, где стал идейным руководителем и организатором болгарского рабочего и социалистического движения.—*235*.

[113] Благоев имеет в виду работу Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», Женева, 1883.—*246*.

[114] *Брейтфус А. Л.* (1866—?) — член группы Точисского. В 1885 г. вел пропаганду среди петербургских рабочих. В группе Точисского заведовал нелегальной библиотекой и кассой взаимопомощи политическим ссыльным. В 1888 г. был арестован и выслан за границу. После возвращения жил в Твери, вел революционную пропаганду среди рабочих. В 1889 г. сблизился с народовольцами. После ареста был вновь выслан за границу, где участвовал в организации транспортировки нелегальной литературы в Россию. В 1912 г. вернулся на родину и вскоре примкнул к эсерам. После Октябрьской революции от политической деятельности отошел.—*248*.

[115] *«Северный Вестник»* — литературно-научный и политический журнал либерального направления, выходил в Петербурге с 1885 по 1898 г. С 1891 г. фактически стал органом русских символистов и декадентов.—*253*.

[116] *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал, выходил в Петербурге с 1876 до середины 1918 г. С начала 90-х годов стал органом либеральных народников. С 1906 г.— орган полукадетской партии энесов («народных социалистов»).—*253*.

[117] *«Русские Ведомости»* — газета; выходила в Москве с 1863 г.; выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции. С 1905 г. стала органом правого крыла партии кадетов. Была закрыта в 1918 г.—*253*.

[118] *Бардина С. И.* (1853—1883) — член народнической организации, вела пропаганду в 1874—1875 гг. среди рабочих Москвы. Была арестована в апреле 1875 г. Судилась в феврале — марте 1877 г. («Процесс 50-ти»); на суде произнесла страстную обличительную речь против существующего политического и экономического порядка. Была приговорена к 9 годам каторжных работ, которые были заменены ссылкой на поселение.—*254*.

[119] Имеется в виду главное произведение П. Л. Лаврова «Исторические письма», изданное им в 1868—1869 гг. под псевдонимом П. Л. Миртов.—*254*.

[120] *«Процесс Лопатина Г.»* — имеется в виду брошюра «Процесс 21-го. С приложением биографической заметки о Г. А. Лопатине», изданная в Женеве в 1888 г. В этой брошюре описан суд над революционерами-народовольцами, который состоялся в Петербурге в мае — июне 1887 г. Некоторые из революционеров, в том числе Г. А. Лопатин, были приговорены к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением в Шлиссельбургскую крепость. Упоминание А. Брейтфуса о наличии этой брошюры в библиотеке Товарищества ошибочно, так как брошюра вышла уже после ареста Точисского и членов Товарищества.—*254*.

[121] *Афанасьев Ф. А.* (1859—1905) — рабочий-революционер; революционную деятельность начал в 1887 г., организовав в Петербурге кружок рабочих; в 1889 г. вошел в Рабочий комитет, объединявший социал-демократические кружки. Принимал участие в организации первой маевки (1891 г.), на которой произнес яркую речь. Неоднократно арестовывался царским правительством. Активный участник первой русской революции (1905—1907), член и секретарь Иваново-Вознесенского комитета большевиков, депутат Иваново-Вознесенского совета уполномоченных. 22 октября 1905 г. убит черносотенцами.—*265*.

[122] *Богданов Н. Д.* (1870—1929) — русский революционер-рабочий, активный участник группы Бруснева в Петербурге; в 1891 г. произнес речь на первой в

России маевке. Неоднократно подвергался преследованиям со стороны царского правительства. Впоследствии примкнул к меньшевикам.—*265*.

[123] *Афанасьев Е. А.* (он же Климов, Климанов, Клим) (1866—1918) — рабочий-революционер, входил в организованное П. В. Точисским «Товарищество с.-петербургских мастеровых», затем вошел в группу М. Бруснева, в которой исполнял обязанности кассира центрального кружка. Участвовал в первой в России маевке (1891 г. в Петербурге), на которой произнес речь. Впоследствии большевик, участник трех русских революций.—*265*.

[124] *Ольминский М. С.* (настоящая фамилия — Александров) (1863—1933)—один из старейших деятелей революционного движения в России, профессиональный революционер и литератор. В начале 80-х годов примыкал к народникам, в 1898 г. вошел в РСДРП, с 1903 г. большевик. В 1904 г. эмигрировал за границу, где участвовал в издании ряда нелегальных большевистских газет. По возвращении в Россию сотрудничал в большевистской прессе; в 1912—1914 гг. работал в «Правде». Активный участник Октябрьской революции. Впоследствии на партийной работе. Автор ряда книг и статей по истории партии.—*267*.

[125] *Мельников Ю. Д.* (1868—1900) — один из организаторов первых марксистских кружков на юге России. Сначала находился под влиянием народнических идей, впоследствии перешел на позиции марксизма. В 1893 г. вел революционную работу в Киеве, где основал ряд социал-демократических кружков, из которых позднее организовался киевский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Находясь в ссылке в Астрахани, был организатором первого социал-демократического кружка, положившего начало астраханской социал-демократической организации.—*269*.

[126] *Прошин В. И.* — рабочий-революционер, участник брусневской группы.—*272*.

[127] *Мотовилов Н. А.*— студент 3-го курса Казанского ветеринарного института. 4 декабря 1887 г., во время вспыхнувших студенческих «беспорядков» в Казанском университете, был одним из руководителей революционной сходки студентов ветеринарного института; на следующий день был исключен из института и сослан в Пензу. Оказал большое влияние на Н. Е. Федосеева в смысле формирования его марксистских взглядов.—*281*.

[128] 4 декабря 1887 г. в Казани происходили студенческие «беспорядки» в знак протеста против введения нового, реакционного университетского устава 1884 г. На студенческой сходке было принято обращение к правительству и обществу и выставлен ряд требований. Участники студенческих «беспорядков» были подвергнуты репрессиям. Десятки студентов были исключены из университета и ветеринарного института. В числе исключенных был и В. И. Ленин, студент 1-го курса юридического факультета.—*283*.

[129] Н. Е. Федосеев имеет в виду рецензию Михайловского, напечатанную в седьмой книге «Отечественных записок» за 1883 г.—*285*.

[130] *Пыпин А. Н.* (1833—1904) — историк литературы, в своих работах отражал взгляды либеральной буржуазии.—*286*.

[131] *Зибер Н. И.* (1844—1888) — профессор Киевского университета, один из первых в России пропагандистов и популяризаторов экономического учения К. Маркса; однако революционно-критическая сторона учения Маркса была ему непонятна и чужда. Тем не менее его сочинения сыграли большую роль в деле распространения идей марксизма в России.—*287*.

[132] Н. Е. Федосеев имеет в виду статью Энгельса «Социализм в Германии» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. 2, 1936, стр. 239—254).—*288*.

[133] Н. Е. Федосеев имеет в виду свое первое письмо к Михайловскому.—*288*.

[134] Н. Е. Федосеев цитирует статью Михайловского «Литература и жизнь» («Русское богатство», январь 1894 г.), в которой Михайловский полемизирует не только с Н. Е. Федосеевым, приводя большие отрывки из его первого письма, но и с авторами двух писем, подписанных «марксисты». Упоминаемое Н. Е. Федосеевым место из статьи Михайловского читается так: «Понизился уровень знаний, критической мысли, энергии, восприимчивости, потускли идеалы, выступили разочарования».—*289*.

[135] Из статьи Михайловского «Идеалы и идолы».—*293*.

[136] Имеется в виду статья Михайловского «К. Маркс перед судом г-на Ю. Жуковского» («Отечественные записки», кн. 5, 1877 г.).—*293*.

[137] Имеется в виду письмо К. Маркса к редактору «Отечественных записок» в 1877 г. в связи со статьей Михайловского «К. Маркс перед судом г-на Ю. Жуковского» («Вестник Народной воли» № 5, 1886 г.; «Юридический вестник» № 10, 1888 г.).—*293*.

[138] *Менделеев Д. И.* (1834—1907) — великий русский ученый-химик. Был уральским заводчиком и в качестве такового — защитником промышленного капитализма в России и его поступательного развития.

Скворцов А. И. (1848—1914)— экономист, профессор Ново-Александрийского института сельского хозяйства. В. И. Ленин много раз критиковал Скворцова: «...это — пошлейший буржуй и ничего больше» (*В. И. Ленин*. Соч., 5 изд., т. 1, стр. 201).

Чупров А. И. (1842—1908) — профессор-экономист, публицист-народник.

Стебут И. А. (1833—1923) — видный русский профессор-агроном; в области сельского хозяйства и сельскохозяйственного образования типичный буржуазно-капиталистический прогрессист.—*294*.

[139] Н. К. Михайловский в тот период получил среди многих других писем два письма за подписью «марксисты» из Харькова (они затем распространялись в виде отдельной нелегальной брошюры).—*296*.

[140] Из «Письма в редакцию» Михайловского, напечатанного за подписью «Посторонний» в июльской книжке «Отечественных записок» за 1883 г.—*298*.

[141] *Лавров П. Л.* (Миртов) (1823—1900) — виднейший представитель революционного народничества, член общества «Земля и воля», позже — партии «Народная воля», член I Интернационала. Автор «Исторических писем». Н. Е. Федосеев имеет в виду теорию нравственного долга цивилизованного меньшинства по отношению к страдающему большинству, развитую Лавровым в этих письмах.—*299*.

[142] Перечисленные Н. Е. Федосеевым лица — видные деятели крестьянской реформы 1861 г. Н. Е. Федосеев иронически называет их «симпатичными» радетелями крестьянства. Н. Г. Чернышевский клеймил их как крепостников-помещиков.—*300*.

[143] Н. Е. Федосеев несколько произвольно цитирует «Манифест Коммунистической партии» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 4, стр. 455—456).—*300*.

[144] *Слонимский Л. З.* (1850—1918) — публицист, сотрудник либерального «Вестника Европы», принимал участие в полемике с марксистами с либерально-буржуазных позиций.—*301*.

[145] Выступление горнорабочих в мае 1887 г. на рудниках близ Юзовки, Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии.—*306*.

[146] Стачка началась 25 мая и продолжалась до 8 июня 1893 г. на прядильной фабрике бр. Хлудовых в Егорьевске Рязанской губернии.—*306*.

[147] Речь идет о стачке рабочих текстильных фабрик Лодзи и Лодзинского уезда 20—29 апреля 1892 г.—*306*.

[148] Н. Е. Федосеев имеет в виду Орехово-Зуево, с рабочими которого он имел одно время непосредственную связь.—*306*.

[149] *Скворцов П. Н.*— статистик, «легальный марксист», печатал свои работы в «Юридическом вестнике» и «Научном обозрении» в 80-х и 90-х годах XIX в. В статье «Товарный фетишизм», опубликованной в «Научном обозрении» № 12 за 1899 г., выступил с враждебной критикой книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Рецензия была разбита и опровергнута в ответной статье В. И. Ленина «Некритическая критика».—*309*.

[150] *Струве П. Б.* (1870—1944) — русский буржуазный экономист и философ, главный представитель «легального марксизма». По меткой характеристике В. И. Ленина, он «начал с оппортунизма, с «критики Маркса», а докатился в несколько лет до контрреволюционного буржуазного национал-либерализма». С образованием в 1905 г. партии кадетов стал членом ее ЦК и лидером правого крыла. После 1917 г.— ярый враг Советской власти, член контрреволюционного правительства Деникина и Врангеля, затем белоэмигрант.—*329*.

[151] *Потресов А. Н.* (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма. В 90-е годы XIX в. примыкал к марксистам, входил в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1900 г. участвовал в организации «Искры» и «Зари». На II съезде РСДРП — один из вождей меньшевистской фракции. В период первой русской революции выступал за соглашение с либеральной буржуазией. В годы реакции возглавлял меньшевиков-ликвидаторов. В 1917 г. выступал против большевистской партии на страницах контрреволюционной газеты «День». После Октябрьской революции — активный враг Советской власти, белоэмигрант.—*329*.

[152] *Мицкевич С. И.* (1869—1944) — один из деятелей революционного движения в России. В 1893—1894 гг. вел активную пропагандистскую работу в марксистских рабочих кружках в Москве, позднее—в других городах России. В 1924—1934 гг. был директором Музея революции, в последние годы занимался литературной деятельностью.—*331*.

[153] *«Социал-Демократ»* — непериодический литературно-политический сборник группы «Освобождение труда», издавался в Женеве в 1890—1892 гг. Всего вышло 4 книги. В издании печатались отдельные работы К. Маркса и Ф. Энгельса.—*332*.

[154] *Партия «Народного права»* — нелегальная организация русской мелкобуржуазной революционно-демократической интеллигенции, образовавшаяся в 1893 г. Народоправцы пытались объединить все оппозиционные царизму силы для борьбы за демократические реформы. В 1894 г. партия «Народного права» была разгромлена полицией.—*333*.

[155] *«Юридический Вестник»* — ежемесячный журнал буржуазно-либерального направления, издавался Московским юридическим обществом с 1867 по 1892 г.—*333*.

[156] *«Вестник финансов, промышленности и торговли»* — журнал министерства финансов, издавался в 1885—1917 гг. в Петербурге.—*333*.

[157] *«Союз освобождения»* — политическая организация российской либеральной буржуазии. Был основан в январе 1904 г. на учредительном съезде в Петербурге. «Союз освобождения» пытался добиться у царя некоторых реформ в пользу буржуазии. В 1905 г. «освобожденцы» составили ядро буржуазной партии кадетов.—*333*.

[158] Имеются в виду стачки петербургских текстильщиков в мае — июне 1896 г., в которых участвовало свыше 30 тыс. рабочих. Стачечной борьбой руководил «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Впервые рабочие массы выступили на борьбу под руководством социал-демократической организации.—*335*.

[159] *«Новое Слово»* — научно-литературный и политический журнал либеральных народников, издавался с 1894 по 1897 г. в Петербурге. В 1897 г. стал органом «легальных марксистов».—*335*.

[160] *Лавристы* — представители одного из течений народничества 70-х годов, последователи П. Л. Лаврова (1823—1900). Последний отрицал существование объективных закономерностей исторического процесса, считал, что развитие общества происходит в результате деятельности «критически мыслящих личностей». Лавристы своей теорией «героев» и «толпы» препятствовали развертыванию революционной борьбы масс, сковывали их инициативу. Классики марксизма-ленинизма подвергли острой критике реакционно-утопические воззрения Лаврова и его последователей.—*337*.

[161] 24 июня 1895 г. на Большой мануфактуре Корзинкиных в Ярославле вследствие снижения расценок на пряжу вспыхнула забастовка 4 тысяч рабочих. Для подавления стачки администрацией были вызваны войска — солдаты Фанагорийского полка, которые открыли огонь по рабочим, в результате чего один рабочий был убит и 14 ранено. 1 мая рабочие были рассчитаны и объявлен новый набор. Стачка потерпела поражение. 11 рабочих — организаторов забастовки были отправлены в арестантские роты.—*342*.

[162] *Сильвин М. А.* (1874—1955) — активный деятель революционного социал-демократического движения в России. В 1891 г. вошел в социал-демократический кружок в Нижнем Новгороде, вел пропаганду среди рабочих. В 1893 г. поступил в Петербургский университет, вошел в социал-демократический кружок студентов-технологов, в который осенью 1893 г. вошел В. И. Ленин. Позже вошел в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в 1901—1903 гг. был агентом «Искры». Активный участник революции 1905—1907 гг. В 1908 г. отошел от революционной деятельности. После Октябрьской революции работал в Наркомпросе РСФСР, в торгпредстве СССР в Англии, занимался педагогической деятельностью.—*343*.

[163] *«Русский Рабочий»* — газета союза русских социалистов-революционеров, выходила в Париже — Лондоне — Женеве с 1894 по 1899 г.—*345*.

[164] *Смирнов А. И.*— рабочий Александровского южнороссийского завода в Екатеринославе. Входил в марксистский кружок, заведовал нелегальной библиотекой, распространял социал-демократическую литературу, участвовал в рабочих сходках в 1895 г. Был арестован и в 1897 г. сослан на 3 года в Восточную Сибирь.—*346*.

СОДЕРЖАНИЕ

I. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

II. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ И НАРОДНИКИ. ПЕРВЫЕ РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

РУССКАЯ СЕКЦИЯ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА (1870—1872)

О РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА

КРИТИКА Ф. ЭНГЕЛЬСОМ НАРОДНИЧЕСТВА

КРИТИКА Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ НАРОДНИЧЕСТВА

НАЧАЛО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ
(1883—1894 годы)

Редактор сборника *Н. В. Нелидов*

Технический редактор *Н. Н. Лебедева*
Корректоры *Г. А. Карликова* и *Н. Д. Черединцева*

Сдано в набор 17 сентября 1959 г. Подписано к печати 30 марта 1960 г. Формат 60×92[1]/16. Физ. печ. л. 23,25. Условн. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 24,01. Тираж 30 тыс. экз. А-01558. Заказ № 3587. Цена 6 р. 60 к.

Государственное издательство политической литературы. Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Первая Образцовая типография им. А. А. Жданова Московского городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.